И 278/143

4971 Межд. 13 кр.

БИБЛИОТЕКА
Ассоциации
№ Инв. 3082
№ Отд.
Шкаф
Научно-Иссл...

И 278/143

И. Р. VI

О

НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ

МОРСКАГО И ВОЕННАГО ПРАВА.

Графа Л. Камаровскаго.

МОСКВА.
1885.

П
2311

П 2311
4159/19
8244
И 278/143
дб ф 1-82/10028
БИБЛИОТЕКА
Ассоциации Научно-Исслед. Институтов
№ Инв. 3082
№ Стел.
Шкаф
ПОГАШЕНО

О

НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ

МОРСКАГО И ВОЕННАГО ПРАВА.

Графа Л. Камаровскаго.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
57551-44

Изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета“,
Юридическаго факультета.

2007059273

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду остановиться на монографіяхъ по тѣмъ вопросамъ международнаго права, которые, вызвавъ его въ свое время къ жизни, доселѣ служатъ предметомъ нескончаемыхъ споровъ между государствами и какъ въ виду этого обстоятельства, такъ и по громадной своей практической важности, настоятельнѣе всего требуютъ кодификаціи. Мы говоримъ о *правѣ войны морской и сухопутной*. Несмотря на разногласія, существующія здѣсь по многимъ еще пунктамъ, мы можемъ однако сказать, что кодификація этого отдѣла права въ цѣломъ уже теперь должна быть признана возможною и крайне полезною. Большинство европейскихъ государствъ, участіемъ своимъ на Брюссельской конференціи въ 1874 г., высказалось за это дѣло и можно только на извѣстное время ожидать оппозиціи развѣ со стороны Англіи. Но предоставленная себѣ самой и эта держава, вѣроятно, не преминула бы примкнуть рано или поздно къ общему на этотъ счетъ соглашенію государствъ Европы и Америки.

Наше мнѣніе о своевременности кодификаціи *главныхъ отдѣловъ права войны и притомъ какъ морской такъ и сухопутной*, мы основываемъ на томъ, что уже въ наши дни наука достаточно подготовила элементы для такой объединительной работы. Существующіе же противорѣчія и пробѣлы—а они еще многочисленны—скорѣе всего устранитъ и сгладитъ именно кодификаціонная работа. Во всякомъ случаѣ ею будетъ положено твердое основаніе дальнѣйшему усовершенствованію *положительнаго* международнаго права.

I.

Морское право.

Нисъ.—Перельсъ.—Бульмеринкъ.—Бёкъ.—Фошиллъ.

Въ области собственно *морскаго права* мы должны прежде всего отмѣтить два общія сочиненія: Ниса и Перельса.

Nys. La guerre maritime 1881.

Эрнестъ Нисъ, занимая должность судьи въ Брюсселѣ, работалъ неоднократно въ качествѣ секретаря на съѣздахъ Института, а теперь сдѣлался правою рукою Ривье по изданію «Обозрѣнія по международному праву». Для этого журнала онъ перевелъ различныя статьи нѣмецкихъ и английскихъ сотрудниковъ и написалъ нѣсколько интересныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Занимающая насъ теперь монографія его представляетъ рядъ краткихъ очерковъ, не лишенныхъ интереса для тѣхъ, кто впервые хочетъ ознакомиться съ этимъ предметомъ. Съ нѣкоторою подробностью авторъ излагаетъ только исторію и содержаніе акта перваго вооруженнаго нейтралитета, о происхожденіи котораго на Западѣ сложилась цѣлая легенда. Онъ же слѣдуетъ при этомъ русскимъ источникамъ. Въ 8 главахъ онъ говоритъ о свободѣ морей, каперствѣ, военной контрабандѣ, блокадѣ, правѣ осмотра и конвоѣ, о торговлѣ нейтральныхъ, призовой юрисдикціи и объ уваженіи частной собственности. Самое распредѣленіе этихъ главъ могло бы быть систематичнѣе. Авторъ, по характеру своего предмета, хотѣлъ написать изслѣдованіе историко-юридическое. Но на писателяхъ онъ останавливается очень мало: новѣйшихъ даже просто перечисляетъ. Наиболѣе интересны двѣ послѣднія главы. Высказываясь въ принципѣ за реформу призовыхъ судовъ, предлагаемую Бульмеринкомъ, Нисъ замѣчаетъ: «Еслибы радикальное осуществленіе этой реформы показалось для нашихъ дней преждевременнымъ, можно бы ввести международные суды, хотя для аппелляціонныхъ инстанцій. Но эта мѣра не должна насъ отклонить отъ мысли, что лишь учрежденіе *международныхъ судовъ въ обѣихъ инстанціяхъ* способно создать настоящую юрисдикцію, которая была бы свободна отъ вполнѣ заслуженнаго упрека, дѣлаемаго существующимъ призовымъ судамъ въ томъ, что они мало отличаются отъ средневѣковаго суммарнаго производства на палубѣ адмирала. Страхъ предъ неосуществимымъ часто ведетъ, въ наукѣ и на практикѣ, къ полумѣрамъ не искореняющимъ признанныхъ злоупотребленій, а съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что если стремленія къ идеалу и представляютъ иногда нѣкоторую опасность, но они же ведутъ къ благороднымъ, славнымъ пріобрѣтеніямъ».

Не менѣе рѣшительно Нисъ высказывается и за принципъ свободы частной собственности на морѣ, но безъ тѣхъ ограниченій, которыя предлагаетъ Бёкъ и о которыхъ мы говоримъ ниже. По его мнѣнію эта реформа требуется въ наше время не только правосознаніемъ народовъ, но и ихъ дѣйствительными интересами. Онъ вѣритъ въ скорое присоединеніе къ ней даже Англіи, хотя интересныя пренія, бывшія въ палатѣ общинъ 22 марта 1878 г., еще разъ доказали, что Англія не хочетъ пока отказаться отъ мнимаго оружія, которымъ она думаетъ располагать въ правѣ призовъ. Во всякомъ случаѣ для насъ важно то, что ея торговыя палаты, — эти наиболѣе вѣрныя истолковательницы настоящихъ интересовъ англійскаго народа, начинаютъ все рѣшительнѣе высказываться за указанную реформу и сами англійскіе публицисты мѣняютъ свои на нее воззрѣнія. Гооль требуетъ ея, ради интересовъ вѣрно понятыхъ самой Англіи. Лоримеръ старается оправдать захватъ частной собственности на морѣ новыми доводами, видя въ немъ нѣкоего рода принудительную экспропріяцію ради военныхъ цѣлей.

Perels. Das internationale öffentliche Seerecht der Gegenwart. 1882.

Весьма дѣльный и полный учебникъ всего публичнаго морскаго права по новѣйшимъ законодательствамъ и трактатамъ. Авторъ, состоя нынѣ членомъ адмиралтейства въ Берлинѣ, преподавалъ въ 1873—77 г. въ морской академіи въ Килѣ международное и морское право и эти лекціи послужили главнымъ матеріаломъ для его настоящаго труда. Къ достоинствамъ его мы относимъ: ясное, сжатое изложеніе, богатство положительнаго матеріала и вообще знакомство съ практическою стороною морскаго дѣла и морскихъ войнъ. Подобно тому, какъ Ортоланъ написалъ свое извѣстное сочиненіе Règles internationales et diplomatie de la Mer для французскихъ моряковъ въ видахъ преимущественно практическихъ, Перельсъ ставитъ себѣ ту же задачу по отношенію къ Германіи, объединеніе которой повело ее и къ созданію военнаго флота 1). Хотя теоретическій элементъ въ разбираемомъ нами сочиненіи слабѣе практическаго, но въ цѣломъ оно заслуживаетъ занять мѣсто наравнѣ съ трудами Готфёля, Коши, Ортолана, Геспера и Бульмеринка.

Мы сказали, что Перельсъ излагаетъ *все* публичное морское право сперва въ состояніи *мира*, затѣмъ во время *войны*. Это двѣ части его книги. Имъ предшествуютъ введеніе (понятіе и границы предмета; его источники) и указатель, весьма полный, сочиненій, которыми пользовался авторъ. Въ приложеніяхъ (числомъ 12) напечатаны: нѣкоторые новѣйшіе законы и правительственныя распоряженія Германіи по морскому праву 2) и важные международные акты 3).

---

1) Заслуживаетъ вниманія *Сборникъ* всѣхъ относящихся къ морскому праву *нѣмецкихъ законовъ, распоряженій, инструкцій* и т. д., изданный *Штегеманомъ* (Seegesetze des Deutschen Reiches. Von Stegemann. 1882).

2) Временныя правила коммандующимъ нѣмецкими военными судами о преслѣдованіи морскаго разбоя въ китайскихъ водахъ (отъ 20 авг. 1877). Правила о предупрежденіи столкновеній судовъ на морѣ (17 янв. 1880) и о мѣрахъ, долженствующихъ быть принятыми послѣ такого столкновенія (15 авг. 1876 г.). Сигнальныя правила для лоцмановъ и въ случаяхъ гибели угрожающей кораблямъ на открытомъ морѣ или въ территоріальныхъ водахъ (14 авг. 1874).—Извлеченія изъ инструкцій начальствующимъ нѣмецкими судами во время ихъ пребыванія за границею (одобрено императорскимъ указомъ 28 сент. 1872).—Рѣшенія торговаго сословія въ Бременѣ 2 дек. 1859 относительно неприкосновенности лицъ и имуществъ на морѣ во время войны.—Прусскій уставъ о призахъ 20 іюня 1864 г.

3) Трактатъ 20 дек. 1841 г. между пятью великими державами касательно прекращенія торговли неграми въ Африкѣ.—Соглашеніе между Германіею и

Въ первой части излагаются ученія: о верховенствѣ надъ морями, національности кораблей, ихъ юридическомъ положеніи внѣ ихъ отечественныхъ водъ, о пиратствѣ, морской полиціи, береговомъ правѣ и оказаніи помощи погибающимъ, морскомъ церемоніалѣ и о свойствѣ морскихъ силъ при международныхъ столкновеніяхъ внѣ войны.

Вторая часть посвящается спеціально морской войнѣ. Она касается отношеній между воюющими, положенія нейтральныхъ, военной контрабанды, блокады, права осмотра и призовой юрисдикціи. Хотя по характеру своего сочиненія Перельсъ долженъ былъ останавливаться особенно на законодательствѣ Германіи и Пруссіи, но онъ говоритъ также и о нѣкоторыхъ новѣйшихъ законахъ другихъ государствъ. Нельзя напр. не согласиться съ его критикою англійскаго «Territorial Waters Juridiction Act» 1878 г., излишне расширившаго юрисдикцію англійскихъ судовъ. Онъ напоминаетъ, что Англія первая издала въ 1862 г. законъ о предупрежденіи столкновеній между кораблями на морѣ, послужившій образцомъ и для другихъ государствъ при опредѣленіи этого важнаго вопроса (нѣмецкій законъ 1880 г.). Онъ обращаетъ вниманіе и на англійскій «Merchant Shipping Act», 1873 г., говоритъ о содержаніи извѣстнаго Навигаціоннаго Акта 1651 г., а въ введеніи приводитъ главныя постановленія новѣйшихъ трактатовъ о торговлѣ и судоходствѣ. Въ теоретическомъ отношеніи Перельсъ является нерѣдко защитникомъ установившейся практики. Говоря объ осужденіи нѣкоторыми писателями употребленія цѣпныхъ и каленыхъ ядеръ, горящихъ смоленыхъ снарядовъ и т. п. орудій уничтожающихъ мгновенно цѣлые непріятельскіе отряды, онъ замѣчаетъ съ ироніею, что многія изъ нихъ уже вывелись изъ употребленія, но что ихъ вообще нечего осуждать въ вѣкъ картечей, гранатъ, шрап-

---

Великобританіею относительно вступленія въ этотъ трактатъ первой на мѣсто Пруссіи (отъ 29 марта 1879). Парижская декларація 1856 г. — Женевская конвенція 1864 и дополнительныя къ ней статьи 1868 г.—Деклараціи о нейтралитетѣ различныхъ государствъ по поводу франко-германской войны 1870 — 71 г. Это особенно интересное собраніе документовъ, изданныхъ Великобританіею, Нидерландами, Даніею, Австро-Венгріею, Италіею, Испаніею, Португалліею, С. Штатами, Чили, Перу и Японіею. Документы приводятся на нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ.

нелей, митральезъ, торпедъ и морскихъ минъ. Непріятель, осаждающій городъ, по его мнѣнію, не обязанъ выпускать изъ него мирныхъ жителей, ибо въ его интересахъ лежитъ, чтобы они скорѣе почувствовали нужду въ провіантѣ. При бомбардированіи воюющій долженъ щадить неукрѣпленныя части города лишь поскольку это совмѣстимо съ интересами атаки. Понятіе о военной контрабандѣ у него довольно растяжимо и, слѣдуя практикѣ, онъ причисляетъ къ ней: 1) матеріалы, могущіе быть переработаны для военныхъ потребностей; 2) лошадей; 3) паровыя машины и ихъ составныя части, могущія служить военнымъ цѣлямъ; 4) каменный уголь; 5) жизненные припасы; 6) денежныя суммы въ металлахъ или бумагахъ, и 7) корабли приспособленные для военныхъ операцій или безъ этого предназначаемые для послѣднихъ. Къ случайной контрабандѣ онъ относитъ: а) перевозку къ непріятелю лицъ, вошедшихъ или имѣющихъ войти въ составъ его военныхъ (морскихъ или сухопутныхъ) силъ; б) доставку депешъ воюющаго или къ воюющему, гдѣ бы онѣ ни были приняты въ непріятельской или нейтральной гавани. Свободными признаются только депеши, не имѣющія никакого отношенія къ войнѣ, и в) перевозъ агентовъ воюющаго, посылаемыхъ съ какою бы то ни было военною цѣлію.

Перельсъ выступаетъ защитникомъ мирной блокады, прилагаемой какъ репрессаліи внѣ войны. Даже суровыя репрессаліи, говоритъ онъ, поражающія интересы третьихъ, нейтральныхъ государствъ и ихъ подданныхъ, составляютъ меньшее зло чѣмъ война и несомнѣнно допустимы какъ средство самозащиты народовъ. Нельзя возражать противъ названной блокады также на тѣхъ основаніяхъ, что она сравнительно новаго происхожденія—впервые бывъ приложенною въ 1827 г.—или что будто бы парижская декларація ее молчаливо отмѣнила. Что же касается до несправедливости ея по отношенію къ третьимъ государствамъ и ихъ подданнымъ, то слѣдовало бы держаться французской практики и подвергать корабли и имущества нейтральныхъ не захвату, а лишь секвестру.

Ниже мы увидимъ, что противъ мирной блокады сильно возстаетъ Фошилль.

Блокада въ военное время, по Перельсу, бываетъ дѣйствительною подъ однимъ условіемъ, чтобы какъ входъ, такъ и выходъ изъ обложеннаго мѣста былъ соединенъ съ опасностью для судовъ. Въ силу этого блокаду могутъ поддерживать не только военныя суда, но и батареи съ берега. Въ противоположность Гесперу онъ считаетъ спеціальную нотификацію о блокадѣ обязательною: 1) въ случаѣ предписанія ея трактатомъ или какою-либо инструкціею и 2) когда изъ обстоятельствъ окажется, что приближающійся корабль не имѣлъ свѣдѣнія о существованіи блокады. Считать же спеціальную нотификацію необходимою на всѣ случаи—значитъ оставлять безнаказаннымъ первое нарушеніе блокады.

Право осмотра, по мнѣнію Перельса, расходящагося въ этомъ съ Готфелемъ, должно считаться дозволеннымъ и во время перемирія (если оно прямо не воспрещено въ соглашеніи о перемиріи), ибо въ приложеніи его онъ не усматриваетъ никакого акта враждебности, затѣмъ думаетъ, что въ противномъ случаѣ нейтральные легко могли бы воспользоваться открывшеюся имъ свободою морскихъ сношеній и доставить кому-либо изъ воюющихъ всѣ возможныя пособія.

Осуждая въ цѣломъ морскую добычу, Перельсъ говоритъ о ней однако не особенно много. Относительно репризовъ онъ становится на сторону практики С. Штатовъ, хотя правило ею признаваемое, нельзя считать еще утвердившимся въ положительномъ международномъ правѣ. По этому правилу репризы признаются дѣйствительными, если они сдѣланы, независимо отъ продолжительности нахожденія ихъ въ рукахъ перваго взятеля до судебнаго ихъ присужденія. Юридически это воззрѣніе вполнѣ вѣрно, ибо ранѣе указаннаго момента не существуетъ окончательнаго перехода права собственности на нихъ. На преобразованіи призовыхъ судовъ авторъ не останавливается почти вовсе. Упомянувъ, что разсужденія объ этомъ начались со временъ Гюбнера и нашли себѣ новый научный органъ въ Институтѣ, вызвавъ трудъ Бульмеринка, онъ прибавляетъ: до сихъ поръ ни одно государство, внѣ случаевъ компромисса, не считало совмѣстимымъ съ своимъ верховенствомъ, чтобы дѣйствія подчиненныхъ ему учрежденій обсуждались посторонними, а не имъ самимъ назначенными и отъ него исключительно зависящими властями. Да и постановленія такихъ постороннихъ органовъ были бы лишены исполнительной силы (nicht executionsfähig).

Но между тѣмъ онъ говоритъ съ полною откровенностію о ихъ настоящемъ положеніи и значеніи, которыя именно и дѣлаютъ ихъ реформу въ международномъ смыслѣ неотложною: «Призовыя инстанціи не суть международные суды. Хотя они и должны руководиться нормами международнаго права, но они прилагаютъ таковыя, если эти нормы не выражены въ спеціальныхъ трактатахъ, по мѣрѣ прямаго признанія ихъ законами и инструкціями назначившаго ихъ государства и не существуетъ гарантіи въ томъ, чтобы національныя опредѣленія всегда совпадали съ существомъ международныхъ отношеній. Въ растяжимости большинства правилъ существующихъ въ военно-морскомъ правѣ заключается дальнѣйшее препятствіе къ тому, чтобы національные суды прилагали право вполнѣ безпристрастно».

Впрочемъ и Перельсъ считаетъ мнѣніе англійскихъ и американскихъ публицистовъ о рѣшеніяхъ призовыхъ судовъ, какъ главномъ источникѣ морскаго международнаго права, преувеличеннымъ. Онъ разсказываетъ куріозный фактъ, что извѣстный Вернонъ Гаркортъ (Historicus) въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ въ 1865 г. высказалъ свое удивленіе, что почти ни одинъ публицистъ на континентѣ Европы не оказываетъ должнаго вниманія рѣшеніямъ этихъ судовъ и объясняетъ это только незнаніемъ англійскаго языка.

Вотъ можно сказать вполнѣ *англійское* объясненіе, ибо именно англичане отличаются самымъ полнымъ незнаніемъ европейскихъ языковъ! ¹)

---

¹) Сочиненіе Перельса недавно переведено на французскій языкъ *Арендтомъ*, который обогатилъ его нѣкоторыми новѣйшими документами (напр. протоколомъ парижской конференціи 1882 г. по охранѣ подводныхъ кабелей, текстомъ конвенціи 6 мая 1882 г. между Германіею, Великобританіею, Франціею, Бельгіею, Голландіею и Даніею по поводу полиціи и рыболовства въ Сѣверномъ морѣ). Переводъ этотъ сдѣланъ весьма тщательно и точно. Довольно обстоятельную критику на книгу Перельса написалъ *Цорнъ* (въ Krit. Vierteljahr für Gesetzgebung und Rechtswiss. 1882. S. 477—490), но его воззрѣнія на международное право (которое онъ низводитъ на степень *внѣшняго государственнаго* права) вполнѣ несостоятельны.

Въ современномъ морскомъ правѣ стоятъ на очереди особенно *три главныя реформы* требующія осуществленія послѣ парижской деклараціи 1856 г. и которыя тѣсно между собою связаны: преобразованіе призовыхъ судовъ, отмѣна морской добычи и установленіе болѣе точнаго, въ подробностяхъ строже выработаннаго понятія о блокадѣ. Этимъ вопросамъ посвящены примѣчательные труды Бульмеринка, Бёка и Фошилля.

Bulmerincq. Le droit des prises maritimes. 1880.

Сочиненіе это составляетъ докладъ, представленный авторомъ Институту международнаго права, назначившему особую коммиссію для изученія современнаго положенія призовыхъ судовъ. Мы имѣли уже случай говорить о книгѣ г. Бульмеринка [1] и поэтому здѣсь не будемъ болѣе на ней останавливаться, но замѣтимъ только, что по богатству содержанія и по строгой выдержанности юридическихъ принциповъ ее смѣло можно отнести къ лучшимъ произведеніямъ новѣйшей литературы по международному праву. Авторъ даетъ намъ *весь положительный матеріалъ* изучаемаго имъ вопроса по законамъ и трактатамъ, сообщаетъ его *литературу* по главнымъ направленіямъ и подвергаетъ добытыя имъ начала всесторонней и серьезной *критикѣ*.

Въ заключеніе онъ составилъ *Проектъ международнаго устава о морскихъ призахъ* изъ 131 статьи. Это примѣчательный опытъ кодификаціонной работы, въ которомъ намѣчены всѣ пункты морскаго права, особенно нуждающіяся въ улучшеніи. Институтъ на своихъ съѣздахъ въ Туринѣ и въ Мюнхенѣ (1882 и 83 г.) принялъ съ небольшими измѣненіями 84 статьи этого проекта, посвященныхъ *матеріальному призовому праву* [2]. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ постановилъ препроводить эту часть на разсмотрѣніе правительствъ, въ тѣхъ видахъ, конечно, чтобы побудить ихъ приступить къ реформѣ морскаго права, для которой теперь имѣются почти такія же хорошія подготовительныя работы, какія представила, по законамъ сухопутной войны, Брюссельская конференція.

---

[1] Юридич. Вѣстн. 1883. Апрѣль, стр. 619 сл.

[2] Переводъ этой части проекта мы сдѣлали *Тамъ же*. стр. 628—639, и 1884 г. Апрѣль, стр. 725—730.

Boeck. De la propriété privée ennemie sous pavillon ennemi. 1882.

Хотя мы имѣемъ о неприкосновенности частной собственности на морѣ за послѣднее двадцатилѣтіе цѣлый рядъ прекрасныхъ монографій Коши, Видари, Лавеле, Блюнчли, Потерностро, а въ русской литературѣ Каченовскаго, Мартенса, но книга Бёка, впервые выступающаго еще на поприще международнаго права, должна быть признана наиболѣе полнымъ и удовлетворительнымъ изслѣдованіемъ изъ всѣхъ существующихъ по данному вопросу. Читая его громадный томъ (въ 750 стр.) можно только дивиться той учености, съ которою авторъ изучилъ поставленный себѣ вопросъ. Кажется ничто имъ не упущено, но каждый пунктъ разъясненъ по возможности со всѣхъ сторонъ. И эта подавляющая масса матеріаловъ не лишаетъ однако его книгу ясности и живости изложенія.

Вопросъ о свободѣ непріятельской собственности на морѣ возникъ послѣ того, какъ постепенно въ жизни и въ наукѣ стали выясняться понятія о правахъ нейтральныхъ, но въ наше время онъ является самымъ необходимымъ и рѣшительнымъ къ нимъ добавленіемъ и завершеніемъ, тою скалою, на которой, по словамъ автора, должно быть возведено все право морской войны, доселѣ, несмотря на свое многовѣковое существованіе, покоившееся лишь на зыбкомъ пескѣ. Нельзя не видѣть въ самомъ дѣлѣ въ развитіи этого права постепеннаго восхожденія отъ полнаго произвола воюющихъ къ твердымъ и болѣе широкимъ принципамъ справедливости: Консолата дель-Маре призналъ свободнымъ нейтральный грузъ подъ непріятельскимъ флагомъ; оба вооруженные нейтралитеты и парижская декларація присоединили къ этому и неприкосновенность непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ (за исключеніемъ военной контрабанды). Парижская декларація отмѣнила и каперство. Эти реформы, чтобы быть полными, требуютъ теперь *объявленія непріятельской собственности неприкосновенною даже подъ непріятельскимъ флагомъ.* Но, спѣшитъ добавить Бёкъ, послѣдній принципъ нисколько не препятствуетъ созданію добровольныхъ флотовъ или морской милиціи (marine volontaire), организованной въ военномъ отношеніи и принятой въ составъ правильныхъ морскихъ силъ государствъ. Поэтому преобразованіе морской войны, вслѣдствіе отмѣны каперства и призовъ, вовсе не обозначило бы лишеніе государствъ тѣхъ средствъ, оборонительныхъ и наступательныхъ, которыя имъ даны природою. Впрочемъ для автора не столько важенъ вопросъ о признаніи самого принципа свободы непріятельской собственности на морѣ, что составляетъ лишь дѣло времени, сколько вопросъ *о предѣлахъ* его приложенія и объ *ограниченіяхъ*, которымъ онъ на практикѣ неизбѣжно долженъ подлежать. Очевидно и собственность непріятельская подобно нейтральной получаетъ защиту ради интересовъ мирной торговли и должна не вторгаться въ сферу войны, т.-е. не нарушать предписаній о военной контрабандѣ и блокадѣ. Но помимо этого она, по мысли Бёка, въ отличіе отъ собственности нейтральной, подвергается нѣкоторымъ *дальнѣйшимъ ограниченіямъ*, вытекающимъ изъ военной необходимости и соотвѣтствующимъ впрочемъ и обычаямъ сухопутной войны. Корабли и грузы непріятеля могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, подлежать *реквизиціи* и *принудительной продажѣ*. Но для того, чтобы воюющіе не выступали судьями въ собственномъ дѣлѣ и не лишали своихъ противниковъ гарантіи безпристрастной защиты—Бёкъ высказывается за *введеніе международныхъ призовыхъ судовъ* и за устройство ихъ производства сообразно съ общими принципами права и элементарными требованіями справедливости.

Итакъ, заключаетъ авторъ, право морской войны должно быть преобразовано въ наши дни въ своемъ *принципѣ*, по отношенію къ *судамъ* имѣющимъ его прилагать и къ *производству дѣлъ* этими судами.

Таковъ общій планъ этого труда, обнимающаго, какъ видно, всѣ стороны военнаго морскаго права. Его качества заслуживаютъ однако болѣе тщательнаго разсмотрѣнія и подробностей.

Кромѣ довольно полнаго библіографическаго указателя въ началѣ, и аналитической таблицы въ концѣ, книга Бёка распадается на три части. Въ первой авторъ даетъ намъ *историческій очеркъ* нейралитета (въ шести періодахъ до 1882 г.), выдвигая на первый планъ вопросъ объ участи непріятельской собствености въ морскихъ войнахъ. Вторая часть посвящена *современной прак-*

тикѣ. Въ ней двѣ главы. Первая говоритъ о *дѣйствующемъ правѣ захвата* и именно о предметахъ морской добычи, о лицахъ имѣющихъ право ее совершать, о мѣстѣ и времени приложенія этого права и о всей такъ сказать процедурѣ послѣдняго (обязанности крейсера, взятеля или каптора, принудительная продажа призовъ, пользованіе ими, ихъ уничтоженіе и выкупъ, репризы). Небольшое приложеніе посвящено разсмотрѣнію итальянскаго кодекса, который, какъ извѣстно, первый призналъ неприкосновенность непріятельскихъ торговыхъ судовъ. Вторая глава этой части предметомъ имѣетъ: *призовые суды*: ихъ характеръ, устройство, подсудность, производство. Третья часть озаглавлена: *право будущаго; проекты преобразованій*. И она дѣлится на тѣ же двѣ главы, какъ и вторая. Сперва авторъ говоритъ о *защитникахъ* и *противникахъ* предлагаемаго имъ принципа. Онъ отводитъ особое мѣсто *работамъ Института* международнаго права, которыя резюмируетъ мастерски. Затѣмъ онъ даетъ намъ *главные доводы* въ пользу своего основнаго тезиса и переходитъ къ его *ограниченіямъ* на практикѣ.

Вторая глава этой части, воспроизводя въ существѣ реформу предлагаемую Бульмеринкомъ, говоритъ *объ устройствѣ международныхъ призовыхъ судовъ* и *о преобразованіи всего ихъ производства.*

Простота и стройность этой системы въ значительной степени облегчаютъ для читателя обозрѣніе и изученіе всего богатаго матеріала книги Бёка.

Съ большою подробностью авторъ приводитъ и разбираетъ *доводы защитниковъ и противниковъ* принципа неприкосновенности частной собственности на морѣ. Чужія мнѣнія онъ излагаетъ обыкновенно собственными словами ихъ авторовъ и, можно сказать, что онъ не забылъ ни одного сколько-нибудь примѣчательнаго писателя. Сперва идутъ защитники. Рядъ ихъ, какъ извѣстно, открылъ Мабли своимъ сочиненіемъ Droit public de l'Europe fondé sur les traités въ 1748 г. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ число ихъ становится значительнѣе, а аргументы рѣшительнѣе. При этомъ однако заслуживаютъ вниманія два обстоятельства: во Франціи въ послѣднее десятилѣтіе выступило нѣсколько новыхъ поборниковъ права захвата: Carron, Delalande, Aube, Funck Brentano и Sorel. Въ Англіи, кромѣ Кобдена, за свободу частной собственности на морѣ высказались лишь двое: Airlie и Hall, но не на основаніи нравственныхъ или юридическихъ соображеній, а ради интересовъ самой Англіи. За то съ другой стороны противниками этой реформы являются Johnstone и Bowles. Первый— одинъ изъ основателей морскаго общества, поставившаго себѣ цѣлью возстановленіе правъ на морѣ Великобританіи [1]) и ратующаго поэтому не только за право захвата, но и за отступленіе Англіи отъ парижской деклараціи, т.-е. за возстановленіе каперства и за уничтоженіе неприкосновенности даже нейтральнаго флага.

Весьма любопытны также пренія, которыя были по этому вопросу два раза въ средѣ французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ: въ 1860 г. по поводу мемуара, читаннаго Франкомъ о публицистахъ 17 стол. и въ 1866 г. когда Коши прочелъ въ засѣданіяхъ 12, 19 и 26 мая свой извѣстный докладъ объ уваженіи частной собственности въ морскихъ войнахъ. Оба раза Жиро выступалъ горячимъ защитникомъ прежняго морскаго права и находилъ необходимымъ возстановленіе каперства «какъ единственно возможнаго въ будущемъ орудія борьбы съ Англіею». За это же мнѣніе высказался Dupin, но оппонентами ихъ были, кромѣ Франка, Michel Chevalier, F. Passy, Ad. Garnier и Wolowsky. «Несмотря на энергичную рѣчь Жиро, говоритъ Бёкъ, дѣло каперовъ было проиграно предъ Академіею, подобно тому, какъ незадолго до этого оно было осуждено на парижскомъ конгрессѣ и Европою и честь побѣды, при всемъ талантѣ и патріотизмѣ диссидентовъ осталась на сторонѣ защитниковъ отмѣны каперства и права захвата».

Вѣроятно такимъ же образомъ окончится вообще этотъ великій споръ между защитниками новаго морскаго права и приверженцами старыхъ, нынѣ уже отжившихъ, порядковъ. Замѣтимъ еще, что въ числѣ первыхъ наиболѣе обстоятельные доводы представили Массе, Коши и Видари, а въ послѣднее время Лавёле и Блюнчли. Главными же теоретиками права захвата слѣдуетъ считать особенно Ортолана и Готфёля. Къ первому Бёкъ прилагаетъ даже слова поэта:

---

[1]) Maritime League for the resumption of naval Rights in Great Britain.

Si Pergama dextra
Defendi possent, etiam hac defensa fuissent.

Новое, оригинальное основаніе этому праву старался наконецъ найти Лоримеръ.

Бёкъ упоминаетъ и объ русской литературѣ и къ защитникамъ морской реформы относитъ Каченовскаго, Мартенса и Даневскаго. Отмѣтимъ при этомъ двѣ большія неточности: «сочиненіе Каченовскаго «О призахъ» явилось не въ 1865 г., какъ говоритъ Бёкъ, а въ 1856 г. немного ранѣе парижскаго конгресса. Изслѣдованіе Блюнчли «О правѣ добычи» было вызвано просьбою не московскаго Юридическаго Общества, а Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и именно предсѣдателя его графа А. Е. Камаровскаго.

Изложивъ мнѣнія писателей, Бёкъ въ заключеніе даетъ собственные доводы, которые требуютъ признанія принципа неприкосновенности. Такихъ доводовъ четыре: юридическій, экономическій, историческій и политическій.

1. *Доводъ юридическій* для насъ конечно главный. Онъ вытекаетъ изъ самаго современнаго понятія войны, даннаго еще Руссо: война есть отношеніе государства къ государству, а не частныхъ лицъ къ частнымъ лицамъ. Это значитъ, что она не должна направляться противъ нихъ непосредственно, поражать ихъ въ ихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ до тѣхъ поръ, пока сами они не принимаютъ въ ней активнаго участія. Этотъ принципъ обозначаетъ ли безучастіе гражданъ къ отечеству въ минуты опасности отъ войны? Нисколько! Они въ качествѣ солдатъ и плательщиковъ податей участвуютъ своею личностію и имуществомъ въ военныхъ успѣхахъ или бѣдствіяхъ своей родины, но выставленное нами правило говоритъ лишь одно: что воюющія государства не въ правѣ направлять свои дѣйствія *прямо* или *единственно* противъ частныхъ лицъ, права которыхъ войною не уничтожаются и вообще не зависятъ отъ произвола непріятеля. Не порывая связей между государствомъ и его гражданами, признавая косвенное на нихъ воздѣйствіе войны, этотъ принципъ даетъ послѣдней точное опредѣленіе и выгораживаетъ, по отношенію къ непріятелю, права частныхъ лицъ.

Это воззрѣніе на войну, въ наше время единственно разумное, допускается и многими противниками неприкосновенности (Ортоланомъ, Pistoye и Duverdy). Но они оспариваютъ, чтобы въ сухопутныхъ войнахъ собственность непріятеля пользовалась уваженіемъ: контрибуціи являются выкупомъ за ограбленіе, реквизиціи составляютъ легальный способъ разоренія жителей.

Въ подобныхъ утвержденіяхъ нельзя не видѣть софизма: безспорно, континентальныя войны еще очень суровы и разорительны, но нарушенія правила никакъ нельзя отождествлять съ самимъ правиломъ. А дѣло въ томъ, что въ сухопутной войнѣ принципъ уваженія непріятельской собственности получилъ уже общее признаніе: контрибуціи, бывъ въ началѣ выкупомъ, взимаются теперь непріятелемъ въ качествѣ временнаго оккупанта извѣстной части территоріи. Реквизиціи, хотя большею частію и остаются на практикѣ безъ уплатъ, въ принципѣ отличаются отъ призовъ. Онѣ вызываются военною необходимостію самаго оккупанта, а призы цѣликомъ зависятъ отъ власти воюющаго. Совершенно вѣрно говоритъ Роленъ Жекменъ: правило сухопутной войны: возлагайте реквизиціи по вашимъ *нуждамъ*. Правило на морѣ: берите по вашимъ *силамъ*. На сушѣ воюющіе отказались отъ стариннаго воззрѣнія будто война должна сама себя питать, а оккупаціонное войско жить исключительно на средства занятой имъ мѣстности.

Защитники захватовъ на морѣ выставляютъ еще другой аргументъ: на войнѣ необходимость должна считаться мѣриломъ права; все что необходимо поэтому справедливо. Государства не могутъ уважать непріятельской собственности на морѣ, потому что это повело бы на практикѣ къ отказу отъ морскихъ войнъ. Взятіе морскихъ укрѣпленій и сожженіе военнаго флота непріятеля еще недостаточны, чтобы сломить его силу. Чтобы поразить его въ сердце надо объявить войну его торговлѣ, наложить руку на его трудъ и капиталы, завладѣть его доходами, словомъ изолировать его отъ всего остальнаго міра.

Много преувеличенія лежитъ въ приведенныхъ словахъ. Еще лордъ Пальмерстонъ сознался, что ни одна великая страна не была побѣждена вслѣдствіе убытковъ причиненныхъ частнымъ лицамъ. Нынѣ съ отмѣной каперства и признаніемъ неприкосновенности нейтральнаго флага, право захвата много утратило отъ своей прежней силы. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и покровительству нейтральнаго флага, торговля воюющаго можетъ укрыться отъ ударовъ непріятеля. Примѣры послѣднихъ морскихъ войнъ показываютъ намъ, что слабѣйшіе флоты даже не появлялись на моряхъ и не пытались защищать торговлю своихъ соотечественниковъ, что они конечно сдѣлали бы, еслибы призы наносили ей тѣ смертельные удары, о которыхъ толкуютъ такъ охотно, но и не основательно.

Отмѣна призовъ придастъ правда морской войнѣ совершенно иной характеръ, но не уничтожитъ ея. Новѣйшія открытія въ техникѣ такъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, что наиболѣе компетентные моряки въ наши дни сами сознаются, что они не знаютъ, какъ будетъ вестись первая война на морѣ. Въ виду этихъ непрерывныхъ преобразованій, которыя сами, быть можетъ, скоро окажутся ничтожными предъ примѣненіемъ въ ближайшемъ будущемъ къ морскому дѣлу электричества, не странно ли утверждать, что безъ призовъ морская война невозможна?

Но становясь даже на эту точку зрѣнія военной необходимости, можно было бы говорить только развѣ не о конфискаціи частныхъ судовъ непріятеля, а объ ихъ задержаніи (секвестрѣ) до окончанія войны съ обязанностію возвратить ихъ тогда или заплатить за ихъ стоимость. Но и эта мѣра внесла бы въ торговыя сношенія много разстройства и должна быть, во имя права, также осуждена.

Бёкъ не оспариваетъ великой пользы, которую государство можетъ извлечь въ военное время изъ своего торговаго флота. Это аргументъ наиболѣе серьезный сторонниковъ захвата. Торговый корабль можетъ быть легко превращенъ въ военный, а служащимъ на немъ матросамъ стоитъ только перейти на таковой, чтобъ превратиться въ комбатантовъ. Не даромъ ихъ сравниваютъ съ резервомъ. Даже, если торговыя суда не преобразуются прямо въ военныя, они могутъ оказывать безцѣнныя услуги въ качествѣ транспортныхъ, ибо почти каждое изъ нихъ способно перевозить войска, боевые запасы, депеши. Въ нѣкоторыхъ странахъ (какъ напр. въ Германіи) государство имѣетъ право требовать, чтобы, на случай войны, судохозяева предоставляли ему, за извѣстное вознагражденіе, свои суда въ полное распоряженіе. Какъ извѣстно нынѣ стоитъ даже на очереди вопросъ о возможно скоромъ превращеніи торговаго корабля въ военный. Учрежденіе добровольнаго флота Бёкъ считаетъ совмѣстимымъ съ отмѣной каперства и очевидно въ этой формѣ торговый флотъ, при нѣкоторыхъ легкихъ приспособленіяхъ можетъ сдѣлаться сильнымъ пособникомъ для флота военнаго.

Вовсе не отрицая силы этихъ соображеній, Бёкъ говоритъ, что нельзя ради нихъ допускать безразличный захватъ *всѣхъ* торговыхъ судовъ непріятеля. Иначе пришлось бы отнимать у послѣдняго все, ибо все можетъ послужить войнѣ. По мѣткому выраженію Бульмеринка захватъ можетъ быть узаконенъ лишь такою военною необходимостію, которая будетъ на лицо и констатирована, а не существовать только въ возможности (nécessité militaire *actuelle et consatée* въ противоположность necéssité militaire *éventuelle*).

Вотъ почему авторъ допускаетъ захватъ по отношенію къ кораблямъ, принимающимъ или способнымъ принять *непосредственное* участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кромѣ того онъ оправдываетъ принудительную продажу такихъ непріятельскихъ товаровъ подъ непріятельскимъ флагомъ, которые не могутъ не быть полезными на войнѣ (каменный уголь, жизненные припасы, боевые снаряды). Но эти *ограниченія* принципа неприкосновенности ничего не имѣютъ общаго съ его *отрицаніемъ*. Они столько же справедливы, какъ и необходимы.

2. Основаніе экономическое. Справедливое, въ послѣднемъ результатѣ совпадаетъ и съ полезнымъ. Экономическія соображенія въ пользу отмѣны призовъ были приводимы еще Мабли. Странно въ нашъ вѣкъ толковать о *непріятельской* торговлѣ. Давно уже экономическая наука доказала, что интересы различныхъ народовъ находятся не въ антагонизмѣ между собою, но въ тѣсной солидарности. Торговлю можно уподобить міровому организму, всѣ части котораго работаютъ на пользу всѣхъ. Извѣстно положеніе Бастіо:. благо каждаго содѣйствуетъ благу всѣхъ и наоборотъ благо всѣхъ споспѣшествуетъ пользѣ каждаго. Отсюда убытки, причиняемые одному изъ воюющихъ неизбѣжно отразятся и на другомъ. Часто даже государство, захватывая имущество непріятеля, разоряетъ этимъ гораздо сильнѣе торговлю собственныхъ гражданъ. Не даромъ Воловскій называетъ эту мѣру мечемъ обоюду острымъ. Бёкъ подтверждаетъ свое мнѣніе весьма интереснымъ указаніемъ на Крымскую войну. Не только торговля и промышленность во Франціи и въ Англіи пострадали вслѣдствіе уменьшенія вывоза изъ ихъ портовъ въ Россію и ввоза къ нимъ русскихъ издѣлій, но и въ виду того, что обороты внѣшней торговли совершались въ русскихъ гаваняхъ почти исключительно Англичанами, Французами и Нѣмцами—на послѣднихъ обрушились послѣдствія призовъ взятыхъ тогда Франціею и Англіею. Многіе ихъ торговые дома объявили себя въ то время несостоятельными.

3. *Изученіе исторіи* приводитъ насъ къ тому же выводу. Справедливо говоритъ Блюнчли, что исторія цивилизаціи показываетъ намъ, какъ человѣкъ медленно, но постепенно восходитъ отъ безчисленныхъ насилій всякаго рода къ бо́льшему и бо́льшему уваженію личной свободы и частной собственности.

Въ судьбахъ морской войны, какъ мы уже замѣтили, нельзя не усмотрѣть того же поступательнаго движенія. Начавшись съ *пиратства* она понемногу уступила мѣсто *каперству*. Послѣднее подверглось нѣкоторой регламентаціи и между прочимъ былъ введенъ великій принципъ, что каждый призъ долженъ быть присужденъ. Но пока каперство процвѣтало, морская война велась столько же противъ непріятеля, какъ и противъ нейтральныхъ. Мало того: арматоры въ своей погонѣ за непріятельскою собственностію конфисковали даже корабли нейтральныхъ, повинныхъ лишь въ перевозкѣ непріятельскаго груза, хотя бы самаго безобиднаго. Правда это правило примѣнялось лишь въ эпохи наиболѣе критическія. За то упорно держалось другое: конфискація непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ. Борьба началась противъ послѣдняго злоупотребленія и лишь послѣ столѣтнихъ усилій (со времени Гюбнера до парижскаго конгресса 1758—1856) права нейтральнаго флага получили наконецъ общее признаніе. Косвенно этимъ былъ нанесенъ и чувствительный ударъ праву захвата вообще, ударъ усилившійся еще вслѣдствіе отмѣны каперства. Эти успѣхи служатъ намъ ручательствомъ за скорое и полное уничтоженіе названнаго права въ будущемъ.

4. *Соображенія политическія* съ своей стороны подкрѣпляютъ эти размышленія надъ исторію морскихъ войнъ. Бёкъ напоминаетъ,

что между великими державами одна Англія не расположена въ пользу занимающей насъ реформы морскаго права. Онъ старается доказать, что какъ ни могущественна Англія на морѣ, но именно вслѣдствіе этого, она болѣе всякой иной державы заинтересована въ свободѣ морей. Пока существуетъ призовое право, необходимость защищать свою торговлю на морѣ отвлечетъ ея военныя силы отъ ихъ прямаго назначенія и помѣшаетъ ихъ сосредоточенію. Бёкъ считаетъ Англію и безъ пользованія этимъ правомъ въ наше время не уязвимою, ибо оборонительныя средства морской войны нынѣ несравненно превосходнѣе наступательныхъ. Но съ другой стороны право захвата не можетъ послужить Великобританіи дѣйствительнымъ орудіемъ въ борьбѣ ея съ континентальными державами Европы, ибо для нихъ морская торговля не есть наиболѣе существенное занятіе, между тѣмъ какъ направленное *противъ* Англіи оно можетъ причинить ей неисчислимые убытки, потому что морскою торговлею только и держатся вся ея промышленность и доходы. Приводя этотъ аргументъ Лавёле, Бёкъ однако, какъ бы въ нѣкоторое противорѣчіе съ нимъ, утверждаетъ, что напрасно нѣкоторые патріоты во Франціи полагаютъ будто въ захватѣ частной собственности на морѣ она можетъ найти удобное орудіе борьбы съ Англіею.

Странное и опасное заблужденіе! Исторія всѣхъ ея войнъ съ послѣднею державою доказываетъ намъ противное: столѣтняя война, борьба за испанское престолонаслѣдіе, на которую особенно любятъ ссылаться, семилѣтняя и наконецъ войны революціи и имперіи. «Всегда торговая энергія Англіи, заключаетъ онъ, одерживала верхъ надъ усиліями нашихъ корсаровъ: конечно она не пасуетъ и предъ нашимъ военнымъ флотомъ подкрѣпленнымъ морскою милиціею».

Наконецъ Бёкъ останавливается еще немного на аргументѣ, который Бульмеринкъ назвалъ доводомъ относительнаго человѣколюбія (humanité relative). Рѣшивъ вопросъ о морской реформѣ съ точки зрѣнія права, мы вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили его и во имя нравственности и человѣколюбія. Но наши противники упрекаютъ насъ въ стараніи отмѣнить такое средство войны, которое наименѣе безчеловѣчно. Какъ будто захватъ частнаго имущества на морѣ долженъ, по ихъ словамъ, замѣнить или даже ослабить пролитіе человѣческой крови? Не есть ли онъ напротивъ средство употребляемое *совмѣстно* съ истребленіемъ человѣческихъ жизней? Рѣшеніе, которое предлагаетъ право, сообразно поэтому съ требованіями не относительнаго, но абсолютнаго человѣколюбія.

Вѣрно понимаемый, принципъ свободы частной собственности на морѣ цѣлію имѣетъ огражденіе и во время войны мирной торговли какъ нейтральныхъ, такъ и непріятельскихъ гражданъ. Разумѣется онъ не можетъ имѣть абсолютнаго значенія, но долженъ быть юридически ограниченъ и опредѣленъ. По отношенію собственно къ торговлѣ непріятеля, Бёкъ, какъ мы сказали выше, принимаетъ *четыре законныя и необходимыя ея ограниченія*: если она нарушаетъ правила о *военной контрабандѣ* и о *блокадѣ*, она, переставая быть мирною, естественно подвергается тѣмъ же послѣдствіямъ какъ въ аналогичныхъ случаяхъ и торговля нейтральныхъ. Но кромѣ того частная собственность непріятеля на морѣ, въ отличіе отъ нейтральной, можетъ, какъ и частная собственность врага въ континентальной войнѣ, сдѣлаться при извѣстныхъ условіяхъ предметомъ *принудительной продажи и реквизиціи*.

Вопросъ о *военной контрабандѣ* разработанъ у Бёка весьма тщательно по главнѣйшимъ трактатамъ, законодательствамъ и писателямъ. Хотя до сихъ поръ онъ былъ выработанъ исключительно по отношенію къ нейтральнымъ, но, съ введеніемъ принципа неприкосновенности, онъ долженъ быть распространенъ и на *торговлю непріятеля* въ томъ смыслѣ, что непріятельскіе граждане получаютъ свободу безпрепятственно (если не нарушаютъ правилъ о военной контрабандѣ) торговать между собою. Что же касается до ихъ торговли съ гражданами ихъ противника, то по мысли Бёка, это относится къ области не международнаго, но государственнаго права.

Авторъ старается прежде всего опредѣлить съ полною точностію *предметы* военной контрабанды. Въ этомъ столь трудномъ дѣлѣ онъ высказываетъ примѣчательную независимость и послѣдовательность мысли. По его словамъ, къ контрабандѣ должны относится: «только предметы могущіе быть приспособлены къ цѣлямъ войны прямо и непосредственно и лишь для войны представляющіеся полезными. Доставка же всѣхъ остальныхъ предметовъ должна быть признана свободною». Отсюда контрабанду составляютъ всякаго рода *оружія* и *снаряды*, а также *военные корабли.* Но къ ней не должны быть причислены: 1) жизненные припасы, 2) драгоцѣнные металлы въ слиткахъ или монетахъ, 3) матеріалы необработанные, могущіе быть превращены въ оружіе или въ военные снаряды, какъ-то: желѣзо, олово, мѣдь, сталь, сѣра и селитра; 4) все служащее для постройки и оснащиванія судовъ; 5) полотна и сукна, хотя бы предназначаемыя исключительно для войска сухопутнаго или морскаго; 6) паровыя машины; 7) каменный уголь; 8) лошади и иной вьючный скотъ, даже лошади для кавалеріи и 9) торговыя суда.

Этотъ перечень показываетъ намъ какъ рѣзко расходится Бёкъ при опредѣленіи контрабанды съ Перельсомъ и съ большинствомъ современныхъ писателей. Онъ отвергаетъ совершенно все ученіе о такъ называемой *относительной* или *случайной* контрабандѣ, даже въ той смягченной формѣ, въ какой выставляетъ ее Блюнчли (а за нимъ одобряетъ ее и Геснеръ) и даже если бы оно примѣнялось международнымъ призовымъ судомъ [1]).

Не смѣя вѣрить въ возможность *общаго* между государствами трактата на счетъ контрабанды, хотя и признавая таковой наиболѣе желательнымъ, авторъ высказывается, какъ и Институтъ, за международное соглашеніе, касательно ея опредѣленія, причемъ стороны должны были бы, предъ началомъ каждой войны *перечислять*

---

[1]) Справедливость требуетъ замѣтить, что къ тому же выводу какъ и Бёкъ, пришелъ гораздо ранѣе *Мартенсъ* въ своемъ соч. О правѣ частной собственности. Высказываясь лишь за абсолютную контрабанду, къ которой онъ относитъ: оружія и снаряды, уже приготовленные для войны, онъ говоритъ: „всѣ другія вещи, не смотря на обстоятельства времени и состояніе войны, должны быть признаны свободными и не могутъ подлежать конфискаціи на нейтральныхъ и на непріятельскихъ корабляхъ. Если же допустить относительную контрабанду, то какіе бы признаки или ограниченія ни были для нея придуманы, все таки невозможность точнаго ея опредѣленія прикроетъ только явный произволъ и нарушеніе права“.

Тѣмъ страннѣе послѣ этого найти въ послѣднемъ его сочиненіи (Современное межд. право) мнѣніе, будто „относительно предметовъ случайной контрабанды (которые *непосредственно* цѣлямъ войны *не* служатъ) надо принимать во вниманіе *обстоятельства каждаго даннаго случая*; составляютъ ли они контрабанду—вопросъ *факта*“.

въ ограничительномъ смыслѣ самые предметы контрабанды, сообразно съ положеніемъ въ данное время пиротехники. Отъ этихъ предметовъ авторъ переходитъ къ *санкціи* и замѣчаетъ, что, при перевозкѣ товаровъ, запрещенные подлежатъ конфискаціи. Это общее правило положительнаго права, хотя есть писатели (Галіани, Азуни, Лампреди, Гефтеръ и Негринъ), которые полагаютъ, что было бы справедливѣе эти товары задерживать (секвестрировать) до окончанія войны.

Но спорными представляются вопросы объ участи незапрещенныхъ товаровъ и самаго судна, подвозившаго контрабанду. Вопреки мнѣнію Гефтера, Геснера, Блюнчли и др., авторъ вмѣстѣ съ Массе, Готфёлемъ, Видари, Джіоаннисомъ и Дежарденомъ полагаетъ, что «ни въ какомъ случаѣ подвозъ контрабанды самъ по себѣ не узаконяетъ задержанія какъ дозволенныхъ товаровъ, такъ и самого корабля, принадлежитъ ли онъ нейтральнымъ или непріятельскимъ гражданамъ».

Съ признаніемъ свободы частной собственности теорія *блокады*, также какъ и ученіе о контрабандѣ, должна быть расширена на торговлю воюющихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается необходимость возможно точнаго опредѣленія во всѣхъ подробностяхъ обоихъ ученій. Бёкъ держится относительно основанія блокады мнѣнія, что въ этомъ отношеніи писатели выставили двѣ теоріи: военной необходимости и занятія. Фошилль, какъ увидимъ ниже, исправилъ и расширилъ это воззрѣніе. Самъ Бёкъ примыкаетъ къ первой изъ двухъ названныхъ категорій. Блокада, говоритъ онъ, есть такая военная операція, которая направляется противъ самого непріятельскаго государства и лишь случайно поражаетъ частныя лица (нейтральныхъ и непріятелей). Поэтому она не противорѣчитъ основному принципу, что война есть отношеніе одного государства къ другому.

Опредѣленіе блокады, которое мы находимъ въ Цюрихской деклараціи Института (1877 г.), ему представляется не вполнѣ удачнымъ въ виду того, что оно не совершенно исключаетъ блокады посредствомъ *крейсерованія* (par croisière), способъ, какъ извѣстно, не вполнѣ еще вышедшій изъ употребленія и на практикѣ. Поэтому *дѣйствительность* блокады должна быть опредѣлена самымъ категорическимъ образомъ, по его мысли, въ слѣдующихъ словахъ; «дѣйствительною она бываетъ если поддерживается постоянными морскими силами, такъ что оцѣпленіе полное и существуетъ очевидная опасность прорвать въ томъ или иномъ направленіи образуемую этими силами блокадную линію».

Заслуживаетъ также вниманія, что по словамъ Бёка, блокада установляется исключительно морскими силами: всякій иной способъ посредствомъ береговыхъ батарей, торпедъ и т. п. долженъ быть отвергнутъ. Въ этомъ смыслѣ высказался Институтъ, взглянувшій на блокаду какъ на мѣру исключительную, подлежащую, вслѣдствіе этого, точному, ограничительному толкованію. Какъ операція морской войны, добавляетъ авторъ, она и можетъ быть совершаема *одними* морскими силами, въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ этого слова.

Блокада, продолжаетъ авторъ, должна быть дѣйствительна не только въ началѣ, но и во все время своего существованія: *всякій* ея *перерывъ,* независимо отъ вызвавшихъ его причинъ (вслѣдствіе ли разсѣянія блокирующей эскадры непріятелемъ, или бури, или недостатка въ продовольствіи и т. п.), долженъ быть признанъ какъ ея *прекращеніе.* Въ этомъ смыслѣ выражается дополнительная французская инструкція 1870 г., но далеко не всѣ даже публицисты [1]). Весьма убѣдительно говоритъ авторъ о необходимости трехъ формъ нотификацій о блокадѣ: мѣстной, общей или дипломатической и спеціальной. Послѣдствіемъ нарушенія блокады является конфискація корабля, а груза, по его словамъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда собственникъ его будетъ то же лицо какъ и судохозяинъ, или когда будетъ доказано, что онъ зналъ о направленіи корабля въ блокированный портъ. При этомъ, въ противорѣчіе съ утвердившейся практикой взятель долженъ былъ бы доказать соучастіе собственника груза въ винѣ судохозяина. Справедливо возстаетъ Бёкъ противъ теоріи абсолютнаго преслѣдованія (droit de suite), утверждающей, будто всякій корабль, вышедшій изъ блокированнаго порта, предполагается виновнымъ въ нарушеніи блокады и можетъ быть захваченъ воюющимъ на всемъ протяженіи своего обратнаго пути, хотя бы онъ вошелъ въ иной портъ, а не въ тотъ, куда онъ назначался.

---

[1]) Въ *Международномъ Уставѣ о морскихъ призахъ,* принятомъ Институтомъ въ Туринѣ (1882 г.) допускается „удаленіе блокирующей эскадры съ мѣста ея стоянки на краткое время, по *констатированному поводу дурной погоды*“, безъ дальнѣйшаго обозначенія продолжительности такого удаленія (Бульмеринкъ предлагалъ не долѣе, чѣмъ на 24 часа).

Бёкъ признаетъ законность блокированія цѣлаго побережья непріятеля и портовъ и гаваней его исключительно торговыхъ. За ограниченіе блокады *одними военными портами* высказались, какъ извѣстно, кромѣ Наполеона I, въ его извѣстномъ Берлинскомъ декретѣ (1806 г.) Луккези-Палли, Кобденъ и Вестлекъ. [1]) Послѣдній, отстаивая право захвата частной собственности, имѣетъ въ виду исключительно интересы нейтральныхъ. Съ *юридической* стороны автору кажутся вполнѣ убѣдительными доводы Коши въ пользу законности торговыхъ блокадъ, но политическія соображенія склоняютъ его къ выводу противоположному. Если, говоритъ онъ, принять въ соображеніе, что значеніе этихъ блокадъ въ наши дни значительно ослабѣло вслѣдствіе быстроты и развитія сухопутныхъ сношеній по желѣзнымъ дорогамъ, что поддержаніе ихъ требуетъ отъ воюющихъ большой затраты ихъ морскихъ силъ, не соотвѣтствующей дѣйствительнымъ выгодамъ могущимъ возникнуть изъ этого способа войны и что наконецъ онѣ въ большинствѣ случаевъ окажутся весьма тягостными для той самой державы, которая пожелаетъ къ нимъ прибѣгнуть, если сообразить все это, мы, хотя и не повторимъ слова Видари, что дни торговыхъ блокадъ уже исчитаны, должны однако сознаться, что это оружіе сильныхъ вслѣдствіе стеченія экономическихъ обстоятельствъ въ наши дни оказывается значительно притупленнымъ. Онъ подтверждаетъ свою мысль на характерномъ примѣрѣ: между всѣми великими державами Англія наиболѣе способна пользоваться блокадой, но рѣшительно не въ ея интересахъ было бы блокировать, въ случаѣ войны, торговыя гавани Франціи, Россіи или С. Штатовъ, т. е. тѣхъ трехъ державъ, которыя однѣ, по словамъ Кобдена, были бы въ состояніи вести противъ нея серьезную морскую войну.

Бёкъ осуждаетъ теорію единства или непрерывности пути (the doctrine of continuous vogage) въ примѣненіи къ контрабандѣ и блокадѣ. Посвящая ей особое приложеніе, онъ останавливается на извѣстной монографіи Твисса и на надѣлавшемъ столько шума дѣлѣ Спрингбока. Для насъ особенно важенъ дѣлаемый имъ отсюда выводъ: «состоявшееся по этому поводу невѣроятное рѣшеніе въ значительной степени объясняется глубокимъ и общимъ возбужденіемъ, господствовавшимъ въ то время въ С. Штатахъ противъ Англіи и *увлекшимъ, какъ граждан̆ъ, самихъ судей.* Весьма любопытное обстоятельство: ни въ одной странѣ рѣшенія призовыхъ судовъ не стоятъ въ такой зависимости отъ колебаній патріотизма, какъ въ Англіи и въ Америкѣ, и между тѣмъ именно англійскіе и американскіе публицисты всего усерднѣе прославляютъ высокое и непоколебимое безпристрастіе своихъ призовыхъ судей.»

---

[1]) Отмѣна торговыхъ блокадъ была признана въ одномъ трактатѣ Швеціи съ Даніею въ 1667 г. (возобновленномъ въ 1675 г.) и безуспѣшно предложена въ 1859 г. президентомъ С. Штатовъ. Ниже мы приводимъ по Фошиллю другихъ новѣйшихъ приверженцевъ этой отмѣны.

Отстаивая свободу мирной торговли, авторъ однако не хочетъ пожертвовать военными потребностями, которыя должны получить признаніе въ морской войнѣ, не менѣе какъ и въ сухопутной. По его мнѣнію *непріятельскіе грузы* подъ непріятельскимъ флагомъ могутъ сдѣлаться предметомъ принудительной продажи или подлежатъ такъ наз. *праву первой покупки* (droit de préemption), а *непріятельскіе торговые корабли*—подвергнуться *реквизиціи.*

Въ силу перваго права воюющій завладѣваетъ тѣми предметами на непріятельскихъ судахъ, въ которыхъ *непосредственно* нуждается его собственный флотъ. Сюда относятся: съѣстные припасы, каменный уголь, оружіе, морскіе и военные снаряды, хотя бы они вполнѣ bona fide предназначались въ нейтральный портъ и не подходили подъ понятіе контрабанды. Нужда воюющаго, добавляетъ авторъ, должна быть констатирована какъ непосредственная; желаніе его наполнить свои морскіе арсеналы и магазины не оправдываетъ подобной принудительной покупки. Впрочемъ она должна быть и строго опредѣлена въ своихъ подробностяхъ: воюющій, совершая ее, обязанъ выдать непріятельскому капитану свидѣтельство о характерѣ и величинѣ отобраннаго имъ товара и о мотивахъ къ тому его побудившихъ. Цѣна за оные опредѣляется компетентнымъ призовымъ судомъ воюющаго или еще лучше судомъ международнымъ. На разсмотрѣніе этого суда поступаютъ и всѣ жалобы заинтересованныхъ лицъ: если воюющій закупилъ у непріятеля товаръ законно, т.-е. по необходимости, онъ присуждается къ уплатѣ лишь простой цѣнности вещей (damnum emergens), но если онъ злоупотребилъ своею властью— его приговариваютъ сверхъ того къ возмѣщенію всѣхъ убытковъ (lucrum cessans). Во всякомъ случаѣ уплаты не слѣдуетъ отлагать до окончанія войны, но производить немедленно, ибо только подъ симъ условіемъ право на вознагражденіе получитъ серьезное значеніе.

Въ сухопутныхъ войнахъ воюющій имѣетъ право въ случаѣ необходимости уничтожать частную собственность непріятеля или пользоваться ею въ своихъ видахъ при извѣстныхъ условіяхъ. Этимъ объясняется законность *реквизицій* и въ морской войнѣ. И тутъ воюющій можетъ, если того требуютъ военныя операціи: 1) потопить торговыя суда непріятеля для загражденія входа въ рѣку или гавань (такъ поступили нѣмцы въ 1870—71 г. даже съ нейтральными англійскими судами); 2) принудительно купить или нанять ихъ для превращенія ихъ въ военные или транспортные корабли, для пополненія своей морской милиціи и. т. п., и наконецъ 3) употребить ихъ лишь на какое-либо временное или случайное дѣло и затѣмъ отпустить, подобно тому, какъ въ континентальной войнѣ воюющій завладѣваетъ желѣзнодорожными линіями, хотя бы принадлежащими частнымъ компаніямъ. Такой временной и принудительный наемъ писатели, по отношенію къ судамъ нейтральныхъ называютъ jus angariae. Бёкъ считаетъ его, въ приложеніи къ нейтральнымъ, незаконнымъ и стѣснительнымъ и примѣнимымъ только къ торговымъ судамъ непріятеля. Тщательно оговариваетъ онъ право потерпѣвшихъ отъ этихъ реквизицій лицъ на вознагражденіе: не только и тутъ оцѣнка убытковъ должна принадлежать суду, но слѣдуетъ юридически опредѣлить и различить ихъ элементы: воюющій уплачиваетъ за провозъ товаровъ или, если дѣло шло о спеціальномъ назначеніи корабля, напр. о доставкѣ депешъ за весь конецъ; въ случаѣ порчи корабля отъ перевозки предметовъ извѣстнаго рода (каменнаго угля, тяжелыхъ военныхъ снарядовъ), онъ возмѣщаетъ хозяину эти убытки, равно и тѣ, которые могутъ возникнуть, если товаръ, первоначально нагруженный, будетъ сложенъ снова на берегъ и подвергнется чрезъ это порчѣ.

Въ установленіи двухъ послѣднихъ ограниченій свободы непріятельской торговли во время морской войны заключается оригинальность Бёка, сравнительно съ другими защитниками этой свободы. Что сказать про все это ученіе? Оно старается поставить обычаи морской войны въ строгое соотвѣтствіе съ практикой сухопутныхъ войнъ и, воздерживаясь отъ выводовъ слишкомъ абсолютныхъ, можетъ расчитывать на болѣе скорое проведеніе въ дѣйствительной жизни. Но къ этому необходимо сдѣлать еще одну, весьма важную оговорку: указанныя ограниченія допустимы развѣ по осуществленіи реформы самихъ призовыхъ судовъ, въ юридическомъ и международномъ смыслѣ и не иначе, какъ подъ строгимъ контролемъ этихъ судовъ [1]).

Этому вопросу и посвящена послѣдняя часть прекраснаго сочиненія Бёка. Воспроизводя въ главныхъ частяхъ идеи Бульмеринка, онъ называетъ его трудъ «великимъ и плодотворнымъ» и замѣчаетъ, что «осуществленіе его проекта было бы, по собственному его отзыву, громаднымъ упрощеніемъ и усовершенствованіемъ существующаго призоваго производства». Реформа эта равно необходима, будетъ ли удержано или отмѣнено такъ наз. право захвата. Но когда принципъ неприкосновенности получитъ признаніе, когда устройство и производство призовыхъ судовъ преобразуются въ указанномъ смыслѣ, морская война, заключаетъ авторъ, такъ долго отстававшая по своимъ варварскимъ обычаямъ отъ сухопутной, въ свою очередь представитъ великое надъ нею преимущество: права частныхъ лицъ будутъ не только уважаться, но и всѣ дѣйствія воюющихъ будутъ подлежать безпристрастному обсужденію и контролю международнаго суда. Но и въ сферѣ права существуютъ гармоніи подобныя экономическимъ; одно улучшеніе влечетъ за собою другое и мы увѣрены, что сухопутная война не отстанетъ тогда въ прогрессѣ отъ морской и злоупотребленія всякаго рода, столь характеризующія ее доселѣ, станутъ въ будущемъ нравственно невозможными.

---

[1]) Совершенно къ противоположному выводу по этому пункту приходитъ *Рено* въ своей критикѣ сочиненія Бёка *(Revue* 1882, p. 342).

Fauchille. Du blocus maritime 1882.

Настоящее изслѣдованіе Фошилля имѣетъ для права блокады такое же значеніе какъ сочиненіе Бёка по вопросу о неприкосновенности частной собственности на морѣ. Авторъ также изучаетъ свой предметъ весьма обстоятельно и со всѣхъ сторонъ, не только съ точки зрѣнія международнаго права, но и по положительнымъ законодательствамъ главнѣйшихъ морскихъ державъ и останавливаясь на частно-правовыхъ отношеніяхъ связанныхъ съ блокадой. Множество историческихъ примѣровъ, особенно изъ послѣднихъ войнъ, строгая, выдержанная система, ясное изложеніе—возвышаютъ достоинства этой книги, относящейся безспорно къ лучшимъ юридическимъ произведеніямъ французской науки за послѣдніе годы.

Независимо отъ нѣкоторыхъ выводовъ автора, съ которыми можно не согласиться, къ недостаткамъ его, на нашъ взглядъ, относится склонность его къ казуистикѣ, вслѣдствіе которой случаи дробятся имъ на множество разновидностей, иногда утомляющихъ читателя и мѣшающихъ ему слѣдовать за общею нитью изложенія.

Указавъ, во введеніи, на причины вызвавшія съ конца XVI стол. установленіе ученія о блокадѣ и на современное его значеніе, Фошилль дѣлитъ все свое изслѣдованіе на три большія главы: въ 1-й говорится объ *основаніи* и *законности* блокады; во 2-й объ *условіяхъ ея существованія* и дѣйствительности, а въ 3-й о вызываемыхъ ею *послѣдствіяхъ* и о теоріяхъ *нарушенія* блокады.

Прежде всего нельзя съ нимъ не согласиться, когда онъ говоритъ, что приложенію ученія о блокадѣ, по всѣмъ предположеніямъ, предстоитъ значительное расширеніе въ будущемъ: до сихъ поръ оно касалось *только нейтральныхъ*, но съ признаніемъ свободы непріятельской собственности и подъ непріятельскимъ флагомъ, его придется прилагать *также къ торговымъ отношеніямъ между воюющими.* Согласный съ Готфёлемъ, что въ нашемъ столѣтіи оно подверглось, сравнительно съ другими вопросами морскаго права, наибольшему улучшенію, Фошилль видитъ въ введеніи мирныхъ блокадъ «настоящее попятное движеніе.» Такое же колебаніе замѣчаетъ онъ и въ значеніи блокады, какъ операціи собственно военной: если, съ одной стороны, благодаря желѣзнымъ путямъ, торговля страдаетъ отъ блокады менѣе въ наши дни, чѣмъ прежде, ибо возможенъ, хотя окольный, но все-таки довольно быстрый подвозъ и вывозъ чрезъ сосѣднія, нейтральныя страны и если далѣе, съ успѣхами морской техники и съ увеличеніемъ быстроты хода судовъ, установленіе блокады, вполнѣ дѣйствительной, становится все затруднительнѣе, то, съ другой стороны, усовершенствованія морской артиллеріи и введеніе дальнобойныхъ орудій, даютъ воюющему возможность поддерживать блокаду съ сравнительно меньшими силами и не отвлекая многочисленный флотъ отъ его инаго, прямаго служенія—цѣлямъ войны.

Позволяемъ себѣ не раздѣлять этого воззрѣнія автора. Съ теченіемъ времени войны все менѣе будутъ рѣшаться флотами, которые превратятся главнымъ образомъ въ транспортныя средства и орудія. Но уже теперь мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Фошилемъ, что «отнынѣ блокадою можно изолировать какой либо островъ, но не континентальную державу.»

Фошилль разбираетъ по очереди различныя теоріи выставленныя публицистами *для оправданія законности* блокады. Послѣднюю выводятъ изъ военной необходимости (Геснеръ), права завоеванія (Готфёль), занятія (Ортоланъ) и владѣнія (Броше). Эти основанія не удовлетворяютъ автора.

Противъ наиболѣе распространеннаго мнѣнія о военной необходимости, какъ оправданіи блокады, онъ возражаетъ, что это теорія ставитъ на мѣсто права произволъ. Она жертвуетъ ради интересовъ воюющихъ правами нейтральныхъ и даетъ возможность безгранично расширять блокаду. Необходимость по существу не знаетъ ни правилъ, ни границъ. Она въ дѣйствительности всегда будетъ совпадать съ произволомъ воюющихъ. Допускать, что послѣдніе могутъ запрещать нейтральнымъ торговлю съ блокируемымъ ими портомъ на томъ основаніи, что это необходимо для успѣха ихъ военныхъ дѣйствій—значитъ предоставлять имъ право предписывать нейтральнымъ обязательные законы и видѣть вообще въ ихъ интересахъ единственное мѣрило правъ послѣднихъ.

Въ отличіе отъ большинства писателей Фошилль выводитъ блокаду не изъ *права воюющихъ*, а изъ *обязанности нейтральныхъ* воздерживаться вообще отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Лишь это воззрѣніе обезпечиваетъ независимость послѣднихъ, но и узаконяетъ употребленіе противъ нихъ принужденія со стороны воюющихъ въ томъ случаѣ, когда они, нарушивъ свои обязанности, становятся сами его врагами. Давая блокадѣ то же юридическое основаніе какъ и идеѣ контрабанды, Фошилль дѣлаетъ изъ своей теоріи слѣдующіе важные выводы: 1) запрещеніе торговли распространяется въ равной степени на всѣхъ нейтральныхъ. Состояніе нейтралитета представляетъ нѣчто абсолютное и неизмѣнное. Напротивъ права воюющихъ вѣчно колеблются и измѣняются сообразно съ интересами сторонъ и съ требованіями войны. Выводя изъ этихъ правъ блокаду, мы признали бы за воюющими опредѣлять ее, видоизмѣнять и расширять по своему усмотрѣнію.—2) Давая вѣрное основаніе идеѣ блокады, эта теорія указываетъ ей и точныя границы: ею воспрещается нейтральнымъ не торговля вообще, но лишь та, которая повредила бы воюющему вести блокаду. 3) Нарушеніе послѣдней превращаетъ нейтральнаго въ врага; съ нимъ слѣдуетъ обращаться какъ съ воюющимъ, но права наказанія въ прямомъ смыслѣ по отношенію къ нему не существуетъ. 4) Будучи средствомъ войны и обязывая нейтральныхъ *какъ таковыхъ*, блокада и мыслима лишь во время войны. *Мирною* она по природѣ быть не можетъ.

Теорія Фошилля, сравнительно съ ученіемъ необходимости, какъ основаніи блокады, заслуживаетъ вниманія по своему болѣе строгому юридическому характеру. Но противъ нея можно замѣтить, что и самое состояніе нейтралитета возникаетъ изъ военной же необходимости, т.-е. создается и обусловливается войною.

Авторъ останавливается также на вопросѣ о *законности* вообще блокады въ виду того, что она причиняетъ большой ущербъ нейтральнымъ и какъ бы стоитъ въ противорѣчіи съ принципомъ, что война ведется между государствами, а не противъ частныхъ лицъ.

Въ первомъ отношеніи онъ говоритъ, что, становясь на эту точку зрѣнія, слѣдовало бы логически признать всѣ войны незаконными, ибо нѣтъ такихъ военныхъ дѣйствій, которыя не поражали бы и нейтральныхъ. Они становятся незаконными лишь въ томъ случаѣ, когда направляются *прямо* противъ нихъ; блокада же вредитъ *непосредственно* врагу и только *косвенно* отражается на торговлѣ нейтральныхъ.

Аргументацію же автора въ пользу того, что блокада не противорѣчитъ основному принципу современнаго права войны, едва ли можно назвать вполнѣ удачною. «Граждане, говоритъ онъ, ведущіе торговыя дѣла развѣ не помогаютъ своему правительству и не увеличиваютъ его средства обороны? Торговля составляетъ богатство народовъ и послѣдніе могутъ тѣмъ болѣе оказывать противодѣйствіе, чѣмъ они богаче и вслѣдствіе этого чѣмъ болѣе способны увеличивать свое военное могущество. *По этому нападать на торговлю народа значитъ не столько вредить частнымъ лицамъ ее ведущимъ, сколько государству, которое извлекаетъ изъ нея выгоды.*»

Послѣднее заключеніе—очевидный софизмъ. Отъ блокады частныя лица (и притомъ весьма нерѣдко нейтральные граждане) страдаютъ по меньшей мѣрѣ *одинаково* какъ и государства, а въ большинствѣ случаевъ и *гораздо болѣе*. Логика требуетъ сознанія, что блокада въ сильной степени нарушаетъ права частныхъ лицъ, но признается необходимою, какъ одна изъ *дѣйствительнѣйшихъ* принудительныхъ мѣръ въ морской войнѣ. Фошилль напоминаетъ еще, что блокада, будучи стѣсненіемъ торговли въ настоящемъ, можетъ сдѣлаться для народа, подвергнувшагося ей, источникомъ богатства въ будущемъ, ибо пробуждаетъ его предпріимчивость и заставляетъ его поразмыслить о способахъ поднятія отечественной промышленности и освобожденія его внутренняго рынка отъ наплыва иностранныхъ продуктовъ.

Вторая глава, *объ условіяхъ блокады*, распадается на пять секцій: 1) опредѣленіе ея какъ мѣры исключительно военной; 2) о власти компетентной для ея установленія; 3) о дѣйствительности блокады; 4) о мѣстахъ, могущихъ ей подвергаться и 5) объ ея нотификаціи.

Въ этомъ планѣ нельзя одобрить отдѣленіе *нотификаціи*, какъ условіе блокады, отъ ея *дѣйствительности*, но это объясняется своеобразнымъ воззрѣніемъ автора на самый актъ объявленія.

Выше мы уже замѣтили, что Фошилль является энергическимъ противникомъ такъ называемой *морской блокады*.

Къ извѣстнымъ случаямъ ея примѣненія въ нашемъ столѣтіи онъ присоединяетъ нѣсколько новыхъ и говоритъ, что допускаемая международною практикою, судами нѣкоторыхъ государствъ и немногими публицистами, она доселѣ неизвѣстна какъ внутреннимъ законамъ государствъ, такъ и трактатамъ. Институтъ въ своемъ засѣданіи въ Гагѣ (1875) также осудилъ ее большинствомъ голосовъ. Фошилль утверждаетъ, что мирная блокада, логически не мыслима, представляя какое-то среднее состояніе между войною и миромъ и являясь, по мнѣнію Коши, частичною войною, поражающею не все непріятельское государство, а ту лишь его часть, которая ей подвергается. Часто это средство принужденія думаютъ оправдать цѣлями человѣколюбія, но послѣднія были бы достигнуты болѣе скоро и вѣрно правильною войною. Исключительно по своимъ эгоистическимъ разсчетамъ, прибѣгаютъ государства къ мирной блокадѣ. Не желая открыто вести войны, они примѣняютъ эту блокаду особенно по отношенію къ слабѣйшимъ народамъ и, не воспрещая своимъ подданнымъ торговли съ противникомъ, не подвергаютъ собственныя торговыя суда опасности захвата. Считая мирную блокаду, безъ предварительнаго объявленія войны, актомъ пиратства, Фошилль признаетъ ее совершенно не обязательною и для нейтральныхъ.

Мы не видимъ препятствія, отвергнувъ самый терминъ *мирной* блокады, считать это средство за особый видъ принужденія вообще или за частичную морскую войну ¹).

Отказывая блокадѣ въ послѣднемъ характерѣ и видя въ ней не болѣе какъ одну изъ операцій войны, Фошилль полагаетъ, что право объявлять ее должно принадлежать не законодательной власти, которая одна компетентна для объявленія войны, но власти исполнительной, передающей иногда это право и другимъ своимъ органамъ, напр. начальствующему эскадрой и т. д.

Въ секціи о *дѣйствительности* блокады авторъ даетъ намъ весьма подробный, съ многочисленными указаніями на трактаты, *историческій очеркъ* права блокады до войны между Чили и Перу (1879—81) включительно. Вмѣстѣ съ Геснеромъ онъ находитъ, что парижская декларація 1856 г. прямо не отмѣнила блокаду посредствомъ крейсерованія (par croisière), о чемъ нельзя не пожалѣть въ виду того, что этотъ способъ фиктивной блокады особенно часто примѣнялся Англіею въ нашемъ столѣтіи, да и вообще не вывелся еще вполнѣ изъ употребленія. Во время междуна-

---

¹) *Мое* соч. О международномъ судѣ, стр. 40.—Коши предлагаетъ называть эту блокаду „*blocus comminatoire*“.

родной войны въ Америкѣ, Сѣверные Штаты поддерживали блокаду портовъ Юга крейсерами; но въ сущности это была часто блокада на бумагѣ. Таковы же были блокады объявленныя Даніею въ 1864 г. въ противность ея собственному регламенту, изданному для этой войны, Турціею въ 1877 г. и Чили въ 1879—80 г. по отношенію къ гаванямъ Перу и Боливіи.

Фошилль даетъ весьма точное и оригинальное опредѣленіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ *дѣйствительною блокадою.* Въ виду ея цѣли, состоящей въ прекращеніи всякихъ сношеній съ обложеннымъ мѣстомъ, какъ входъ въ него, такъ и выходъ изъ него должны быть сдѣланы физически невозможными. Для этого онъ предлагаетъ расположеніе предъ блокируемымъ портомъ *двоякой* эскадры: *постоянной*, корабли которой стоятъ другъ отъ друга въ небольшемъ разстояніи какъ на пушечный выстрѣлъ, для того, чтобъ имѣть возможность остановить всякаго, пытающагося прорвать блокадную линію, и *подвижной* изъ трехъ или четырехъ судовъ, которыя, отличаясь быстрымъ ходомъ, должны постоянно крейсеровать на извѣстномъ разстояніи (на 6 морскихъ миль или 11 километровъ) для объявленія о блокадѣ подходящимъ судамъ и ихъ осмотра. Посредствомъ сигналовъ они извѣщаютъ блокирующую эскадру о томъ, имѣютъ ли подходящія суда право войти въ гавань, согласились ли они удалиться и т. п. Эскадра блокирующая можетъ по нимъ только стрѣлять, а преслѣдованіе ихъ, въ случаѣ нарушенія блокады, возлагается на подвижную флотилію.

Блокаду могутъ вести одни военные корабли, но не каперы. Въ прочиворѣчіе съ рѣшеніемъ Института и съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Бёка, Фошилль говоритъ, что блокаду можно установлять и посредствомъ береговыхъ батарей и торпедъ, но для дѣйствительности ея нечего требовать (какъ предлагалъ напр. Казиміръ Парье), чтобъ мѣсто было окружено и съ суши. Фактическаго оцѣпленія со стороны моря вполнѣ достаточно. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ и осуждаетъ всѣ иные способы блокады: посредствомъ кораблей расположенныхъ достаточно близко, хотя это узаконяется всѣми лучшими трактатами послѣдняго времени, начиная съ акта перваго вооруженнаго нейтралитета (1780 г.); посредствомъ крейсерованія, опредѣленія числа станціонирующей эскадры (отъ

2 до 6 кораблей), блокаду, основанную на естественномъ положеніи мѣстности, наконецъ поддерживаемую камнями.

Относительно *продолжительности* блокады авторъ приходитъ къ тому же выводу какъ и Бёкъ, хотя и независимо отъ него: всякій ея *перерывъ*, отъ какой бы причины онъ ни произошелъ: вслѣдствіе ли временнаго, добровольнаго удаленія блокирующей эскадры или разсѣянія ея непріятелемъ, или наконецъ по причинѣ бури, недостатка въ провіантѣ и т. п., всякій ея перерывъ долженъ быть признанъ за ея прекращеніе. «Это соотвѣтствуетъ строгимъ принципамъ права: случайности и неудачи войны должны переноситься тѣмъ изъ воюющихъ, на кого онѣ падаютъ, а вовсе не третьими къ этому неприкосновенными лицами. Кромѣ того, будучи исключеніемъ изъ общаго принципа свободы нейтральной торговли, блокада, во всѣхъ сомнительныхъ пунктахъ, должна быть толкуема въ пользу нейтральныхъ.» Весьма удачна его критика на этотъ счетъ англійской теоріи съ ея различеніемъ блокады просто фактической, отъ фактической же, но въ соединеніи съ объявленіемъ, а равно мнѣній тѣхъ новѣйшихъ писателей, которые думаютъ смягчить ее нѣкоторыми ограниченіями (Блюнчли, Бульмеринка, Броше и др.). По Фошиллю временное удаленіе, даже одного изъ станціонирующихъ судовъ, прерывая блокадную линію, дѣлаетъ блокаду для нейтральныхъ необязательною.

Видя въ ея дѣйствительности *единственное* условіе ея обязательности, онъ считаетъ нотификацію не необходимою для ея прекращенія. Въ этомъ пунктѣ мы касаемся своеобразнаго воззрѣнія автора на *нотификацію*, котораго раздѣлить не можемъ.

Вопросъ о ней разработанъ у Фошилля съ большою обстоятельностію. Не останавливаясь особенно на нотификаціи мѣстной онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на двухъ остальныхъ формахъ объявленія: дипломатической или общей и спеціальной и на ихъ взаимномъ отношеніи. На этотъ счетъ онъ различаетъ не менѣе пяти теорій: 1) одни признаютъ *обѣ* формы нотификаціи необходимыми для обязательности блокады. Мнѣніе Геснера, которое представляется ему, вмѣстѣ съ Кальво, «чисто умозрительнымъ и совершенно не вошедшимъ въ практику, которая всегда довольствуется лишь одною нотификаціею. Однако за обѣ формы высказываются въ наши дни еще Бульмеринкъ, и какъ мы видѣли, Бёкъ. 2) Функъ-Брентано и Сорель считаютъ достаточною *одну дипломатическую* нотификацію и не видятъ нужды въ специальной. 3) Весьма многіе писатели (Гефтеръ, Витонъ), а съ ними вмѣстѣ и практика Англіи, Даніи, отчасти С. Штатовъ, воздерживаясь отъ одностороннихъ абсолютныхъ принциповъ, полагаютъ, что, смотря по обстоятельствамъ, одна нотификація можетъ *замѣнить* другую. 4) Французская практика, хотя и не съ полною ясностію, склоняется въ пользу *одной* нотификаціи—*специальной.* 5) Наконецъ изъ молчанія многихъ трактатовъ, а также и парижской декларации, можно вывести косвенно заключеніе, что для обязательности блокады не требуется *никакого* объявленія, а достаточно лишь *дѣйствительнаго ея существованія.* Самъ авторъ примыкаетъ къ французской системѣ. Дипломатическую нотификацію онъ называетъ простымъ актомъ вѣжливости по отношенію къ нейтральнымъ, который какъ таковой не можетъ быть обязателенъ для воюющихъ.

Соглашаясь съ его мнѣніемъ о несостоятельности того положенія Геснера, по которому общей нотификаціи, въ вопросахъ о блокадѣ, придается такое же значеніе какъ обнародованію законовъ для вступленія ихъ въ силу, мы полагаемъ однако, что *обѣ* формы нотификаціи необходимы и другъ друга не въ состояніи замѣнить, преслѣдуя каждая различныя цѣли: общее объявленіе относится преимущественно къ нейтральнымъ *правительствамъ,* частное дается тѣмъ *судамъ,* которыя намѣрены нарушить блокаду и есть подтвержденіе этого ихъ умысла.

Интересна и обстоятельна глава о *мѣстахъ* могущихъ подлежать блокадѣ. Фошилль говоритъ, что блокадѣ законно подвергаются всѣ гавани и побережья принадлежащія какъ самому воюющему (въ случаѣ занятія ихъ противникомъ), такъ и непріятелю, но не нейтральному государству, если они въ рукахъ противника. Противъ блокированія цѣлыхъ побережій можно возражать развѣ лишь съ точки зрѣнія фактической, (такую блокаду трудно сдѣлать дѣйствительною), но не юридической. Въ 1880 г. Чили держалъ въ блокадѣ небольшой приморскій городокъ Перу-Хорильосъ населенный почти одними больными и лицами пріѣхавшими на морскія ванны. Примѣръ этотъ однако, по нашему, нисколько не убѣдителенъ: война между этими южно-американскими республиками велась съ большею жестокостью и почти съ полнымъ пренебреженіемъ къ принципамъ международнаго права [1]. Мы не видимъ препятствія для признанія такъ-называемыхъ лѣчебныхъ станцій на сушѣ и на морѣ нейтрализованными.

Энергичнѣе Бёка авторъ возстаетъ противъ *отмѣны торговыхъ блокадъ*, хотя мысль эта видимо стала болѣе часто занимать умы въ послѣднее время: кромѣ извѣстныхъ намъ уже защитниковъ ея, Фошилль указываетъ еще на принятіе ея, въ формѣ желанія, международною конференціею въ Каирѣ (1869), на отстаиваніе ея Шельдонъ-Амосомъ на Антверпенскомъ съѣздѣ (1876), Фильдомъ въ его извѣстномъ кодексѣ [2], а также на предложеніе ея 9-го іюля 1870 г. Гарнье-Пажесомъ французскому законодательному корпусу. Ограничить блокаду одними укрѣпленными пунктами значитъ, говоритъ авторъ, отождествить ее съ бомбардированіемъ, сдѣлать ее въ сущности излишнею и во всякомъ случаѣ не понимать ея прямаго назначенія, состоящаго не во взятіи или въ разрушеніи непріятельскаго города, а въ принужденіи врага посредствомъ голода къ заключенію мира. Рѣки общія или международныя должны быть изъяты отъ блокады. Это признано косвенно относительно Рейна и высказано прямо въ трактатахъ касательно американскихъ рѣкъ Параны и Уругвая. Нельзя также не согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что устье рѣки, общей или протекающей въ своихъ верхнихъ частяхъ чрезъ нейтральныя страны, не должно быть блокируемо, какъ сдѣлала это Россія съ устьями Дуная въ послѣднюю турецкую войну. То же слѣдуетъ сказать и о рѣкахъ, берегъ которыхъ принадлежитъ лишь воюющему. Въ обоихъ случаяхъ допустима блокада не цѣлой рѣки, а только *отдѣльныхъ* (и именно *непріятельскихъ*) ея пунктовъ и побережій.

---

[1] Напримѣръ, Перу и Боливія издали декретъ о выдачѣ патентовъ на каперство противъ Чили, хотя Перу и подписало Парижскую декларацію.

[2] Въ ст. 891 и 92: Воюющіе могутъ подвергать блокадѣ одни военные порты и это лишь въ степени необходимой для завладѣнія военною контрабандою. Военнымъ признается портъ укрѣпленный или занятый войсками въ большемъ числѣ чѣмъ каковое требуется для внутренняго порядка.

Гораздо болѣе спорны вопросы касающіеся законности блокированія такихъ великихъ международныхъ каналовъ какъ Суэзскій и вновь сооружаемый Панамскій. Авторъ анализируетъ различныя высказанныя на этотъ счетъ мнѣнія Твисса, Мартенса, рѣшенія Института касательно Суэца, которыя онъ справедливо называетъ шаткими, и формулируетъ свое мнѣніе такъ, что все должно обусловливаться самимъ географическимъ положеніемъ каждаго канала: если это положеніе таково, что блокированіе канала не прекратитъ для нейтральныхъ абсолютно судоходства, а сдѣлаетъ его болѣе продолжительнымъ и обходнымъ (напр. блокированіе Суэзскаго канала заставило бы лишь огибать Африку), оно должно быть признано дозволеннымъ. Мы полагаемъ однако, что созданіе такихъ новыхъ искусственныхъ путей для міровой торговли, каковы каналы Суэзскій и Панамскій, требуютъ и признанія въ наукѣ *новаго понятія* международнаго пути и созданія для нихъ въ жизни особой *коллективной охраны* путемъ ихъ нейтрализаціи.

Третья и послѣдняя глава разбираемаго нами сочиненія касается послѣдствій и нарушенія блокады. *Послѣдствія* разсматриваются съ троякой точки зрѣнія: сношеній между воюющими, между воюющими и нейтральными и по отношенію къ обязательствамъ и интересамъ частныхъ лицъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ говорится только, что блокада призвана всячески вредить торговлѣ противника. Третій же отдѣлъ представляетъ намъ оригинальный и очень интересный этюдъ по сравнительному законодательству, но на которомъ намъ нечего останавливаться, ибо онъ относится къ торговому и гражданскому, а не международному праву. Достаточно упомянуть, что Фошилль излагаетъ дѣйствія блокады: а) на договоръ найма экипажа; б) найма корабля; в) на договоры о доставкѣ пассажировъ между ними и капитаномъ и г) о морскомъ страхованіи между страхователемъ и застрахованнымъ.

Для насъ наиболѣе важенъ вопросъ о вліяніи блокады на отношенія между блокирующимъ и нейтральнымъ. Всѣ согласны на счетъ того, что блокада должна прервать такія сношенія обложеннаго мѣста съ внѣшнимъ міромъ, которыя, будучи ему полезны, могутъ повредить воюющему. Но при примѣненіи на практикѣ этого принципа мнѣнія расходятся между собою и можно подмѣтить три главныхъ направленія. 1) Дѣйствія блокады не всегда одни и тѣ же, но обусловливаются цѣлью, съ которою воющій предпринимаетъ эту мѣру. Таково мнѣніе Жуффруа, осужденное наукою и не принятое практикою ни одной морской державы. 2) Блокада ведетъ къ воспрещенію *торговыхъ сношеній* либо всякаго рода вообще, либо только опредѣленнаго характера. Запрещеніе торговыхъ сношеній вообще толкуется однако различно: не дозволяется доступъ въ обложенный портъ судамъ везущимъ грузъ,—будь они торговыя или военныя,—но онъ разрѣшается также безразлично кораблямъ не имѣющимъ груза (sur lest). Во многихъ трактатахъ даже нашего столѣтія запрещеніе торговыхъ сношеній основывается не на фактѣ наличности груза, а на характерѣ судовъ: воспрещается абсолютно входъ торговымъ кораблямъ и онъ дозволяется военнымъ. 3) Большинство однако трактатовъ и мнѣніе, къ которому склоняется авторъ, запрещаютъ *не только торговыя, но и всякаго рода сношенія* между обложеннымъ портомъ и внѣшнимъ міромъ. Изъ этого общаго правила однако встѣчаются исключенія. Друэнъ-де-Льюисъ въ 1865 д. высказалъ мысль, что почтовые пароходы могли бы совершать свои рейсы несмотря на блокаду и это не повредило бы военнымъ операціямъ.

Фошилль возстаетъ энергично противъ подобнаго исключенія: оцѣпляя портъ непріятеля, говоритъ онъ, воюющій хочетъ вполнѣ его изолировать и чрезъ это скорѣе сломить противодѣйствіе врага. Нейтральные обязаны прекратить съ нимъ не только торговлю, но и всякія сношенія, потому что они, сообщая ему различныя вѣсти о намѣреніяхъ, диспозиціи блокирующаго, могутъ прямо повредить послѣднему. Сколько свѣдѣній могутъ принести въ обложенный портъ команда съ нейтральнаго корабля! Корреспонденція, хотя бы между частными лицами, не менѣе опасна, ибо нельзя допускать нарушенія почтовой тайны. Частные интересы должны уступить мѣсто интересу общему, представляемому державою блокирующею. Общество жаждетъ мира, а этой потребности будетъ удовлетворено тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе строгая блокада склонитъ противника къ миру.

Фошилль допускаетъ лишь одно исключеніе: пользу оффиціальной переписки нейтральнаго государства съ представителями дружественныхъ державъ. Намъ кажется, что блокада, какъ военная мѣра, должна быть направляема *исключительно противъ торговыхъ сношеній.* Свѣдѣнія, которыя жители обложеннаго города почерпнутъ изъ частной корреспонденціи и разговоровъ съ матросами, прибывшими на почтовыхъ пароходахъ, они, въ большинствѣ случаевъ, могутъ удобно получить въ наше время путемъ *сухопутныхъ сношеній* (посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рѣкъ), которыя и по Фошиллю никогда не запрещаются при существованіи блокады нейтральнымъ.

Согласно съ своею теоріею Фошилль высказывается и за право воюющаго перерѣзать телеграфныя линіи соединяющія блокируемое мѣсто съ нейтральнымъ государствомъ, но въ случаѣ сооруженія между Англіею и Франціею подземнаго туннеля, онъ требуетъ уподобленія его континентальному пути и изъятія отъ блокады и разрушенія воюющими. Это вѣрно, но противорѣчитъ его мнѣнію о каналахъ Суэзскомъ и Панамскомъ. Всѣ эти артеріи міроваго движенія, какъ и кабели, связывающіе по дну океановъ различные континенты, должны пользоваться одинаковой международной охраной во время мира и во время войны.

Дѣйствія блокады простираются не только на *входящія* суда, но и на *выходящія* изъ обложеннаго порта. Въ этомъ отношеніи на практикѣ и въ наукѣ было высказано шесть различныхъ мнѣній. 1). Полная свобода выхода во время блокады для всѣхъ иностранныхъ судовъ. Эта наиболѣе либеральная система встрѣчается только въ русскомъ положеніи о призахъ и репризахъ 1869 г. (ст. 17). Весьма неопредѣленный смыслъ этой статьи повидимому предоставляетъ свободу выхода даже кораблямъ вошедшимъ въ гавань послѣ ея обложенія. 2) Не менѣе же полный запретъ выхода нейтральнымъ кораблямъ. Президентъ С. Штатовъ въ 1861 г. сдѣлалъ было попытку высказать эту теорію, но скоро нашелъ себя вынужденнымъ отъ нея отказаться.

Между двумя приведенными крайними воззрѣніями стоитъ нѣсколько посредствующихъ и среднихъ.

3) Дается возможность выхода лишь тѣмъ кораблямъ нейтральныхъ, которые проникли въ портъ до установленія блокады, при-

чемъ не обращается вниманія на то, выходятъ ли они съ грузомъ или нѣтъ и когда они нагружались.

4) Эта свобода предоставляется кораблямъ безъ груза или грузившимся до начала блокады. Напротивъ выходъ запрещается судамъ, которыя лишь послѣ этого момента взяли грузъ, хотя бы и купленный до установленія блокады.

5) Впрочемъ иногда послѣднимъ кораблямъ дозволяется покидать блокируемый портъ, но лишь въ предѣлахъ опредѣленнаго срока. 6) Наконецъ весьма многіе внутренніе законы государствъ предоставляютъ всѣмъ нейтральнымъ судамъ, вошедшимъ въ гавань до блокады, одинаковую свободу выхода (будь они нагруженными или нѣтъ) въ теченіи указаннаго срока съ начала блокады. Срокъ этотъ опредѣлялся на практикѣ очень не одинаково: наиболѣе краткій былъ установленъ Турціею въ 1877 г.—пятидневный (потомъ продолженный до семи), Испаніею въ 1865 г.—десятидневный. Наиболѣе продолжительный признала Франція въ 1838 г. при блокадѣ Буэносъ - Айреса 42-дневный. По мнѣнію Бульмерника срокъ этотъ долженъ простираться отъ 4 до 6 недѣль. Что же касается до самаго способа его установленія, то либо онъ назначается односторонне блокирующей державой, либо совмѣстно съ нейтральными на основаніи предварительнаго съ нимъ соглашенія. Нечего и говорить, что послѣдній способъ заслуживаетъ предпочтеніе, какъ болѣе справедливый.

Изложивъ всѣ приведенныя нами воззрѣнія подробно и съ указаніемъ законовъ и случаевъ до нихъ относящихся, Фошилль приходитъ къ выводу, что изъ блокированнаго мѣста не должны вовсе выходить корабли, грузившіеся не только послѣ установленія блокады, но даже и ранѣе этого момента. Одни корабли безъ всякаго груза и то въ самый краткій срокъ могутъ, по его мнѣнію, безпрепятственно покидать мѣсто въ блокадѣ [1]).

Нельзя не сказать, что такою строгостью авторъ совершенно напрасно становится исключительно на сторону интересовъ воюющаго. Съ юридической стороны возражаютъ, и совершенно основательно, что нейтральныя суда, вошедшія въ гавань, когда она была еще открыта, должны пользоваться и правомъ выхода изъ нея вмѣстѣ съ грузомъ взятымъ до объявленія блокады. Послѣдняя, въ качествѣ юридическаго дѣйствія, обратной силы имѣть не можетъ. Воюющій въ правѣ только установить для этого, по соглашенію съ нейтральными, извѣстный срокъ (достаточно однако продолжительный, чтобы не очень пострадали отъ этого законные интересы частныхъ лицъ). Фошилль отвергаетъ это воззрѣніе, потому что оно открываетъ настежъ дверь обманамъ и подлогамъ, которые, по всему вѣроятію будутъ совершаться тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе они будутъ одинаково вызываться интересами какъ нейтральныхъ, такъ и жителей блокированной мѣстности. Самъ же онъ спѣшитъ однако оговориться: правда, «злой умыселъ и недобросовѣстность не предполагаются, но по выраженію Блюнчли, не могутъ же воюющіе оставлять въ опасности свои права, довѣряя всѣмъ».

---

[1]) Выше мы видѣли, что и суда, везущія дипломатическую переписку нейтральныхъ правительствъ, пользуются свободою движенія.

Ссылка на Блюнчли тутъ совершенно излишняя. Если воюющіе будутъ довѣрять только себѣ однимъ, то все право войны обратится въ пустое понятіе. Для нихъ вполнѣ достаточно, чтобы ихъ консулы или представители дружественной имъ націи удостовѣряли своею подписью, что нейтральные корабли, желающіе выдти изъ оцѣпленнаго порта, вошли въ него или грузились въ немъ до начала блокады. Фошилль находитъ невыгоднымъ для нейтральныхъ, чтобы представляемыя ими доказательства подлежали исключительной оцѣнкѣ блокирующаго. Онъ видимо забываетъ, что и оцѣнка эта имѣетъ смыслъ не въ предѣлахъ произвола воюющаго, а самихъ юридическихъ нормъ права войны.

Въ заключеніе этого интереснаго отдѣла Фошилль говоритъ о вполнѣ законныхъ нарушеніяхъ блокады по состоянію крайней нужды и о смягченіяхъ ея иногда на практикѣ. Чтобы быть справедливыми такія смягченія должны касаться равно всѣхъ нейтральныхъ.

При изложеніи ученія о *нарушеніяхъ* блокады авторъ справедливо осуждаетъ англо-американскую теорію и высказывается за воззрѣнія континентальныхъ державъ. Безъ спеціальной нотификаціи онъ не признаетъ нарушенія блокады и не видитъ таковое въ первой попыткѣ прервать блокадную линію. Собственно для нарушенія необходимъ матеріальный актъ и хотя бы начало исполненія этого умысла, чего нельзя еще усмотрѣть въ намѣреніи корабля идти въ блокируемый портъ. Изъ всѣхъ государствъ въ наше время только Англія и С. Штаты держатся послѣдняго, давно уже осужденнаго воззрѣнія. С. Штаты, во время междуусобной войны, прилагали и толковали право блокады весьма произвольно для нейтральныхъ. Авторъ излагаетъ и критикуетъ прекрасно ихъ пресловутую теорію непрерывности пути, которая, впервые высказанная Вилліамъ-Скоттомъ, была примѣнена Штатами къ дѣлу Спрингбока и отчасти одобрена позднѣе Англіею. «Эта теорія, говоритъ Фошилль, несовмѣстима съ парижскою декларацією. Она совершенно уничтожаетъ свободу морей и права нейтральныхъ на торговлю. Если ее принять, то достаточно будетъ блокады какого-либо порта, чтобы парализовать торговлю всѣхъ остальныхъ народовъ.»

Запрещая при блокадѣ всякаго рода сношенія, Фошилль къ нарушеніямъ ея подводитъ и направленіе чрезъ блокадную линію воздушнаго шара, за исключеніемъ того развѣ случая, когда послѣдній будетъ принесенъ противными вѣтрами.

Упомянувъ объ извиненіяхъ, которыя допустимы при нарушеніи блокады, авторъ осуждаетъ также англійскую теорію безграничнаго преслѣдованія (droit de suite) т. е. право конфисковать корабль, нарушившій блокаду на всемъ его пути. Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ уголовнаго права. Дѣйствіе нарушенія (flagrant délit) считается продолжающимся лишь до тѣхъ поръ, пока нарушитель остается въ виду преслѣдователей. Коль скоро же онъ исчезнетъ изъ виду или войдетъ въ какой-либо нейтральный или дружественный портъ—это дѣйствіе прекращается и блокирующій теряетъ право его наказывать.

Наказанія за нарушеніе блокады возлагаются не иначе какъ особыми призовыми судами. Фошилль указываетъ на отношенія къ нарушителямъ блокады сперва ихъ отечественнаго (т. е. нейтральнаго) правительства, а потомъ блокирующаго. Въ большинствѣ случаевъ (исключеніе представляетъ французская декларація 1877 г.) нейтральныя правительства ограничиваются лишеніемъ виновныхъ своего покровительства. Но въ послѣднее время стали раздаваться голоса въ пользу того, чтобы и эти правительства съ своей стороны возлагали извѣстныя кары за нарушенія нейтралитета. Особенно Бульмеринкъ высказывается за это въ своемъ отчетѣ. Фошилль, находя подобную реформу желательною, потому что она сдѣлала бы нарушенія правъ воюющихъ болѣе рѣдкими, полагаетъ однако, что она была бы въ противорѣчіи съ общими началами уголовнаго права. Можетъ ли государство карать дѣйствіе, которое вовсе и не направлено противъ него? И для чего поступать ему такъ, когда это дѣйствіе вызываетъ и безъ того довольно тяжкое наказаніе со стороны потерпѣвшаго отъ него правительства?

Намъ кажется, что именно для того, чтобы не предоставлять все оцѣнкѣ и произволу воюющаго, необходимо нейтральнымъ самимъ оберегать свой нейтралитетъ и карать виновныхъ въ его несоблюденіи. Это есть только проявленіе усиливающейся *юридической солидарности* между народами. Она сказывается и въ другихъ областяхъ, напр. въ выдачѣ преступниковъ.

Что касается до самихъ воюющихъ, то положительное право (внутренніе законы и всѣ трактаты XIX стол.) предоставляетъ имъ наказывать нарушеніе блокады (выразись оно во входѣ въ портъ или въ выходѣ изъ него) конфискаціею какъ корабля, такъ и груза. Но въ наукѣ замѣчаются три направленія. Одни писатели въ сущности не расходятся съ установившеюся практикою, какъ она выработалась на основаніи положительныхъ нормъ. Они за осужденіе вмѣстѣ съ кораблемъ и его груза, каковъ бы ни былъ его характеръ и кто бы ни былъ его хозяинъ (Готфёль, Мартенсъ, Массе, Моренъ, Бульмеринкъ). Другіе, исходя изъ мысли, что воюющій въ правѣ наказывать лишь тѣхъ, которые дѣйствительно имѣли намѣреніе нарушить блокаду, утверждаютъ, что наказаніемъ за это должна быть лишь конфискація судна, а груза только въ томъ случаѣ, когда онъ принадлежитъ другому лицу, которое не въ состояніи доказать своей неприкосновенности къ дѣлу (Ортоланъ, Кальво, Блюнчли, Гесперъ и многіе итальянскіе публицисты: Пьерантони, Сандона, Скіатарелла). Этому направленію слѣдуютъ повидимому англійскіе юристы и суды, но въ сущности они промѣниваютъ его на первое воззрѣніе, «предоставляя себѣ какъ бы заднюю дверь, дозволяющую имъ осуждать съ кораблемъ одновременно и грузъ». Совершенно одиноко стоитъ Фіоре (въ 1 изд. своего Межд. Права). Наказаніемъ за нарушеніе блокады, по его мнѣнію, должна быть конфискація только одного груза. Фошилль излагаетъ подробно его теорію и затѣмъ высказываетъ свой взглядъ. Видя въ нарушеніи блокады со стороны нейтральнаго прямой враждебный актъ и содѣйствіе обложенному, онъ требуетъ конфискаціи корабля и груза и кромѣ того обращенія комманды въ военно-плѣнныхъ. Дальнѣйшую же строгость, которая иногда практиковалась въ прежнее время, онъ осуждаетъ, какъ-то: лишеніе матросовъ принадлежащихъ имъ вещей или даже жизни, а также подверженіе ихъ наказаніямъ. Собственникъ груза, по мнѣнію Фошилля, всегда отвѣчаетъ за дѣйствія капитана и блокирующему нечего спрашивать о томъ, поскольку каждое изъ этихъ лицъ было недобросовѣстно. Что же касается до экипажа, то онъ самъ сознается, что его теорія строже практики, которая, обращая въ плѣнъ матросовъ съ непріятельскихъ кораблей, отпускаетъ на волю служащихъ на судахъ нейтральныхъ. Къ этому послѣднему мнѣнію примыкаемъ и мы, находя кромѣ того, что при осужденіи корабля и груза не слѣдуетъ, какъ дѣлаетъ Фошилль, сбрасывать ихъ въ одну массу. Нѣтъ основанія видѣть въ капитанѣ всегда и абсолютно лицо, солидарное съ собственникомъ груза, а значитъ несправедливо самовольство или ошибку перваго взваливать на плечи втораго, да притомъ часто подданнаго нейтральнаго государства, т.-е. совершенно неподсуднаго воюющему.

Въ заключеніе Фошилль посвящаетъ нѣсколько строкъ и вопросу о призовыхъ судахъ. Вполнѣ вѣрно отдаетъ онъ предпочтеніе ихъ международному устройству, сравнительно съ національнымъ. Это и раціональнѣе и справедливѣе. Раціональнѣе потому, что призовыя дѣла по существу своему относятся къ международному праву; справедливѣе же на томъ основаніи, что международный судъ, составленный изъ воюющихъ и нейтральныхъ представитъ несравненно бóльшія гарантіи безпристрастія, чѣмъ судъ національный, который, будь онъ въ рукахъ даже потерпѣвшаго государства, будетъ часто одностороненъ, а слѣдовательно и несправедливъ ¹).

---

¹) Обзоръ содержанія сочиненія Фошилля, безъ критическихъ замѣчаній сдѣлалъ *Ивановскій* въ Юрид. Вѣстн. 1884 г., февраль, стр. 328—344.

II.

Право сухопутной войны.

Лентнеръ.—Нисъ.—Брошe.—Корси.—Гель.—Муанье.

Почти по каждому вопросу военнаго права новѣйшая литература представляетъ болѣе или менѣе интересныя изслѣдованія, хотя они по солидности и уступаютъ трудамъ посвященнымъ морскому праву.

Въ области военнаго права наиболѣе важнымъ явленіемъ до сихъ поръ остается дѣло Брюссельской конференціи. Хотя выработанная ею декларація такъ и пребываетъ донынѣ проектомъ, но она имѣла безспорно большое вліяніе на науку и даже отчасти на жизнь. При изложеніи права войны новѣйшіе писатели кладутъ въ основаніе высказанныя ею начала (Гооль, Лоримеръ, Мартенсъ). Эти же начала, какъ извѣстно, были примѣняемы, насколько дозволяли обстоятельства, русскимъ правительствомъ во время послѣдней нашей войны съ Турціею въ 1877—78 г. и они же сказываются во многихъ изданныхъ послѣ Брюссельской конференціи положительныхъ законахъ [1]), различныхъ инструкціяхъ и руководствахъ для войскъ по военному праву [2]). Брюссельская декларація послужила и главнымъ образомъ для «Законовъ сухопутной войны», изданныхъ Институтомъ международнаго права.

---

[1]) Напр. германское военно-уголовное Уложеніе 1872 г.; нѣмецкій законъ о ландштурмѣ 1875 г. и т. д.

[2]) Изданныхъ Франціею и Россіею.

Въ виду всего этого мы естественно должны теперь начать съ небольшой работы *Лентнера*, имѣющей своимъ предметомъ Брюссельскую декларацію.

Lentner: Das Recht im Kriege. 1880.

Авторъ желалъ представить, въ формѣ комментарія Брюссельской деклараціи, краткій учебникъ по преимуществу для военныхъ людей, нуждающихся по его словамъ въ такомъ руководствѣ. Въ этомъ—главный интересъ его книги и для юриста. Съ тѣхъ поръ какъ *право юристовъ* выступило на ряду съ *военною необходимостью* вторымъ важнымъ факторомъ, опредѣляющимъ характеръ современной войны, и съ тѣхъ поръ какъ антагонизмъ между ними сталъ увеличиваться, и военные круги нашли себя вынужденными заняться вопросомъ о допустимости права въ великую область ихъ спеціальности. По понятной причинѣ, особенно нѣмецкіе военные писатели Рюстовъ и генералъ отъ кавалеріи Гартманнъ († 1879) сильно возстали противъ самой идеи какого-то «права» войны. Другіе, и къ нимъ относится и Лентнеръ, не идя такъ далеко, согласны допустить не «право войны», какъ юридически нѣчто цѣльное и согласованное съ остальными началами международнаго права, а лишь право во время войны (Recht *im* Kriege) т. е. извѣстныя, весьма условныя и въ сущности никого и ничего не стѣсняющія правила.

Книга Лентнера дѣлится на три части.

Въ предисловіи говорится, среди многихъ излишнихъ отступленій, о вліяніи на военную практику: мистицизма, гуманизма, положительнаго международнаго права, кодификаціонныхъ попытокъ, брюссельской деклараціи и современнаго военнаго устройства. Мы встрѣчаемъ на этихъ страницахъ не одинъ курьезъ: Гроція авторъ называетъ творцомъ идеи политическаго равновѣсія; Лауренсъ написалъ будто бы свой комментарій къ Твиссу. Оппенгеймъ, по словамъ автора, принесъ пользу систематикѣ и научному (instruktive) изложенію международнаго права. Къ авторамъ новѣйшихъ учебниковъ по нашему предмету Лентнеръ относитъ Гагерна, Гинрихса, Моля. Странныя ошибки со стороны писателя, который совѣтуетъ юристамъ прежде хорошо изучить войну и всѣ ея «элементарныя силы», а потомъ уже говорить о предметѣ, относительно котораго они не въ состояніи нести соединенной съ нимъ отвѣтственности. Вообще слогъ автора часто теменъ и тяжелъ. Праздною болтовнею должны мы признать его мысли о мистицизмѣ и о неосуществимости вѣчнаго мира. Но отмѣтимъ его слова о значеніи кодификаціи права войны для военныхъ людей. Прежде всего такая кодификація должна содержать въ себѣ нормы *исключительно положительнаго* права, какъ онѣ выработались по указаніямъ прежнихъ эпохъ и опытомъ признаны годными для военно-политическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ во время войны. Кромѣ того эти нормы должны высказывать *одни общія* начала въ сжатой формѣ безъ повелительнаго характера, а тѣмъ менѣе съ принудительными послѣдствіями. Весьма многіе изъ относящихся сюда вопросовъ—о положеніи раненыхъ, плѣнныхъ, о преслѣдованіи грабежа, о военныхъ договорахъ, получили болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе, благодаря военной практикѣ и дисциплинѣ, гораздо ранѣе того, какъ принялось за нихъ выставляемое юристами право войны. Нельзя сказать, чтобы у самаго Лентнера представленія о послѣднемъ были вполнѣ ясны: съ одной стороны онъ говоритъ, что все болѣе укрѣпляется сознаніе объ обширности и реальности области этого права, съ другой—прибавляетъ: «но дѣйствія воюющихъ не поддаются никакой юридической конструкціи, а успѣхъ военнаго дѣла и отвѣтственность имъ налагаемая требуютъ безусловной свободы дѣйствія». При такомъ воззрѣніи совершенно излишнимъ является всякое право, признанное именно превратить *безусловную* свободу въ *условную*—юридически. Державы, по мнѣнію автора, и не думали выставлять въ брюссельской деклараціи норму для военнаго дѣйствія или поведенія воюющихъ во время войны, а лишь общія начала и практическія указанія для изданія законовъ, инструкцій и т. п., когда того потребуютъ обстоятельства. Курьезное воззрѣніе и едва ли согласимое съ сущностью дѣла!

Склоняясь въ подробностяхъ на сторону военныхъ людей, авторъ въ принципѣ допускаетъ воздѣйствіе международнаго права на военную практику. Оно значительно, хотя большею частію косвенно, и носитъ идеальный характеръ. Лишь постепенно должно это воздѣйствіе, говоритъ онъ, преобразовать военный реализмъ, а выступая повелительно и прямо, оно способно вызвать только противодѣйствіе со стороны практики, которая тѣмъ упорнѣе захочетъ тогда опереться на свои собственные правила и обычаи.

За введеніемъ слѣдуетъ *текстъ* Брюссельской декларацін на французскомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ, а затѣмъ *комментарій* къ нему въ томъ же несистематичномъ порядкѣ въ какомъ составленъ самый текстъ названнаго акта. Комментарій этотъ, будучи довольно кратокъ, представляетъ однако нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія и мысли. Правда въ немъ мало указаній на литературу и историческіе примѣры, но должно помнить, что онъ составленъ для начинающихъ. Сравнительно съ брюссельскимъ текстомъ авторъ расширяетъ свой комментарій въ трояком отношеніи, говоря о морской войнѣ, женевской конвенціи и дополнительныхъ къ ней статьяхъ, и объ окончаніи войны. По поводу послѣднихъ статей декларацін онъ касается еще правъ и обязанностей нейтральныхъ вообще.

Переходя къ частностямъ, мы замѣчаемъ, что при занятіи воюющимъ непріятельской страны, Лентнеръ считаетъ важнымъ, въ практическомъ отношеніи, дѣлать различіе собственно между государственными должностными лицами и служащими по выборамъ городовъ и общинъ. Первымъ едва ли удобно оставаться на время оккупаціи; продолженіе же службы представителями чисто мѣстныхъ интересовъ равно желательно, какъ для оккупанта, такъ и для населенія занятой мѣстности.

Авторъ съ удареніемъ говоритъ о томъ, что народная оборона заслуживаетъ и со стороны непріятеля человѣколюбиваго и справедливаго къ ней отношенія. Ст. 10 брюссельской декларацін признаетъ за нею права воюющей стороны, хотя бы она не успѣла еще организоваться въ мѣстности *не занятой непріятелемъ*. Отчего же не признать за нею тѣхъ же правъ, если она поднимается въ *тылу оккупаціоннаго войска,* т.-е. именно при тѣхъ условіяхъ, которыя для успѣшности народнаго противодѣйствія особенно благопріятны. Лентнеръ полагаетъ далѣе, что было бы цѣлесообразнѣе если бы декларація въ 9 ст. избрала не положительный, а отрицательный путь, т.-е. опредѣлила бы какія лица *не* должны признаваться воюющими и къ таковымъ онъ относитъ:

а) лицъ, хотя входящихъ въ составъ регулярнаго войска, но не соблюдающихъ добрыхъ военныхъ обычаевъ; в) мародеровъ; с) разбойниковъ и пиратовъ; д) шпіоновъ и различныхъ преступниковъ, хотя бы они были военные; е) дезертировъ и лицъ вопреки запрещенію покинувшихъ извѣстное мѣсто.

Довольно странно, что авторъ, упомянувъ объ отмѣнѣ каперства, говоритъ о немъ затѣмъ какъ о дѣйствующемъ институтѣ и видимо отождествляетъ его съ крейсерствомъ. По поводу новѣйшихъ попытокъ устроить международные призовые суды, онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что рѣшенія таковыхъ имѣли бы для сторонъ значеніе юридическаго совѣта безъ обязательной силы. Въ этомъ смыслѣ выразился и генералъ Грантъ въ концѣ 1879 г. одной депутаціи отъ американскихъ друзей мира. Мы не понимаемъ почему рѣшенія призовыхъ судовъ уступали бы по своему юридическому значенію напр. постановленіямъ третейскихъ судовъ?

Указывая на различные виды торпедъ и соглашаясь, что это едва-ль не самое разрушительное изъ всѣхъ военныхъ орудій, Лентнеръ относитъ ихъ однако къ дозволеннымъ средствамъ.

Порицая, что къ средствамъ недозволеннымъ брюссельская декларація (въ ст. 13) причисляетъ также захватъ частнаго имущества, онъ оговаривается, что «подобное дѣйствіе не составляетъ еще нарушенія международнаго права, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе понятія и объема военной необходимости должно быть предоставлено лицамъ отвѣтственнымъ за военныя дѣйствія.»

Стѣснительными для военной практики авторъ находитъ предписаніе деклараціи о небомбардированіи открытыхъ городовъ и мѣстечекъ, а, въ случаѣ ихъ обстрѣливанія, равно какъ и крѣпостей, правило о пощадѣ частей неукрѣпленныхъ. Иное мѣсто говоритъ онъ, и не будучи защищаемо, важно въ стратегическомъ отношеніи, какъ сборный пунктъ личныхъ и матеріальныхъ силъ противника. Но въ такомъ случаѣ занятіе его никѣмъ не оспаривается. Что же касается до укрѣпленныхъ городовъ, то Лентнеръ ставитъ на видъ, что укрѣпленія и собственно городъ составляютъ съ фортификаціонной, а тѣмъ болѣе экономической точки зрѣнія одно неразрывно цѣлое. Успѣхъ военнаго дѣла часто потребуетъ отъ осаждающаго внезапнаго нападенія на окруженный городъ и невыпущенія изъ него женщинъ и дѣтей именно для усиленія ужасовъ осады. Относящіяся же сюда статьи деклараціи, въ ихъ условной формулировкѣ и по ихъ проблематичной приложимости, представляются автору «лишенными всякаго практическаго значенія и способными вызвать самыя безпощадныя нападки военной критики.» Но тогда зачѣмъ же самъ Лентнеръ рекомендуетъ, согласно съ деклараціею, при бомбардированіи щадить зданія отведенныя религіи, искусствамъ, наукамъ и благотворительности, подъ условіемъ, чтобъ они не служили военнымъ цѣлямъ и были обозначаемы какимъ-либо внѣшнимъ способомъ? Въ интерессахъ самихъ военныхъ должно требовать смягченія ужасовъ войны, ибо отвращеніе къ послѣдней въ массахъ усиливается и естественно со временемъ должно только расти.

При наказаніи шпіоновъ Лентнеръ справедливо называетъ излишнею жестокостью не обращеніе вниманія на мотивы ихъ дѣйствій. Интересна глава объ условіяхъ допущенія въ войска представителей печати. Отпущеніе плѣнныхъ на честное слово отвергается съ военной точки зрѣнія. Многія государства строго воспрещаютъ своимъ солдатамъ принимать такое освобожденіе (напр. Австрія). Оно противорѣчитъ духу товарищеской чести и солидарности и опасно въ военномъ отношеніи, ибо можетъ косвенно усилить противника. Отпускаемые на честное слово должны бы обязываться не только впредь не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но и воздерживаться отъ всякой административно технической или дипломатической службы. Это очевидно слишкомъ строго. Какъ мѣра для обоихъ воюющихъ факультативная и подъ условіемъ строгаго развитія чувства чести во всѣхъ заинтересованныхъ странахъ, она заслуживаетъ лишь одобренія съ точки зрѣнія права.

О женевской конвенціи авторъ говоритъ вообще сочувственно, приводитъ проектъ исправленія ея по Людеру и замѣчаетъ, что въ военныхъ кругахъ ей ставятъ въ вину слѣдующіе недостатки: предоставленіе привилегированнаго положенія выздоровѣвшимъ, слишкомъ самостоятельное положеніе даруемое ею врачебному персоналу, допущеніе излишняго вмѣшательства въ санитарное дѣло лицъ не военнаго званія и слишкомъ большія выгоды мѣстнымъ жителямъ, которые окажутъ помощь больнымъ и раненымъ.

Авторъ касается и столь важнаго для всѣхъ вопроса о дезинфекціи полей сраженія. Мысли его въ этомъ пунктѣ однако, какъ и во многихъ другихъ, колеблются изъ-за предпочтенія даваемаго имъ военнымъ интересамъ надъ всѣми другими. Но отъ того онъ и приходитъ къ полурѣшеніямъ и полумѣрамъ, которыя едва ли кого-либо удовлетворятъ. Опасность, возникающая послѣ недостаточнаго преданія землѣ убитыхъ въ сраженіяхъ, начинаетъ онъ, и для нейтральныхъ такова, что они имѣютъ право и даже обязанность предупреждать ее и предотвращать путемъ международной солидарности и коопераціи. Это на практикѣ могло бы быть достигнуто учрежденіемъ *международной нейтрализованной коммиссіи*, которая своею задачею имѣла бы, во время войны, вести по правиламъ науки борьбу съ эпидеміями и эпизотіями. [1]) Кажется, что́ можетъ быть вѣрнѣе этихъ мыслей? Но сейчасъ же являются сомнѣнія и оговорки. Число нейтрализованныхъ лицъ, допускаемыхъ нынѣ въ ряды войска, и безъ того такъ значительно, что оно порядочно стѣсняетъ дѣйствующія войска. Едва ли въ военныхъ сферахъ пожелаютъ увеличить его новыми лицами, притомъ лишь косвенно посвящающими себя санитарному дѣлу. Такая мѣра послужила бы, пожалуй, для нейтральныхъ скрытымъ поводомъ ко вмѣшательствамъ во внутренній ходъ войны. Поэтому для государствъ гораздо цѣлесообразнѣе, не связывая себя никакими оффиціальными соглашеніями, предоставить это дѣло частной инициативѣ и благотворительности.

Но мы знаемъ, какъ недоброжелательно относятся военныя власти вообще къ частной такой дѣятельности во время войны. Примѣромъ можетъ служить женевская конвенція, относительно которой военные писатели и Лентнеръ самъ требуютъ строгаго подчиненія добровольныхъ санитаровъ военному начальству. Кромѣ того, при страшной быстротѣ передвиженія современныхъ армій и при быстромъ слѣдованіи одной битвы за другой, воюющіе не имѣютъ ни средствъ, ни времени, какъ показываетъ опытъ, должнымъ образомъ подобрать раненыхъ и убитыхъ съ полей сраженія, а тѣмъ менѣе могутъ они позаботиться объ оздоровленіи послѣднихъ. Разбитый спѣшитъ укрыться, а побѣдитель старается его преслѣдовать по пятамъ. Вотъ почему это дѣло, для народнаго здравія столь первостепенной важности, должно быть отдано въ руки компетентной международной коммиссіи, снабженной всѣми для сего необходимыми полномочіями и средствами.

---

[1]) Еще ранѣе эту мысль высказалъ *Ульманнъ* въ своей статьѣ: Des commissions sanitaires internationales dans la guerre. (Revue, 1880).

Отмѣтимъ еще главу о реквизиціяхъ. Какъ актъ внутренне-административный, онѣ, въ отличіе собственно отъ военныхъ реквизицій, опредѣляются и законами отдѣльныхъ государствъ. Лептнеръ, слѣдуя новѣйшему законодательству Германіи и Австро-Венгріи, хорошо резюмируетъ общія присущія имъ начала. Но нельзя съ нимъ согласиться, когда онъ полагаетъ, что военныя контрибуціи, т. е. возлагаемыя на непріятеля, не могутъ быть стѣсняемы предписаніями закона, а зависятъ отъ усмотрѣнія военныхъ властей. Брюссельская декларація выставила для нихъ весьма разумныя, хотя и не исчерпывающія ихъ начала, а Лептнеръ, приводя ихъ, дѣлаетъ нѣкоторыя добавленія (чтобы взиманіе реквизицій поручалось самымъ способнымъ и надежнымъ офицерамъ и интендантамъ; чтобы всѣ собранные предметы сдавались на одно опредѣленное мѣсто съ запрещеніемъ всякаго частнаго присвоенія и вообще съ соблюденіемъ строгаго порядка и пощады). Но несостоятельною является его мысль, чтобы лица, подвергнувшіяся реквизиціямъ со стороны непріятеля, обращались съ просьбою о вознагражденіи къ казнѣ своего государства. Очевидно за нихъ обязанъ уплатить непріятель, который ихъ потребовалъ и ими воспользовался сверхъ нормы допускаемой мѣстными законами на мирное время.

Въ главахъ: о парламентерахъ авторъ останавливается на постановленіяхъ австрійскаго устава о военной службѣ,—о капитуляціяхъ,—касается условій сдачи Седана, Метца, Бельфора и Ниша; а о перемиріяхъ—приводитъ текстъ Адріанопольскаго перемирія (1878 г.). Въ заключеніе онъ сообщаетъ статьи Константинопольскаго мира (27 янв. (8 февр.) 1879 г.)

Въ послѣдніе годы вышло два общія сочиненія по праву войны: одно, историческое, *Ниса*, другое исключительно теоретическое—*Броше*.

Nys. Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius. 1882.

Заглавіе этого труда не вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержанію. Главнымъ образомъ въ немъ излагается *право войны въ средніе вѣка* и притомъ преимущественно по сочиненіямъ *средневѣковыхъ юристовъ*, мысли которыхъ приводятся въ болѣе или менѣе длинныхъ выпискахъ. Предметъ настоящаго сочиненія вообще мало извѣстенъ и обработанъ молодымъ авторомъ съ любовію и знаніемъ.

Онъ самъ, въ слѣдующихъ словахъ, опредѣляетъ свою задачу: «хотя Гроцій долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ основателемъ науки международнаго права, но какъ въ этой области, такъ и въ другой, которой касается его сочиненіе, въ сферѣ права естественнаго, онъ имѣлъ предшественниковъ. Намъ кажется, что знакомство съ ними не лишено интереса и пользы. Наша наука, будучи младшею въ семьѣ ей сродственныхъ, достигла за послѣднее время такого значенія, что никто не думаетъ ее оспаривать. Тѣмъ полезнѣе бросить взглядъ на ея скромное зарожденіе и воздать должное тѣмъ, которые первыми для нея потрудились. Право завладѣваетъ все болѣе и болѣе отношеніями между государствами. Совершенно иное зрѣлище представляетъ намъ прошлое. Въ этой области особенно благотворно сравненіе минувшаго съ настоящимъ. Обозрѣвая путь пройденный нашей наукой, мы развѣ не черпаемъ новыхъ силъ и вѣры для будущаго? Среднимъ вѣкамъ были извѣстны нѣкоторыя учрежденія свойственныя международному порядку, но они не выходили изъ состоянія первоначальной, такъ сказать, формаціи: только одно право войны начинаетъ слагаться и около него, какъ около ядра, вырабатывается и право международное». Но оно не составляло еще отдѣльной науки у средневѣковыхъ юристовъ. Занятые изученіемъ римскаго права, они создали право каноническое, обработали обычное и нерѣдко трудились надъ вопросами государственнаго права. Что же касается до международнаго, то, не отдѣленное еще отъ естественнаго, оно большею частію вмѣстѣ съ нимъ входило въ составъ ученій правъ римскаго и каноническаго. При этомъ Нисъ напоминаетъ, что Исидоръ Севильскій, писавшій въ началѣ VII в., далъ довольно вѣрное описательное опредѣленіе нашего предмета,

№ Инв.
Сист.

а также Jus militare перешедшее позднѣе въ декреталіи Граціана и сдѣлавшееся впродолженіе среднихъ вѣковъ предметомъ безчисленныхъ комментаріевъ.[1] Но еще примѣчательнѣе взглядъ на существо и внутренее основаніе международнаго права Суареца. Хотя родъ человѣческій, говоритъ онъ[2], раздѣляется на различные народы и государства, но въ то же время онъ составляетъ одно цѣлое въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Свидѣтельствомъ этому служитъ то чувство любви и сострадапія, которое притягиваетъ взаимно народы даже чуждые другъ другу. Государства, будучи союзами до нѣкоторой степени совершенными, суть однако части болѣе обширнаго цѣлаго, называемаго человѣчествомъ. Всѣ они нуждаются во взаимномъ содѣйствіи и общеніи, либо въ видахъ большей пользы, либо въ силу нравственной необходимости. Это и ведетъ къ установленію между ними нѣкоего права, которое управляетъ ихъ сношеніями въ этомъ обширномъ союзѣ. Для введенія его недостаточно одного естественнаго разума, но многія его нормы вошли въ жизнь въ силу обычаевъ.

Бросивъ общій взглядъ на отношенія между имперіею и папствомъ, авторъ переходитъ, во второй главѣ, къ *праву войны*, причемъ говоритъ сперва о воззрѣніяхъ на войну первыхъ учителей христіанства и о различныхъ способахъ мирныхъ и насильственныхъ, рѣшенія, помимо войны, споровъ между народами: о добрыхъ услугахъ, посредничествѣ, третейскомъ судѣ и о репрессаліяхъ. Въ отдѣлахъ спеціально посвященныхъ войнѣ рѣчь идетъ: о частныхъ войнахъ, причинахъ войны, ея объявленіи и наконецъ объ ея веденіи и окончаніи.

Третья и послѣдняя глава говоритъ о *17 предшественникахъ Гроція*, начиная съ Линьяно (въ 14 стол.) и кончая Суарецомъ (въ 17). Большею частью это краткія указанія на важнѣйшие годы въ ихъ жизни и перечень ихъ трудовъ. Подробнѣе авторъ касается Боннора, Белли, Айалы, Джентили и Суареца. Вообще же свѣдѣнія наши объ этихъ писателяхъ самыя скудныя: чаще всего богословы и философы, иногда романисты—они и международные вопросы разсматриваютъ не съ юридической точки зрѣнія, но высказываютъ тѣмъ не менѣе иной разъ весьма интересныя и вѣрныя мысли.

---

[1] Jus gentium est, читаемъ мы у Исидора, sedium occupatio, aedificatio, munitio, bella, captivitates, servitutes, postliminia, foedera, paces, induciae, legatorum non violandorum religio, connubia inter alienigenas prohibita.

[2] Tractatus de legibus ac Deo legislatore.

Нельзя не согласиться съ Нисомъ, когда онъ ставитъ на видъ, что первые отцы Церкви—Климентъ Александрійскій, Тертулліанъ, Оригенъ, Лактанцій, Василій Великій и др. были сильными противниками войны. Первые христіане даже отказывались отъ военной службы. Василій Великій, приравнивая отнятіе жизни у врага на войнѣ къ убійству вообще, лишалъ виновныхъ впродолженіе трехъ лѣтъ св. Причастія. Но возведеніе христіанства Константиномъ на степень государственной религіи и борьба съ воинственными варварами, измѣнили воззрѣнія церкви на войну. Въ ней увидѣли, хотя крайнюю, но справедливую форму самозащиты для народовъ. Особенно блаж. Августинъ содѣйствовалъ проведенію этой мысли въ сознаніе христіанъ. Онъ выставилъ положеніе, что «pacem debet habere voluntas, bellum necessitas» [1]), перешедшее въ декреталій Граціана и въ послѣдствіи буквально повторяющееся у большинства средневѣковыхъ писателей.

Приведя многіе примѣры третейскихъ рѣшеній въ средніе вѣка, Нисъ останавливается подробно на репрессаліяхъ и разбираетъ посвященный имъ трактатъ Бартола «Tractatus repraesaliarum». Въ главѣ о «причинахъ войны» авторъ прежде всего задается вопросомъ, какъ смотрѣли на ея законность средневѣковые канонисты и легисты? И тутъ онъ замѣчаетъ двойное теченіе. Большинство, слѣдуя Августину, довольствуется различіемъ между законными и несправедливыми войнами. Еще Исидоръ Севильскій, по Цицерону, установилъ это различіе, перешедшее съ легкими измѣненіями въ сборникъ Граціана. Немногіе однако продолжали держаться воззрѣнія, что война сама по себѣ несправедлива и преступна. Такова мысль епископа Остіи Генриха Сузскаго въ его Summa aurea. Линьяно напротивъ выводитъ неизбѣжность войны изъ всего строя вселенной и по преимуществу изъ воздѣйствія на человѣка небесныхъ свѣтилъ. Міръ, по его мнѣнію, не можетъ обойтись безъ войны. Но самое примѣчательное, близко подходящее къ современному, опредѣленіе справедливости войны (съ точки зрѣнія права) даетъ Суарецъ, требуя, чтобъ она была объявлена законнымъ правительствомъ, имѣла справедливое основаніе и велась бы сообразно съ правомъ и внутреннею правдою (aequitas) [1].

---

[1]) Онъ добавляетъ: Non enim pax quaeritur ut bellum excitetur, sed bellum geritur ut pax acquiratur.

Нисъ разсматриваетъ подробно вопросъ о причинахъ войны по ученію средневѣковыхъ юристовъ. Айала считалъ изъ всѣхъ войнъ самою справедливою противъ возставшихъ подданныхъ, причемъ онъ, какъ испанецъ, имѣлъ въ виду отдѣлившіеся отъ его отечества Нидерланды.

Война противъ невѣрныхъ считалась вообще дозволенною, но Джентили высказался противъ таковой, хотя онъ и не оспаривалъ существованіе вѣчной вражды между христіанами и Турками. По его мнѣнію съ невѣрными можно вести торговлю, но не слѣдуетъ заключать съ ними союзовъ, особенно въ видахъ нападенія на христіанъ.

Предъ началомъ, война, по общему воззрѣнію, должна быть объявлена. Джентили желаетъ даже, чтобы между объявленіемъ и началомъ ея противнику давалось еще 33 дня, какъ послѣдній срокъ для примиренія. На практикѣ объявленіе вошло въ общій обычай съ XII в. и дѣлалось либо посредствомъ особыхъ посланныхъ, либо письменно. Въ эпоху рыцарства часто съ этою цѣлью отправлялись герольды. Нерѣдко противники опредѣляли напередъ даже день и мѣсто своей встрѣчи. Съ теченіемъ времени эти способы уступили мѣсто изданію манифестовъ, въ которыхъ сообщалось подданнымъ о началѣ войны, а формальное объявленіе вышло изъ употребленія, въ чемъ едва ли, замѣчаетъ авторъ, можно видѣть прогрессъ.

Въ цѣломъ войны велись въ средніе вѣка съ самою безпощадною жестокостью. Онѣ, говоритъ Нисъ, превосходили въ этомъ отношеніи войны во времена римской имперіи. Противники стремились нанести другъ другу всевозможный вредъ, ибо совершенное истребленіе врага,—такова была цѣль военныхъ дѣйствій. Отсюда употребленіе отравленнаго оружія, вѣроломство, истязанія плѣнныхъ, преданіе огню и мечу городовъ и селъ. Правда, христіанство и рыцарство старались нѣсколько обуздать эти военныя страсти, но христіанство само часто забывало, что миссія его была главнымъ образомъ миссія мира. Духъ Евангелія уступилъ мѣсто обоюдной ненависти сектъ. Это произошло особенно вслѣдствіе воздѣйствія на церковь магометанства. Въ продолженіе многовѣковой борьбы между религіями Христа и Магомета невѣданный дотолѣ фанатизмъ овладѣлъ западнымъ обществомъ. Рыцарство съ своей стороны ввело въ военную практику многіе смягчающіе обычаи, но они были обязательны только между рыцарями и не простирались на виллановъ.

---

[1] Ut bellum honeste fiat, говоритъ онъ, nonullae conditiones sunt observandae quae ad tria capita revocantur: primum ut sit a legitima potestate: secundum ut justa causa et titulus; tertium ut servetur debitus modus et aequalitas in illius initio, prosecutione et victoria.

Что касается до писателей, то они въ большинствѣ высказываютъ болѣе человѣколюбивыя и справедливыя воззрѣнія и достойно вниманія, что ни одинъ изъ предшественниковъ Гроція не написалъ, по поводу войны, столь жестокія страницы, какъ Бинкерсгукъ.

По общему правилу въ средніе вѣка война порываетъ всякія связи между противниками: всѣ подданные врага считаются непріятелями и могутъ быть взяты въ плѣнъ. Имущества ихъ подлежатъ расхвату. Различіе между частною и государственною собственностію неизвѣстно. Объ опредѣленіе торговли не могло быть и рѣчи.

Къ счастію, на практикѣ встрѣчались многочисленныя уклоненія, изъ которыхъ постепенно выработалось *право* войны и которыя по этому любопытно отмѣтить.

Англійская великая Хартія 1215 г. предписываетъ, чтобы, при началѣ войны, съ иностранными купцами въ Англіи обходились такимъ же образомъ, какъ относилось къ англійскимъ подданнымъ враждебное государство. Въ одномъ статутѣ Эдуарда III иностранцамъ, жившимъ въ Англіи, давался, послѣ начала войны, 40 дневный срокъ для выѣзда изъ королевства съ ихъ имуществами, а въ случаѣ недостаточности онаго, имъ предоставлялось еще 40 дней на распродажу ихъ вещей. Но особенно Ганза выговаривала различныя привиллегіи въ пользу своихъ купцовъ: послѣдніе получали отъ 40 дней до года льготнаго срока, а иногда они, несмотря даже на войну могли продолжать свои торговыя дѣла. Постепенно выработалось правило, при началѣ войны давать иностранцамъ, для устройства ихъ дѣлъ, извѣстный срокъ, который колебался отъ 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Даже женщины и дѣти, по словамъ Белли и Джентили, не изъяты отъ жестокостей войны. Бонноръ впервые робко возвысилъ свой голосъ въ пользу неприкосновенности мирныхъ жителей и ихъ имущества. «Лица, воздѣлывающія поля и виноградники, говоритъ онъ, послѣ Бога болѣе всего кормятъ своимъ трудомъ все остальное населеніе, а между тѣмъ о нихъ никто не заботится. Въ чемъ они повинны въ ссорахъ своихъ господъ? И зачѣмъ же на невинныхъ возлагать вину другихъ?»

Введеніе постояннаго войска въ XV стол. способствовало цивилизованью войны. Въ ордонансѣ 1439 г. Генеральныхъ Штатовъ военнымъ людямъ воспрещается грабежъ, поджигательство, порубка виноградниковъ и деревъ, отнятіе у мирныхъ жителей скота или обложеніе ихъ контрибуціями. Подобныя же правила были высказаны еще ранѣе въ 1399 г. Швейцарскими кантонами. По словамъ Коммина особою строгою дисциплиною отличались англійскія войска.

Нисъ приводитъ примѣры легкаго отношенія папъ къ клятвамъ и честному слову. Хотя въ сборникъ Граціана вошло правило Августина, что «fides etiam hosti servanda est», но въ немъ же дозволено нарушеніе клятвы вредной для церкви. Juramentum contra utilitatum ecclestiacam praestitum non tenet. Большинство писателей осуждаетъ такое воззрѣніе.

На войнѣ прибѣгали иногда къ употребленію яда. Про Испанцевъ расказываютъ, что они имѣли обыкновеніе отравлять свои стрѣлы. Также отравляли колодцы и Джентили высказывается противъ Бальда, утверждавшаго будто дозволено убивать врага ядомъ и чрезъ отравленіе водъ.

Городъ, взятый приступомъ, подвергался разоренію, причемъ солдатамъ предоставлялось грабить его въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Но можно было отъ этого выкупиться.

Всѣ жестокости этой военной практики Нисъ объясняетъ самимъ воззрѣніемъ той эпохи на войну: въ ней видѣли либо смертный приговоръ произносимый государемъ противъ подданныхъ другаго, либо настоящій судъ, вслѣдствіе котораго побѣжденный признавался виновнымъ и побѣдителю присвоивалось надъ нимъ право жизни и смерти.

Горькой участи подвергались военноплѣнные. Хотя христіанъ не дозволялось обращать въ рабство, но въ противоположность современной практикѣ, они состояли во власти не государства, а лицъ лишившихъ ихъ свободы. Послѣднія могли всегда отказать имъ въ освобожденіи. Плѣнныхъ нерѣдко избивали или же обрекали на тяжкую неволю и работы. Наиболѣе распространенный способъ ихъ освобожденія былъ выкупъ, по правилу опредѣлявшійся ежегоднымъ доходомъ плѣннаго, но на практикѣ вызывавшій безчисленныя злоупотребленія. Въ 17 стол. возникаетъ, благодаря Нидерландамъ, обычай ихъ размѣнивать. Встрѣчаются и примѣры отпущенія ихъ на волю по честному слову. Но Белли и Джентили полагаютъ, что такое слово не обязываетъ давшаго его, ибо вѣрность своему государю стоитъ выше всякаго обязательства. Впрочемъ рыцари вообще оставались вѣрными своему слову.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ XVI стол. Альціатъ первый высказался противъ права добычи во имя того, что всѣ войны между христіанами суть какъ бы войны междуусобныя.

Понятіе о нейтралитетѣ, такъ много способствующее ограниченію области войны, было чуждо среднимъ вѣкамъ. Бывали примѣры, что извѣстная страна, не принимая сама участія въ войнѣ, дозволяла своимъ подданнымъ, въ качествѣ наемниковъ, поступать въ ряды войска обоихъ противниковъ и несмотря на это она считалась даже въ союзѣ и дружбѣ съ ними обоими.

Brocher de la Fléchère. Les révolutions du droit. Tome II. L'enfantement du droit par la guerre. 1882.

Преподавая въ Женевскомъ университетѣ философію права и римское право, Броше предполагаетъ въ этомъ сочиненіи, расчитанномъ на нѣсколько томовъ, изложить въ общихъ чертахъ философію права. Онъ называетъ свои изслѣдованія «историческими» и цѣлью ихъ ставитъ «содѣйствіе къ уразумѣнію общественныхъ учрежденій,»—что особенно настоятельно требуется въ его отечествѣ, ибо лишь это уразумѣніе «способно перевести въ дѣйствительность понятіе о народномъ верховенствѣ».

Въ первомъ томѣ, вышедшемъ въ 1878 г. и озаглавленномъ «Философское введеніе», авторъ касается: обычнаго права и философіи права; исторіи развитія сознанія въ человѣчествѣ; психологіи; логики и метафизики; нравственности и философіи права.

Во второмъ томѣ Броше приступаетъ прямо къ своей задачѣ и старается прослѣдить проявленіе и постепенное установленіе права посредствомъ войны во всѣхъ сферахъ его дѣйствія [1]). Въ немъ шесть книгъ, содержаніе которыхъ слѣдующее: война и общество; война, коммунизмъ и торговля; право войны; отношенія войны къ правамъ: уголовному, гражданскому и административному [2]).

Само собою разумѣется, что полное обсужденіе этого сочиненія станетъ возможнымъ лишь по его окончаніи, но вышедшіе пока два тома позволяютъ намъ уже теперь составить себѣ понятіе о методѣ и цѣли автора. Одинъ изъ критиковъ втораго тома, Сен-Обанъ, вѣрно опредѣляетъ этотъ методъ: «для Броше наука естественнаго права состоитъ не столько въ изысканіяхъ *долженствующаго быть*, сколько въ изъясненіяхъ *существующаго*. Онъ беретъ вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, наблюдаетъ окружающіе насъ законы и, вмѣсто того, чтобы разразиться противъ нихъ упреками и анаѳемой, старается найти, путемъ опытной философіи, ихъ мотивъ и пользу. Такимъ образомъ напр. война, представляющая для многихъ людей лишь благодарную тему для напыщенныхъ и звучныхъ фразъ, напротивъ является ему великимъ закономъ. Провидѣнія, управлявшимъ возникновеніемъ всѣхъ человѣческихъ законовъ и содѣйствующимъ охраненію человѣческаго общежитія послѣ того, какъ онъ вызвалъ его къ жизни» [3]).

Хотя Броше называетъ свои этюды историческими, но сочиненіе его отличается чисто философскимъ методомъ. Обобщенія носятъ крайне отвлеченный характеръ; почти полное отсутствіе историческаго матеріала и никакихъ ссылокъ на литературу. Иногда не легко слѣдить за нитью его изложенія. Въ книгѣ его безспорно много глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній, особенно относительно природы общества, устройства въ немъ властей и т. п.; но различныя положенія его и выводы то слишкомъ парадоксальны, то даже недостаточно между собою согласованы.

---

[1]) Съ небольшими измѣненіями отдѣльныя главы этого тома были напечатаны въ разныхъ годахъ *Revue*; 1872, 73, 78, 80 и 82 г.

[2]) Третій томъ, по плану автора, предметомъ своимъ будетъ имѣть: La genèse du Droit positif.

[3]) Bulletin de la Société de législation comparée. 1884, Février.

Война составляетъ первенствующее, все опредѣляющее въ содержаніи втораго тома. Между тѣмъ мысли о ней автора довольно смутны и трудно сказать къ какому конечному выводу онъ приходитъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ его книги можно подумать, что постепенное укрѣпленіе и расширеніе мира составляетъ для него цѣль человѣческаго общежитія. «Война, говоритъ онъ, есть крайняя необходимость, послѣдствіе нашего безсилія и въ особенности нашего невѣжества, послѣдствіе, которое исчезнетъ, когда прекратится вызвавшая его причина. По удаленіи препятствій, миръ утвердится самъ собою въ силу естественнаго нашего къ нему тяготѣнія. Но надо научиться жить въ мирѣ, подобно тому, какъ слѣдуетъ учиться искусству быть счастливымъ».

«Право, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, есть норма (la règle) отношеній между людьми. Цѣлью его является предупреждать между ними столкновенія. Оно возникаетъ изъ войны, но ему слѣдуетъ все рѣшительнѣе отъ нея отдѣляться, а ни оставаться съ нею слитымъ, ни возвращаться къ ней»[1]).

Болѣе внимательное однако изученіе книги Броше показываетъ намъ, что онъ склоняется скорѣе къ мнѣнію о неустранимости и благотворности войны для человѣческаго рода на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Но этотъ софизмъ построенъ у него на ложныхъ предположеніяхъ и главнымъ образомъ на смѣшеніи *войны* съ *борьбою, соревнованіемъ* вообще. Видя въ силѣ первую опредѣлительницу человѣческихъ отношеній, Броше продолжаетъ: «война останется навсегда въ основѣ этихъ отношеній. Съ теченіемъ времени мы научаемся лишь искусству лучше ее вести, съ меньшими затратами и большею пользою, но нечего мечтать о ея совершенномъ уничтоженіи, ибо она есть необходимое очищеніе (!) и должна имѣть свое мѣсто». Чтобы понять этотъ выводъ, должно вспомнить слѣдующія слова автора: «главную причину войны составляетъ, быть можетъ, прирожденная (?) недобросовѣстность людей и необходимость оградить себя отъ нея. Добросовѣстность— удѣлъ немногихъ, избранныхъ натуръ. Война и исключительность (exclusisme) будутъ вѣроятно господствовать всегда въ той или иной формѣ. Есть люди, съ которыми прочный миръ невозможенъ».

---

[1]) Послѣдняя мысль находится въ *Revue*, 1878, p. 475.

Такимъ образомъ мы видимъ, что превратное понятіе Броше о человѣческой природѣ обусловливаетъ и его воззрѣніе на войну. Отсюда и возведеніе въ неизмѣнный законъ, создавшій государства и предохраняющій ихъ отъ разложенія. Но это не мѣшаетъ ему напоминать, что правители нерѣдко, ради преданія себѣ большей важности, вызываютъ внѣшнюю войну и питаютъ несогласія въ населеніи съ цѣлью сдѣлать народъ податливымъ, довѣрчевымъ и страстнымъ, а чрезъ это тѣмъ вѣрнѣе поработить его.—Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что мысли его о характерѣ и условіяхъ политической свободы прекрасны: «всѣ правительства склонны къ злоупотребленіямъ своею властью и извращаются, если они постоянно не сдерживаются противодѣйствіемъ управляемыхъ. Опасность эта тѣмъ больше, чѣмъ она менѣе выступаетъ наружу. Мысль, что правительство представляетъ народъ, останется на всегда, во многихъ отношеніяхъ, фикціею весьма опасною по выводамъ, которые изъ нея можно сдѣлать. Народы должны бороться, если желаютъ быть хорошо управляемыми» [1]).

Непосредственно къ намъ относится третья книга: «о правѣ войны», распадающаяся на три главы: о лицахъ, о правахъ воюющихъ и о правахъ нейтральныхъ. Въ цѣломъ это-философскій очеркъ права войны въ духѣ германскихъ юристовъ (напр. Моля). Право, начинаетъ авторъ, не довольствуется смягченіемъ войны; оно стремится къ ея уничтоженію, а для этого начинаетъ съ того, что вступаетъ съ нею въ сдѣлки. Оно старается повсюду замѣнить самосудъ общественною юстиціею. Но такъ какъ это не вездѣ возможно и въ виду того, что самосудъ всетаки лучше отсутствія всякой юстиціи, она терпитъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и первый. Есть двоякаго рода нарушенія права: не необходимыя и поэтому караемыя, и неизбѣжныя, которыя вслѣдствіе сего не подлежатъ наказанію. Первыя мы назовемъ преступленіями, вторыя—дѣйствіями самообороны. Можно сказать, что все право войны заключается въ различеніи этихъ двухъ категорій, въ опредѣленіи, когда дѣйствія самообороны заслуживаютъ или нѣтъ снисхожденія. Война—пробѣлъ права, но война правильная—пробѣлъ признанный и допускаемый правомъ. Въ этомъ признаніи и допущеніи—сущность права войны, которое есть въ то же время предѣлъ, полагаемый праву войной, и предѣлъ установляемый войнѣ правомъ. Все содержаніе его сводится къ двумъ основнымъ вопросамъ: о лицахъ, ради которыхъ должны быть признаны извѣстныя смягченія и о дѣйствіяхъ этихъ лицъ, подлежащихъ также ограниченіямъ права.

---

[1]) Рекомендуемъ особенному вниманію послѣднюю книгу настоящаго тома; въ ней говорится объ узурпаціи, закономѣрности, доктринаризмѣ и парламентаризмѣ, о началахъ имперіализма и дѣлается разборъ недостатковъ современнаго строя государствъ съ точки зрѣнія правовой теоріи, понимаемой авторомъ какъ настоящее воплощеніе закона. (La légitimité—c'est le règne de la loi, или: c'est la forme de constitution dans laquelle aucun pouvoir n'est absolu, pas même celui du peuple, le plus dangereux de tous).

Вполнѣ вѣрно Броше опредѣляетъ правильную войну. Она по существу не абсолютна, а относительна, т.-е. ограниченна по пространству и времени. Цѣль ея—не истребленіе одного изъ противниковъ, а возстановленіе мира по достиженіи поставленной ей задачи. Поэтому рядомъ съ нею совмѣстно существованіе права. Сказавъ нѣсколько словъ о развитіи военнаго права путемъ договоровъ и обычаевъ, онъ переходитъ къ недозволеннымъ дѣйствіямъ. И тутъ онъ прежде всего требуетъ, чтобы война объявлялась. «Величайшее бѣдствіе, вызываемое ею, это—уничтоженіе довѣрія. Утраты людей и капиталовъ, при хорошихъ обстоятельствахъ, исправляются скоро, но производство исчезаетъ вмѣстѣ съ довѣріемъ. Необходимо устранить всякое опасеніе внезапнаго нападенія. Это тѣмъ необходимѣе, что состояніе мира, хотя бы даже возведеннаго въ общее правило, есть всегда произведеніе искусственное и поверхностное, скрывающее въ своихъ нѣдрахъ элементы, находящіеся въ глухой, но постоянной борьбѣ [1]).

---

[1]) А на той же страницѣ читаемъ: „надо, чтобы война стремилась къ самоуничтоженію, къ замѣнѣ себя миромъ и къ превращенію враговъ въ друзей»

Существуетъ всегда опасность изъ этого стоившаго столько усилій построенія впасть снова въ состояніе природы. т.-е. вражды и недовѣрія. Между лицами другъ друга не знающими, всякое приближеніе «враждебно».

Но собственно торжественнаго объявленія Броше не требуетъ, а находитъ достаточными дипломатическіе переговоры и изданіе ультиматума.

Онъ справедливо осуждаетъ употребленіе мундировъ и знамени непріятеля. Морское право даже регулировало употребленіе этой хитрости и предписываетъ когда именно предъ противникомъ она должна прекратиться. Практика сухопутной войны, въ этомъ отношеніи, болѣе разборчива и дозволяетъ воюющему одѣвать свои войска оставшимися отъ непріятеля мундирами, лишь въ случаѣ крайней нужды. Упоминая о запрещеніи яда, Броше высказываетъ странную мысль, будто право войны дозволяетъ портить воду для питья у непріятеля (напр. засорять колодцы и т. п.). Распространеніе невѣрныхъ слуховъ и даже поддѣльныхъ журналовъ и газетъ также дозволено, пока не сопряжено съ вѣроломствомъ.

Говоря о положеніи лицъ во время войны, авторъ оттѣняетъ постепенное облегченіе ихъ участи: отъ поголовнаго избіенія, обращенія въ рабство женщинъ и дѣтей до отличенія мирнаго населенія отъ непосредственно воюющихъ и въ средѣ послѣднихъ, комбатантовъ отъ некомбатантовъ. Прогрессъ этотъ привелъ къ основному принципу современнаго права войны, что война ведется между государствами, а не частными лицами, какъ таковыми. Отсюда: лица, принимающія въ ней участіе, дѣйствуютъ какъ орудія и по приказанію. Нечего дѣлать различія между регулярнымъ войскомъ и добровольными ополченцами. Главное, чтобы и послѣдніе дѣйствовали по приказанію, а мундиръ или форма ихъ—это только внѣшнее подтвержденіе такого примѣра.

Намъ кажется это уже слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ формальностямъ, которыя на войнѣ имѣютъ конечно большее значеніе, чѣмъ въ мирное время.

Выставивъ приведенный нами общій принципъ военнаго права, Броше съ тѣмъ вмѣстѣ полагаетъ, что онъ все болѣе теряетъ свое практическое значеніе въ наше время. «Въ прошломъ стоѣтіи и въ началѣ нашего, говоритъ онъ, войны велись при такихъ обстоятельствахъ, которыя дозволяли дѣлать различіе между государствомъ и частными лицами. Въ періодъ неограниченной монархіи населеніе большею частію относилось съ полнымъ равнодушіемъ къ войнамъ. Не участвуя въ ихъ объявленіи, оно и не интересовалось ихъ исходомъ, ибо чаще всего вражда между государствами вращалась тогда около вопросовъ чисто династическихъ. Развитіе національной политики въ наши дни знаменуетъ большой успѣхъ, но и великую опасность: въ будущемъ войны станутъ болѣе рѣдкими, но и болѣе ужасными. Окрашиваясь національнымъ характеромъ, онѣ будутъ вестись ради интересовъ народовъ и тогда безъучастіе послѣднихъ уступитъ мѣсто энтузіазму, быть можетъ даже дикому отчаянію. Можно ли ожидать при этихъ условіяхъ, чтобы населеніе добродушно отнеслось къ завоевателю, проникшему въ его страну или пытающемуся навязать ему какое-либо ненавистное правительство? Какъ же помочь этому увеличенію ожесточенія въ будущихъ войнахъ? Между различными средствами Броше рекомендуетъ одно особенно, чтобы воспитаніе массъ поднять до уровня требованій нашей эпохи. Народы свободно управляемые несутъ и бо́льшія обязанности. Въ особенности они должны отличаться болѣе строгимъ развитіемъ общественнаго сознанія и общественной нравственности.

Соглашаясь вполнѣ съ послѣдними выводами, мы полагаемъ однако, что современныя политическія условія и національныя стремленія, хотя и дѣлаютъ приложеніе основнаго принципа военнаго права несравненно болѣе труднымъ, но не невозможнымъ. Броше самъ говоритъ, что правительство никогда не слѣдуетъ отождествлять съ народомъ. Какъ бы война ни была національна, но большинство населенія всегда остается на положеніи мирнаго и его то особенно призвано брать подъ свою защиту право войны, вовсе не имѣющее въ виду ослабленіе собственно *боевыхъ силъ* страны.

Отъ лицъ авторъ переходитъ къ положенію имуществъ и замѣчаетъ, что современный принципъ права войны логически требуетъ неприкосновенности частнаго имущества. Грабежъ, такъ широко практиковавшійся въ прежнія эпохи, уступилъ мѣсто системѣ реквизицій. Но авторъ находитъ и ихъ въ противорѣчіи съ началомъ неприкосновенности частной собственности. Хотя онѣ не вызываютъ столько зла какъ грабежъ, но онѣ быть можетъ, ненавистнѣе его, потому что не находятъ себѣ извиненія какъ онъ въ страсти. Между тѣмъ неизбѣжными реквизиціями представляются постойная повинность и требованіе перевозочныхъ средствъ. Менѣе можетъ быть оправдываемо отнятіе у населенія жизненныхъ припасовъ, одежды и т. п., ибо эти предметы могутъ слѣдовать за войскомъ. Но когда необходимы и эти реквизиціи не слѣдуетъ забывать, что онѣ возлагаются не столько на частныхъ лицъ, сколько на государство, подданными котораго они состоятъ. Непріятель вправѣ требовать ихъ по установленному порядку и выдавать въ полученіи ихъ росписки, подлежащія позднѣе уплатѣ. Прекрасно Броше осуждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что вещи, покинутыя во время войны ихъ хозяевами, суть будто бы res nullius. Собственники не имѣли намѣренія (animus) отъ нихъ отказаться. Воюющій можетъ развѣ въ случаѣ нужды пользоваться такими вещами безъ росписки, но не считать себя ipso jure ихъ собственникомъ.

О контрибуціяхъ авторъ не говоритъ вовсе, но въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ его работы, напечатанномъ въ Revue, онъ осуждаетъ денежныя реквизиціи. ¹)

Занятіе непріятельской области, по его мнѣнію, создаетъ для оккупанта реальныя, а не личныя отношенія. Населеніе находится въ положеніи осѣдлыхъ иностранцевъ или же военноплѣнныхъ. Ниже мы увидимъ этотъ взглядъ у Корси. Оккупантъ пріобрѣтаетъ право взимать налоги, но власть его простирается на лица лишь поскольку это касается отношенія послѣднихъ къ вещамъ. Но невѣрною должна быть признана мысль Броше, что по естественному праву оккупантъ обязанъ допускать лишь такія смягченія своей власти, которыя въ его интересѣ.

Обращаясь къ морской войнѣ, Броше полагаетъ, что со временемъ, когда будетъ признанъ принципъ неприкосновенности частной собственности, морская война либо вовсе прекратится,

---

¹) Спеціально право войны напечатано въ Revue за 1872—73 г. съ нѣкоторыми противъ книги добавленіями, напр. о поголовномъ возстаніи населенія, о долгахъ, о междуусобныхъ войнахъ и репрессаліяхъ.

либо получитъ характеръ дополнительный къ войнѣ сухопутной и тогда морскія операціи ограничатся блокадою портовъ и нападеніемъ на берега.

Преобразованіе призовыхъ судовъ въ международномъ отношеніи ему представляется необходимымъ въ виду ихъ административнаго, а не дипломатическаго характера.

Нейтральнымъ государствомъ онъ считаетъ то, которое, оставаясь дружественнымъ съ обоими воюющими, не вступаетъ ни къ кому во враждебныя отношенія. Оказываніе равной помощи обѣимъ сторонамъ должно быть осуждено. Нейтральнымъ правительствамъ не слѣдуетъ терпѣть на своей территоріи вербовки ихъ гражданъ въ войска къ одному изъ воюющихъ, но отдѣльные нейтральные граждане могутъ идти къ послѣднимъ добровольцами. Тогда они какъ бы на время становятся подданными воюющаго, теряя свой нейтральный характеръ, но не дѣлая отвѣтственымъ за свои дѣйствія свое отечество. Это рѣшеніе, являясь нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ строгихъ правилъ юридической логики, вполнѣ однако справедливо во имя внутренней нравственной правды и часто неизбѣжныхъ политическихъ соображеній. Такимъ же образомъ рѣшаетъ Броше вопросъ о денежныхъ вспомоществованіяхъ и займахъ.

Блокада, по его мнѣнію, не можетъ существовать безъ войны и такъ называемыя мирныя блокады суть тѣ же враждебныя дѣйствія, хотя и ограниченныя и маскированныя. Хотя мотивомъ блокады является военная необходимость, но она покоится не на идеѣ собственности, а занятія, какъ выработалось послѣднее еще въ римскомъ правѣ. Эту теорію подвергнулъ критикѣ, какъ мы видѣли выше, Фошилль.

Въ правѣ осмотра авторъ признаетъ новое подтвержденіе того положенія, что нейтральныя правительства не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности за дѣйствія ихъ подданныхъ внѣ ихъ территоріи. Заключительныя размышленія этого отдѣла касаются идеи международнаго суда и нами не могутъ быть приняты: «нашъ очеркъ, говоритъ авторъ, подтверждаетъ мысль, что право возникаетъ изъ войны. Разсужденія о человѣколюбіи сами по себѣ мало дѣйствительны. Если желать, чтобы извѣстное государство отказалось отъ такихъ-то дѣйствій, надо ихъ направить противъ него самого и показать, что польза извлекаемая изъ нихъ уступаетъ соединеннымъ съ ними невыгодамъ. Съ этой точки понятны препятствія, на которыя должна натолкнуться попытка замѣнить войны третейскими судами. Всѣ согласны на счетъ пользы добровольнаго обращенія къ такимъ судамъ. Но учрежденіе верховнаго судилища, на столько могущественнаго, чтобы оно могло принуждать государство обращаться къ нему въ своихъ спорахъ, было бы средствомъ худшимъ того зла, противъ котораго оно предписывается. Это было бы подготовленіемъ новаго абсолютизма и притомъ наиболѣе опаснаго». Авторъ усматриваетъ даже аналогію между этою попыткою и инквизиціею, въ прямомъ значеніи этого слова. Инквизиція была извѣстный способъ процесса, состоявшій въ замѣнѣ доказательства посредствомъ битвы (поединка)—доказательствомъ чрезъ свидѣтелей.

Странное смѣшеніе понятій! Международный судъ и не мыслимъ какъ принудительный, а будучи органомъ права и главнымъ блюстителемъ юридическаго порядка, онъ и не можетъ создать тотъ абсолютизмъ, котораго опасается Броше.

Corsi. L'occupazione militare in tempo di guerra e le relazioni internazionali che ne derivano. 1882.

Будучи первымъ произведеніемъ еще юнаго автора, это сочиненіе отличается ясною, выдержанною системою и прекраснымъ изложеніемъ. Тема избранная Корси принадлежитъ къ самымъ труднымъ, но и важнымъ вопросамъ всего военнаго права, начавшая останавливать на себѣ вниманіе юристовъ лишь съ франко-прусской войны. Хотя во время войнъ революціи и первой имперіи правительства быстро смѣнялись и области переходили изъ рукъ въ руки, но лишь занятіе и управленіе нѣмцами Эльзаса-Лотарингіи повело къ установленію въ литературѣ *ученія о военномъ занятіи съ международной точки зрѣнія.*

Указавъ на различія этого понятія отъ нашествія и завоеванія, авторъ знакомитъ насъ сперва (въ 1-й гл.) съ мыслями о занятіи американской полевой инструкціи и брюссельской деклараціи ¹),

---

¹) Относящіяся сюда статьи ихъ помѣщены въ приложеніяхъ, гдѣ напечатанъ также декретъ, изданный Франціею 15 и 17 ноября 1792 г. о независимости народовъ, съ которыми она вступила тогда въ войну.

а равно и главныхъ писателей, начиная съ Гроція, причемъ онъ особенно высоко ставитъ мнѣнія Гефтера и Галлека. Подъ военнымъ занятіемъ, говоритъ онъ, подразумѣваемъ нашествіе, по соединенное съ установленіемъ военной и правительственной власти оккупанта на мѣсто національной и мѣстной; это есть временное завладѣніе непріятелемъ извѣстной области, подпавшей подъ его власть и въ юридическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ, но безъ радикальнаго измѣненія существовавшихъ въ ней законовъ. На то возраженіе, что введеніе нѣмцами въ Эльзасѣ-Лотарингіи правильной администраціи было вызвано лишь ихъ намѣреніемъ удержать за собою эти области, Корси справедливо замѣчаетъ, что намѣренія воюющихъ, оказывая вліяніе на принимаемыя ими мѣры, не должны однако уничтожать сущности разсматриваемаго нами института. А послѣдняя во имя права требуетъ, чтобы воюющій поддерживалъ въ занятой имъ странѣ существующую администрацію во все продолженіе войны до заключенія мира. Это соотвѣтствуетъ столько же интересамъ мирнаго населенія занятой области, сколько же, и быть можетъ даже болѣе, военнымъ и политическимъ интересамъ самаго воюющаго. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что ученіе о занятіи знаменуетъ новый, важный шагъ впередъ въ исторіи международныхъ отношеній, являясь подтвержденіемъ принципа, что война ведется между государствами, а не частными лицами, и признанія за народами большаго права управляться по собственнымъ законамъ. Вслѣдствіе того, они мѣняютъ своихъ правителей не подъ давленіемъ военной силы, а на основаніи соглашеній состоявшихся между воюющими.

Во 2-й главѣ слѣдуетъ изслѣдованіе политико-юридическаго характера власти оккупанта по отношенію къ занятой имъ территоріи и правительству послѣдней. Вопросъ о политико-юридическомъ положеніи самой занятой области касательно обоихъ государствъ, отъ которыхъ она зависитъ во время занятія,—составляетъ предметъ третьей главы, которою и оканчивается *общая часть* этого сочиненія.

Юридическій характеръ занятія обусловливается его цѣлью. Воюющій занимаетъ часть непріятельской территоріи, не только ради военной выгоды, но и въ видахъ скорѣйшаго и лучшаго удовлетворенія своихъ требованій. Хотя бы онъ и не желалъ позднѣйшаго присоединенія занятой имъ области, но сохраненіе въ ней порядка, свободы и мира есть для него долгъ и высшая польза. Мы замѣчаемъ однако нѣкоторую неустойчивость въ опредѣленіи авторомъ существа власти оккупанта. Эта власть, говоритъ онъ, не вступаетъ на мѣсто національной власти и не есть ея продолженіе. Отъ собственнаго имени оккупантъ примѣняетъ правительственную власть (un potere di governo), но лишенную характера и объема верховенства (sovranità). Это—власть sui generis, не верховная и не вѣчная, а ограниченная по времени, цѣлямъ и способамъ дѣйствія. Занятая территорія по идеѣ (potenzialmente) остается подъ верховною властью своего прежняго правительства, но фактически эта власть парализуется, теряетъ возможность проявлять себя въ занятой непріятелемъ области. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, ни одному изъ обоихъ враждующихъ государствъ не принадлежитъ надъ нею верховенство: одно изъ нихъ не можетъ его проявить, другое не въ правѣ его себѣ присвоить.

Къ такому выводу неизбѣжно придти съ точки зрѣнія *государственнаго права.* Гораздо вѣрнѣе, намъ кажется, видѣть въ занятіи *новый, самостоятельный институтъ права международнаго* и сказать, что власть оккупанта, дѣйствительно, *не государственная, а международная,* которая пріостанавливаетъ верховенство національнаго правительства и устанавливливаетъ нѣкоторую связь между оккупантомъ и населеніемъ. Власть перваго не исключительно военная, но и, на извѣстное время, правительственная. Населеніе, не порывая связей съ своимъ правительствомъ, не выступаетъ однако противъ оккупанта съ враждебными *дѣйствіями,* чѣмъ отвѣчаетъ на его заботы о безопасности и благосостояніи края. Наша мысль о своеобразности власти оккупанта подтверждается разсужденіями Корси о томъ, что ее не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это дѣлаютъ Гефтеръ и Галлекъ, съ правительствомъ фактическимъ (de facto).

Какимъ основнымъ принципомъ опредѣляется положеніе жителей занятой области?

Роленъ-Жекменъ выставляетъ для этого два начала: военной необходимости, приведенной въ соотвѣтствіе съ принципомъ человѣколюбія. Оба они слишкомъ растяжимы и измѣнчивы, смотря по народамъ и обстоятельствамъ, и трудно вывести изъ нихъ цѣлый рядъ заключеній, требуемыхъ практическою стороною дѣла. Корси принимаетъ критерій, мимоходомъ указанный Галлекомъ: жители занятой области, говоритъ онъ, находятся въ условномъ положеніи (virtualmente) плѣнныхъ, взятыхъ на честное слово. Эта аналогія представляется ему ясною и вполнѣ удобопріемлемою. Жители занятой области связали себя, по отношенію къ оккупанту, не формально, но молчаливо честнымъ словомъ не оказывать ему противодѣйствія себѣ самимъ во вредъ. А воюющій, по отношенію къ нимъ, отказался отъ примѣненія права войны и предоставилъ имъ свободно заниматься ихъ мирнымъ трудомъ.

Нѣсколько далѣе авторъ прибѣгаетъ къ другой аналогіи: «жители занятой области отреклись отъ права противодѣйствія непріятелю въ надеждѣ остаться нейтральными. Ихъ обязанность повиноваться законамъ воюющаго обусловливается долгомъ послѣдняго уважать ихъ собственность и свободу, нравственную и гражданскую».

Послѣднее вполнѣ вѣрно, но едва ли нейтралитетъ и военный плѣнъ тождественныя понятія. Оба они не особенно хорошо подходятъ къ нашемъ институту: жители занятой области никогда не будутъ чувствовать и сознавать себя нейтральными. Относительно сравненія ихъ съ военноплѣнными можно замѣтить, что они не были побѣждены въ бою и большинство изъ нихъ, вѣроятно, и не бралось даже за оружіе. Наконецъ также не вполнѣ точно утверждать, что, по отношенію къ нимъ «воюющій отказался отъ примѣненія права войны». Онъ *не могъ* бы сдѣлать этого, даже если бы *захотѣлъ*.

Вотъ почему, повторяемъ, намъ кажется болѣе вѣрнымъ, воздерживаясь отъ аналогіи, видѣть въ занятіи *совершенно самостоятельный* институтъ международнаго права, который во всѣхъ своихъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ не успѣлъ еще пока выработаться.

Прекрасно говоритъ Корси о правѣ населенія занятаго края на возстаніе: въ случаѣ требованія отъ него оккупантомъ присяги и при нарушеніи имъ правъ населенія. Что касается до должностныхъ лицъ, то, хотя Либеръ и Блюнчли признаютъ за воюющимъ право приводить ихъ къ присягѣ, но Корси склоняется къ болѣе мягкому и мудрому мнѣнію Фильда, что и отъ нихъ не слѣдуетъ требовать присяги. Впрочемъ въ виду того, что воюющій едва ли согласится на это, онъ вмѣсто присяги рекомендуетъ требовать отъ должностныхъ лицъ формальное заявленіе о томъ, что они, по отношенію къ обоимъ правительствамъ, останутся въ предѣлахъ самаго строгаго нейтралитета.

Во второй, или *спеціальной части*, авторъ переходитъ къ изученію *отношеній* возникающихъ изъ занятія и разсматриваетъ ихъ по тремъ главнымъ областямъ государственной дѣятельности т.-е. въ сферѣ законодательства, суда и управленія.

Въ виду чисто временнаго и условнаго характера власти оккупанта, онъ, по общему правилу, не долженъ касаться политическаго строя (конституціи) и даже гражданскихъ правъ населенія занятаго имъ края. Многіе изъ этихъ законовъ, въ силу обстоятельствъ, иногда пріостанавливаются оккупантомъ, иногда видоизмѣняются, но всѣ эти дѣйствія имѣютъ лишь временную силу и значеніе. Но и власть національнаго правительства, на время оккупаціи, какъ бы находится въ состояніи покоя, будучи лишенною способности проявлять себя въ мѣстности занятой непріятелемъ. Жители послѣдней ограничиваются въ пользованіи многими политическими правами: они не могутъ посылать депутатовъ въ законодательныя собранія, пользоваться правомъ сходокъ и ассоціацій, а также свободой печати. Оккупантъ, говоритъ Корси, можетъ усилить отвѣтственность издателей, авторовъ, содержателей типографій, преслѣдуя извѣстные журналы, прокламаціи, брошюры, способные волновать умы мѣстнаго населенія. Онъ воленъ даже измѣнить по существу законы о печати. Послѣднее представляется намъ излишнею уступкою въ пользу оккупанта, стоящею въ добавокъ въ противорѣчіи съ основнымъ положеніемъ автора, что, во время оккупаціи, національное правительство не можетъ совершить въ занятой мѣстности ни одного законодательнаго акта; оккупантъ, съ своей стороны, не вправѣ отмѣнить конституцію и законы съ нею связанные, а можетъ лишь пріостанавливать или же ограничивать дѣйствіе послѣднихъ. Но законы о печати принадлежатъ къ области политическихъ. Свобода личная и религіозная жителей остаются неприкосновенными, пока они не выходятъ изъ состоянія молчаливаго повиновенія. Но значительно стѣсняется ихъ свобода передвиженія. Для того чтобъ они не отправлялись тайно въ ряды отечественнаго войска, для каждаго передвиженія требуется специальное разрѣшеніе отъ военной власти оккупанта. Въ случаѣ же перехода къ отечественному войску, лицъ, совершившихъ это, нечего наказывать, говоритъ Корси, какъ дѣлало германское правительство въ 1870 г., конфискаціею всего ихъ имущества настоящаго и будущаго. «Это противно всѣмъ правиламъ международнаго права, запрещающаго суровыя мѣры противъ военноплѣнныхъ, въ случаѣ нарушенія ими слова, и предписывающаго уваженіе нейтральныхъ, которые при подвозѣ контрабанды избѣгнутъ бдительности непріятеля».

Напротивъ, въ области финансовой и экономической политики, Корси признаетъ за оккупантомъ почти неограниченную свободу дѣйствія, если это требуется интересами его и населенія. Онъ можетъ уничтожить или измѣнить таможенную границу, установить принудительный курсъ своихъ бумажекъ, ввести новые тарифы и т. д. Хотя убытки, понесенные жителями отъ принудительнаго курса, должны быть имъ, по мысли автора, возмѣщены впослѣдствіи при уплатѣ военныхъ издержекъ, но такой произволъ воюющаго въ важныхъ экономическихъ вопросахъ намъ кажется опаснымъ и несовмѣстимымъ съ воззрѣніемъ автора на цѣль военнаго права. «Если, говоритъ онъ, международное право не въ силахъ уничтожить войну, оно должно по крайней мѣрѣ стремиться къ искорененію всякой излишней жестокости и къ наивозможно большему ограниченію военнаго произвола надъ лицами и имуществами». И, за очень немногими исключеніями, книга автора проникнута этимъ благороднымъ духомъ.

Далѣе онъ возстаетъ противъ приложенія къ населенію военно-уголовныхъ законовъ оккупанта. Въ цѣломъ послѣдніе не должны замѣнять мѣстные уголовные законы. Лишь вопросы относящіеся къ безопасности оккупанта, къ его положенію въ непріятельской странѣ естественно подлежатъ его вѣдѣнію. Онъ назначаетъ болѣе частое примѣненіе смертной казни и другихъ тяжкихъ наказаній, за преступленія направленныя противъ его войска и власти, какъ-то: убійство отдѣльныхъ солдатъ, порчу путей сообщеній или жизненныхъ припасовъ, возстаніе и т. п. Хотя уголовные законы по дѣйствію своему строго личны, но въ военное время Корси допускаетъ и коллективную отвѣтственность, напримѣръ домохозяевъ за жильцовъ, общинъ за своихъ членовъ. Этотъ отдѣлъ слѣдовало бы отнести къ слѣдующей главѣ о судебной власти.

Въ заключеніе Корси говоритъ, что оккупантъ, издавая законы и распоряженія, не связанъ сроками требуемыми закономъ для ихъ обнародованія (публикаціи) и что они не нуждаются въ утвержденіи со стороны высшаго, центральнаго правительства самаго оккупанта, ибо «военная его власть является въ запятой области какъ бы олицетвореніемъ всего государства». Намъ кажется и эта аналогія слишкомъ преувеличенною.

Не менѣе интересна глава о судебной власти. Прежде всего Корси встрѣчается съ возраженіемъ, которое логически вытекаетъ изъ его воззрѣнія на занятіе, исключительно основаннаго на государственной точкѣ зрѣнія. Повидимому, замѣчаетъ онъ, оба государства не могутъ jus dicere, потому, что одно лишено исполнительной власти, другое не обладаетъ верховенствомъ. Это—въ основаніи парализуетъ дѣятельность судовъ. Ибо, если бы допустить таковую, мы пришли бы къ той странности, что оккупантъ приводилъ бы въ исполненіе законы во имя правительства имъ побѣжденнаго, а послѣднее предписывало бы повиновеніе законамъ своего противника, стремящагося лишь къ тому, чтобы его обезсилить и принудить къ миру.

Изъ этой дилеммы авторъ старается выдти указаніемъ, что. при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствія судебной власти не ограничиваются территоріальнымъ началомъ (капитуляціи на Востокѣ, исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ). Эти исключенія не устраняютъ однако принципіальнаго противорѣчія, которое исчезаетъ легко, если стать на *международную* точку зрѣнія. Суды продолжаютъ свою дѣятельность во время занятія не столько *по волѣ управляющаго ими государства*, сколько *во имя международнаго права, связывающаго и воюющія государства опредѣленными нормами права*. Поэтому и рѣшенія свои они должны постановлять не отъ имени того или другаго правительства, а *во имя закона*. Этимъ лучше всего устраняются пререканія объ исполнительной формулѣ, такъ сильно волновавшія нѣмцевъ и французовъ въ 1870—71 г. Нашъ авторъ, кромѣ этой формулы, признаетъ еще законною и формулу: «отъ имени національнаго правительства». Но этому будетъ часто противиться оккупантъ.

Во всякомъ случаѣ Корси совершенно правъ, когда строго осуждаетъ французскіе суды за прекращеніе ихъ дѣятельности во время войны 1870—71 г. Не только выгода оккупанта, но и самыя священныя права населенія требуютъ, чтобы судьи, какъ сановники *неполитическіе,* во время занятія не покидали своего поста, доколѣ у нихъ не отнята возможность безпрепятственно служить закону. «Органъ независимый отъ администраціи—судъ никогда не долженъ потворствовать личнымъ чувствамъ своихъ членовъ или инстинктамъ массъ. Нѣтъ основанія, чтобы смѣна правительствъ отражалась на его внутренней автономіи». Прекрасныя мысли, къ сожалѣнію отвергаемыя многими въ наше время.

Изъ принципа независимости судебной власти естественно слѣдуетъ неприкосновенность канцелярій и архивовъ при судахъ. Авторъ осуждаетъ также преобразованіе воюющимъ нотаріальной части, ипотечной системы, гдѣ таковая введена, и высказывается за неотмѣняемость суда присяжныхъ. Если бы вердикты послѣднихъ сдѣлались слишкомъ мягки, въ прямой ущербъ воюющему, послѣднему слѣдуетъ, не уничтожая присяжныхъ, либо не приводить въ исполненіе ихъ оправдательные приговоры, либо опасныхъ для него лицъ держать подъ арестомъ или полицейскимъ надзоромъ, но не присуждать ихъ собственною властью къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ.

Наибольшею свободою пользуется оккупантъ въ области управленія, сообразно съ природою послѣдняго. «Будучи обязанъ уважать существующіе законы и не имѣя права мѣнять способы ихъ толкованія, онъ можетъ однако видоизмѣнять пріемы ихъ примѣненія и отыскивать лучшія для нихъ гарантіи или облегчать ихъ приложеніе. Онъ долженъ всячески стараться, чтобы охранять установленный въ странѣ порядокъ и удержать себя самого въ своемъ, хотя необычномъ, но все-таки законномъ положеніи». Кромѣ существующихъ законовъ его правительственная дѣятельность сдерживается и направляется еще какъ его собственными законами, такъ и принципами международнаго права. Эту дѣятельность оккупанта Корси изучаетъ весьма послѣдовательно по тремъ главнымъ сферамъ ея проявленія: относительно умственной и нравственной жизни населенія, его жизни политической и наконецъ экономической.

Въ видахъ такъ сказать научной симметріи онъ предполагаетъ разсмотрѣть въ двухъ позднѣйшихъ монографіяхъ вопросы. «О послѣдствіяхъ военнаго занятія въ области гражданскаго международнаго права» и «О присоединеніи занятой территоріи и о правѣ постлиминіума» [1]).

Хотя въ военное время многіе предметы управленія, сравнительно съ мирнымъ положеніемъ, получаютъ исключительное значеніе и наоборотъ, Корси рекомендуетъ воюющему позаботиться о незакрытіи школъ и учебныхъ заведеній, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ въ занятой имъ странѣ. Быть можетъ молодежь высшихъ училищъ поступитъ, говоритъ онъ, при этихъ обстоятельствахъ въ ряды войска, но ничто такъ не внушаетъ населенію довѣріе къ правительству и ничто не придаетъ странѣ такой видъ порядка и мира, какъ правильное дѣйствіе этихъ учрежденій. Если школьныя власти назначались центральнымъ правительствомъ непріятеля, оккупантъ можетъ предоставить это назначеніе либо національной администраціи на мѣстѣ, либо особому, имъ для сего учрежденному органу. Въ случаѣ враждебнаго для него направленія преподаванія, оккупантъ удаляетъ виновныхъ или даже закрываетъ учебное заведеніе, но онъ не имѣетъ инаго способа наказанія тѣхъ, «которые не умѣютъ совладать съ своимъ естественнымъ и патріотическимъ чувствомъ». Средства и фонды этихъ учрежденій должны оставаться для него неприкосновенными, равно какъ и пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей, больныхъ и престарѣлыхъ. «Среди разрушеній, причиняемыхъ войной, забота о прокормленіи и воспитаніи неимущихъ составляетъ для воюющаго долгъ любви» (un dovere di pietà). Даже если бы онъ стремился къ присоединенію занятой имъ области, онъ не долженъ бы позволять себѣ никакой радикальной реформы учебнаго дѣла.

---

[1]) Авторъ говоритъ; что онъ уже приготовилъ для нихъ матеріалъ и планъ и надѣется издать ихъ въ ближайшемъ будущемъ—что было бы весьма желательно.

Авторъ справедливо осуждаетъ поспѣшное введеніе Нѣмцами въ Эльзасѣ нѣмецкихъ школьныхъ порядковъ въ 1870—71 г.

Понятно, что такою же свободою какъ школа пользуется и область религіозной жизни. Лишь такія сферы умственной и нравственной жизни народа, которыя не представляютъ существенной необходимости для его общественнаго развитія, могутъ быть регулируемы и даже стѣсняемы воюющимъ (закрытіе театровъ и иныхъ мѣстъ для публичныхъ зрѣлищъ и сходокъ).

Переходя къ политической жизни населенія, авторъ требуетъ, чтобы воюющій всѣми зависящими отъ него и возможно строгими мѣрами заботился объ общественномъ здравіи, ибо заразительныя болѣзни—неразлучные спутники войскъ. Оккупантъ, завладѣвая средствами сообщенія (почтовыми, телеграфными сношеніями, желѣзными дорогами), воленъ назначать либо своихъ должностныхъ лицъ къ этимъ отраслямъ управленія, либо требовать отъ мѣстныхъ властей, чтобы онѣ продолжали свою службу, угрожая имъ въ противномъ случаѣ смѣщеніемъ, пенями и даже, хотя въ очень ограниченномъ размѣрѣ, тѣлеснымъ наказаніемъ (?). Вообще о всѣхъ служащихъ по мѣстной администраціи и не облеченныхъ политическаго властію Корси говоритъ, что они обязаны, и во время занятія, продолжать свою службу. Оккупантъ въ правѣ принуждать ихъ къ тому всѣми наиболѣе строгими, по мѣстнымъ законамъ, карами или же увольнять ихъ въ случаѣ ихъ враждебнаго воздѣйствія на населеніе. Лица же занимающія политическія должности подлежатъ увольненію оккупантомъ по его усмотрѣнію. Намъ кажется болѣе вѣрнымъ что они и сами пользуются правомъ удаленія, которое впрочемъ должно быть признано за всѣми должностными лицами (служащими отъ правительства или по выборамъ мѣстнаго населенія), хотя лица облеченныя чисто мѣстною должностью большею частью найдутъ себя нравственно вынужденными (предъ своими согражданами) остаться на своихъ мѣстахъ.

Послѣднюю главу своего сочиненія Корси посвящаетъ экономической жизни занятой мѣстности. Главнымъ положеніемъ здѣсь должно быть признано то, что оккупантъ становится не наслѣдникомъ, а узуфруктуаріемъ всѣхъ имущественныхъ правъ побѣжденнаго государства. Послѣднее сохраняетъ за собою nuda proprietas и jus ad rem, но пользованіе и владѣніе, jus in re, переходитъ на оккупанта. Далѣе авторъ различаетъ права реальныя и права по обязательствамъ. Воюющей пользуется въ занятой имъ мѣстности домами непріятельскаго государства всѣми дозволенными способами, подъ условіемъ не измѣнять ихъ назначенія и не истреблять ихъ существа. Онъ беретъ въ свои руки управленіе казенными лѣсами, рудниками, заводами и присвоиваетъ себѣ поступающіе съ нихъ природою или деньгами доходы. Національное правительство сохраняетъ, по отношенію къ этимъ имуществамъ, право отчужденія, но вступаютъ въ полную силу эти его дѣйствія лишь по прекращеніи занятія и кромѣ того они могутъ быть кассированы оккупантомъ, если они совершены недобросовѣстно, съ явнымъ, злымъ противъ него умысломъ (отчужденіе напр. имущества служащаго военнымъ потребностямъ, казармъ, складочныхъ для оружія или провіанта мѣстъ и т. п.). Касательно правъ по обязательствамъ (diritti incorporali) Корси ставитъ на видъ, что оккупантъ въ правѣ воспрепятствовать всякой уплатѣ, будь то натурою или деньгами, со стороны жителей занятой имъ области ихъ правительству, ибо цѣль занятія въ лишеніи послѣдняго всѣхъ подкрѣпленій и источниковъ доходовъ изъ этой области. Оккупантъ самъ взимаетъ въ послѣдней налоги и пошлины, причемъ непріятель, по заключеніи мира, не можетъ потребовать ихъ съ мѣстныхъ жителей вторично. Но онъ не вступаетъ въ его личныя обязательства и долговыя отношенія. Неприкосновенными также должны оставаться для оккупанта мѣстные банки (хотя бы отдѣленія непріятельскаго государственнаго банка), различныя сберегательныя кассы, капиталы пріютовъ и благотворительныхъ учрежденій. Управленіе ими и контроль переходятъ въ его руки, но онъ не въ правѣ ни пользоваться доходами ихъ, ни тѣмъ менѣе брать себѣ ихъ капиталы. Если бы онъ, въ случаѣ нужды, занялъ у нихъ извѣстныя суммы, онъ обязанъ возвратить все сполна при заключеніи мира.

Едва ли можно согласиться съ авторомъ на счетъ его воззрѣній на контрибуціи и реквизиціи. Онъ не установляетъ никакого между ними различія, но законность тѣхъ и другихъ съ точки зрѣнія экономической и юридической выводитъ, слѣдуя съ легкими измѣненіями мнѣнію Видари, изъ обязанности оккупанта поддержавать въ странѣ порядокъ и управленіе. Взамѣнъ этого, онъ получитъ право взимать съ ея жителей налоги обыкновенные и чрезвычайные, а если таковые для содержанія его войска окажутся недостаточными, онъ можетъ, подобно тому какъ и національное правительство владѣло этимъ правомъ, прибѣгнуть къ контрибуціямъ и реквизиціямъ. Часто замѣна всѣхъ существующихъ въ страны государственныхъ сборовъ какимъ либо единственнымъ налогомъ будетъ для него правиломъ мудраго управленія.

Но кто же не видитъ, что между расходами на администрацію, хотя и обширнаго края, и издержками вызываемыми современными войнами нѣтъ ни малѣйшаго соотвѣтствія? Это—съ экономической стороны. Съ точки же зрѣнія права, какъ можно ставить на одну доску обязанность населенія предъ отечественнымъ войскомъ съ обязанностью предъ оккупантомъ? Прямое содѣйствіе его войскамъ развѣ не будетъ для населенія участіемъ въ военныхъ операціяхъ, противъ чего возстаетъ справедливо и самъ авторъ Намъ кажется поэтому, что реквизиціи, т.-е. доставка непріятелю натурою помѣщенія, провіанта и фуража, перевозочныхъ средствъ для населенія, въ случаѣ необходимости дозволено за опредѣленное вознагражденіе, но собственно контрибуціи, или денежныя уплаты, должны быть отвергнуты. Онѣ допустимы только или въ качествѣ эквивалентовъ за реквизиціи или какъ пени за преступныя противъ воюющаго дѣйствія.

При раскладкѣ и взиманіи этихъ сборовъ мѣстныя власти болѣе всего обязаны, повинуясь оккупанту, оберегать тщательно интересы своихъ согражданъ.

Не можемъ не кончить нашъ разборъ прекрасной книги Корси нѣкоторыми заключительными изъ нея мыслями:

«Вся исторія права, и спеціально римскаго гражданскаго права, служитъ свидѣтельствомъ непрерывной побѣды, которую одерживалъ разумъ надъ силою, авторитетъ общаго закона надъ произволомъ личности. То что составляло физіологическое явленіе первобытныхъ временъ: in armis jus ferre, стало мало по малу явленіемъ паталогическимъ общества. Если право возникло первоначально изъ матеріальной силы, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи оно превратилось въ силу духовную, дѣйствующую во имя и для общаго блага. Въ противоположность древнимъ эпохамъ, времена болѣе цивилизованныя своимъ девизомъ избираютъ: jus vim potentis repellens. Таковъ и девизъ международнаго права».

Между тѣмъ какъ вопросъ о *положеніи имуществъ*, во время войны, такъ хорошо разработанный въ монографіяхъ Блюнчли и Руаръ-де-Кара, за эти послѣдніе годы не вызвалъ новыхъ изслѣдованій, напротивъ, *положеніе лицъ* составило предметъ нѣсколькихъ сочиненій Геля, Муанье (собственно посвященнаго Женевской конвенціи) и другихъ.

Guelle. La guerre continentale et les personnes. 1881.

Не будучи ученымъ сочиненіемъ въ строгомъ смыслѣ, книга Геля, какъ и выше разобранный нами комментарій Брюссельской деклараціи Лентера, заслуживаетъ вниманія въ качествѣ руководства преимущественно предназначеннаго для арміи, такъ какъ авторъ, будучи самъ докторомъ правъ и состоя на военной службѣ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ наше время слѣдуетъ заботиться не столько о *провозглашеніи началъ военнаго права*, сколько о *проведеніи ихъ въ народныя массы и особенно о воспитаніи сообразно съ ними солдатъ.* Въ виду этой цѣли книга Геля написана толково и ясно, не обременена множествомъ ссылокъ, хотя авторъ очевидно знакомъ съ литературою международнаго права. Чаще всего онъ ссылается на Кальво, Фіоре и Блюнчли, котораго, неизвѣстно почему, называетъ въ одномъ мѣстѣ «прусскимъ юрисконсультомъ». Само собою разумѣется, что война 1870—71 г. служитъ, такъ сказать, канвою для его теоретическихъ разсужденій и въ цѣломъ онъ относится къ ней довольно безпристрастно.

Послѣ общихъ философскихъ замѣчаній о законности и значеніи войны, авторъ изучаетъ свой предметъ въ четырехъ фазисахъ (титулахъ): начало войны, враждебныя дѣйствія, ихъ временное пріостановленіе и прекращеніе. Въ приложеніи онъ затрогиваетъ вопросъ о нейтральныхъ.

Начиная свою книгу съ возраженія тѣмъ, которые по старой пословицѣ: «Inter arma silent leges», отрицаютъ возможность существованія для войны юридическихъ нормъ, авторъ останавливается и на слѣдующемъ, особенно военными излюбленномъ доводѣ: въ интересахъ человѣколюбія будто надо желать, чтобы войны были безпощадны, а не смягчались нормами права. Чѣмъ болѣе онѣ будутъ ужасными, тѣмъ болѣе будутъ кратковременными и даже рѣдкими. «Мы не раздѣляемъ, говоритъ авторъ, этого воззрѣнія. Искать блага для народовъ въ пріумноженіи ихъ бѣдствій и пользоваться ужасами войны для возстановленія мира, это весьма опасные пріемы претящіе человѣчеству и обыкновенно ведущіе къ цѣли ровно противоположной. Кровь взываетъ къ крови и жестокости ведутъ къ репрессаліямъ. Память о потерпѣнныхъ страданіяхъ поддерживаетъ въ народахъ жажду мести. Если этимъ думаютъ скорѣе придти къ миру, то вмѣсто того сѣютъ новые зародыши войны». Допуская, при извѣстныхъ обстоятельствахъ законность войны, авторъ видитъ въ ней, въ результатѣ «бичь, который, хотя иногда и приноситъ нѣкоторую пользу и вслѣдствіе этого можетъ быть нѣсколько извиняемъ, но никогда не оправдываемъ вполнѣ и еще менѣе восхваляемъ». Гель энергично осуждаетъ теорію Де-Местра, видѣвшаго въ ней проявленіе кары Божіей. Это ученіе противорѣчитъ не только духу Евангелія, но и самому понятію о Божественной правдѣ въ планы́ коей не можетъ входить караніе невинныхъ за виновныхъ, что почти всегда совершается на войнѣ.

Вѣря въ прогрессъ и въ постоянно усиливающееся уваженіе къ человѣческой личности, авторъ допускаетъ въ будущемъ отмѣну войны подъ двоякимъ условіемъ: чтобы государства согласились въ своихъ спорахъ обращаться, до употребленія силы, къ третейскому суду и чтобы они признали войну законною лишь въ случаяхъ необходимой обороны.

Нельзя одобрить его классификацію войнъ на частныя, публичныя и междуусобныя, тѣмъ болѣе, что первыя по его же признанію, перестали существовать. Для международнаго права важна именно классификація войнъ публичныхъ. Еще рѣшительнѣе должно быть отвергнуто его положеніе будто къ междуусобнымъ войнамъ (которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ простыми мятежами) приложимы не начала международнаго права, а внутренніе законы даннаго государства. Исключенія изъ этого онъ допускаетъ по соображеніямъ человѣколюбія. Но въ интересахъ всѣхъ враждующихъ надо требовать приложенія и къ междуусобнымъ войнамъ тѣхъ же началъ, какъ и къ войнамъ между государствами.

Считая объявленіе войны необходимымъ, хотя государства вольны избирать для этого любую форму, Гель склоняется въ пользу даже того, чтобы между ея объявленіемъ и открытіемъ враждебныхъ дѣйствій былъ допущенъ извѣстный срокъ. Государство, подвергнувшееся нападенію, только выиграетъ въ общественномъ мнѣніи, если подчинится формальности объявленія. Но, по нашему мнѣнію, авторъ заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, что съ момента начала войны между воюющими должны прекратиться всякія сношенія, не только политическія, но и даже между ихъ подаными: торговыя, почтовыя и т. д. По отношенію къ подданнымъ непріятеля онъ признаетъ за воюющимъ и право *удерживать* тѣхъ изъ нихъ, которыхъ ихъ отечество потребуетъ для военной службы и право *изгонять ихъ массами*, если они угражаютъ его безопасности (на этомъ основаніи онъ оправдываетъ изгнаніе Французами Нѣмцевъ изъ Парижа въ 1870 г.).

Строго говоря, воюющему не принадлежитъ ни то, ни другое право. Во всякомъ случаѣ подчиняя непріятельскихъ подданныхъ болѣе строгому надзору, онъ можетъ изгонять ихъ не массами, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые въ чемъ либо провинятся.

Переходя къ враждебнымъ дѣйствіямъ, авторъ прежде всего справедливо замѣчаетъ, что въ наше время не мыслимо ограничивать веденіе войны одпѣми регулярными арміями, ибо войны становятстся болѣе и болѣе національными и обращеніе къ народной оборонѣ особенно необходимо для второклассныхъ государствъ, не могущихъ выставить большихъ армій. Съ тѣмъ вмѣстѣ однако необходима организація и дисциплина комбатантовъ. «Лишь подъ этимъ условіемъ борьба утрачиваетъ варварскій характеръ и поддается смягчающему воздѣйствію на нее цивилизаціи. Чѣмъ болѣе народное ополченіе (какъ бы оно ни называлось: добровольцами, вольными стрѣлками, ландштурмомъ и т. п.) будетъ хорошо организовано и дисциплинировано, тѣмъ невозможнѣе будетъ для непріятеля сознательно или безсознательно смѣшивать членовъ его съ отдѣльными авантюристами, грабителями и убійцами, которые, въ качествѣ разбойниковъ, подлежатъ лишь военному суду и наказанію». Гель находитъ нужнымъ подчинить комбатантовъ, тѣмъ условіямъ, которыя выставляютъ для нихъ Брюссельская декларація и законы войны Института, но онъ формулируетъ ихъ болѣе строго и для воюющихъ болѣе стѣснительнымъ образомъ. Онъ требуетъ, чтобы ополченіе (troupes auxiliaires) получило признаніе и разрѣшеніе отъ своего правительства, было организовано въ военномъ отношеніи и подчинено по крайней мѣрѣ начальствующему войскамъ.

Но населеніе, какъ извѣстно, можетъ принять участіе въ войнѣ не только ставя ополченіе, но и поголовно возставая на непріятеля. Имѣетъ ли оно, въ послѣднемъ случаѣ, право воюющаго? Авторъ приводитъ воззваніе къ народной войнѣ Пруссіи въ 1813 г. и Франціи въ 1870 г. и говоритъ, что населеніе, поголовно возстающее на непріятеля, не можетъ быть поставлено на одну ногу съ ополченіемъ, но должно пользоваться правами воюющей стороны. Въ случаѣ пораженія оно имѣетъ право на военный плѣнъ. Это положеніе не оспаривается по отношенію къ населенію возставшему въ странѣ *не занятой* непріятелемъ, но авторъ повидимому склоненъ распространить его на населеніе *и области занятой*.

Намъ кажется, въ данномъ случаѣ необходимо установить нѣкоторыя различія и признать *возстаніе въ занятой непріятелемъ мѣстности законнымъ*: во 1-хъ, если занятіе существуетъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности по аналогіи съ фиктивной блокадой; во 2-хъ, въ случаѣ неуваженія оккупантомъ подданической связи мѣстнаго населенія съ ихъ отечествомъ и требованія отъ него дѣйствій враждебныхъ послѣднему и въ 3-хъ, если самъ воюющій занявшій страну, не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ населенію: не заботится о безопасности въ краѣ, угнетаетъ жителей поборами и т. п. Въ остальныхъ случаяхъ возстаніе должно быть признано, съ точки зрѣнія международнаго права, преступленіемъ [1]).

Перечисляя средства недозволенныя на войнѣ, Гель присоединяется къ мысли Морена и тѣхъ, которые желали бы, чтобы новая конференція продолжила дѣло Петербургской 1868 г. и осудила бы нѣкоторыя изъ новѣйшихъ средствъ вредить непріятелю, какъ-то: употребленіе разрывныхъ снарядовъ и свыше 400 граммъ, митральёзъ въ цѣломъ или отчасти, зажигательныхъ ракетъ и т. п. Съ своей стороны Гель полагаетъ, что слѣдовало бы воспретить употребленіе петролея, какъ средства разрушительнаго на войнѣ: Въ наши дни, добавляетъ онъ, многіе изъ военныхъ пріемовъ прежнихъ эпохъ вызвали бы только осужденіе, напр. наводненіе Голландіи, опустошеніе огнемъ Палатината. Отчего же не воспретить войскамъ сожиганіе жилищъ непріятеля посредствомъ петролея? Къ сожалѣнію правило, за которое выступаетъ тутъ авторъ, вовсе не лишне послѣ неистовствъ коммуны въ Парижѣ, въ 1871 г.

---

[1]) Противоположное мнѣніе г. *Эйхельмана* (Военное занятіе непріятельской страны 1880) едва ли можетъ быть принято.

Въ главѣ объ осадахъ и бомбардированіяхъ авторъ съ понятною горечью говоритъ объ участи Страсбурга и Парижа въ франко-германской войнѣ. Вопреки прямому заявленію американской инструкціи и молчанію Брюссельской декларации, Гель полагаетъ, что осаждающій поступитъ хорошо, если дозволитъ женщинамъ, дѣтямъ, старикамъ и больнымъ покинуть обложенный имъ городъ, хотя бы это было сопряжено для него съ «нѣкоторыми неудобствами». Та же логика требуетъ, чтобы осаждающій допустилъ, подъ своимъ контролемъ, сношенія дипломатическихъ агентовъ съ ихъ правительствами, если они находятся въ осаждаемомъ городѣ. Но Гель склоняется къ полному воспрещенію такихъ сношеній, указывая на осаду Парижа въ 1870 г. и на заявленіе сдѣланное тогда Бисмаркомъ. Однако Бисмаркъ допустилъ, изъ политическихъ соображеній, исключеніе въ пользу представителя С. Штатовъ. Но это исключеніе справедливѣе возвести въ правило.

Нельзя не отмѣтить дѣльную критику Геля относительно мнѣнія Блюнчли о воздухоплавателяхъ. Послѣдній полагалъ, что воюющій въ правѣ считать себя обладателемъ воздушнаго пространства на разстояніе пушечнаго выстрѣла отъ земли и, въ этихъ предѣлахъ, не дозволять непріятелю никакихъ сообщеній *по воздуху*. Это мнѣніе не представляется автору серьезнымъ. «Гораздо проще, говоритъ онъ, уподоблять воздухоплавателей посланнымъ (messagers) старающимся проникнуть за непріятельскія линіи и подвергать ихъ военному плѣну. Можно бы еще сравнить лица находящіяся въ воздушномъ шарѣ съ экипажемъ корабля нарушающаго блокаду. За попытку такого рода не полагается наказанія, но почему же считать преступнымъ въ воздушномъ пространствѣ дѣяніе, не караемое на водѣ?»

Изложивъ постановленія Женевской конвенціи, Гель находитъ, что на основаніи опыта, добытаго изъ послѣднихъ войнъ, существуютъ три причины недовольства этою конвенціею: во 1-хъ, недостаточное знакомство войскъ съ ея началами (при чемъ соглашается въ справедливости этого упрека, сдѣланнаго Французамъ Нѣмцами въ 1870 г.); во 2-хъ, отсутствіе санкціи въ случаяхъ ея нарушенія. Авторъ присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, которые желаютъ, чтобы государства положили въ своихъ военно-уголовныхъ кодексахъ строгія кары за эти нарушенія. Въ 3-хъ, недостаточное устройство частныхъ обществъ вспомоществованія и слабый надъ ними контроль, вслѣдствіе чего дѣятельность ихъ бываетъ не всегда полезна, а иногда даже прямо вредна. Онъ требуетъ строгаго подчиненія этихъ обществъ военной власти и образцемъ для сего выставляетъ французскій регламентъ 1878 г. Къ перечисленнымъ причинамъ необходимо добавить еще двѣ: измѣненія, по указаніямъ опыта, въ *текстѣ* самой конвенціи и установленіе *международной юрисдикціи* для ея охраны.

Положеніе военно-плѣнныхъ изучается авторомъ кратко съ исторической и съ теоретической стороны. Напомнивъ, что размѣнъ ихъ почти не практиковался въ 1870 г., онъ спеціальнѣе останавливается на освобожденіи ихъ по честному слову. Въ 1870 г. эта форма прилагалась двояко: либо плѣннымъ, по ихъ слову, давалась свобода только въ мѣстѣ ихъ водворенія, либо имъ дозволялось возвращеніе во Францію подъ условіемъ не принимать болѣе участія въ войнѣ. Авторъ жалуется, что Нѣмцы не довольно серьезно относились къ этимъ договорамъ объ освобожденіи, но напрасно онъ слегка касается вопроса о нарушеніи честнаго слова его соотечественниками. Очевидно, оба воюющіе не дозрѣли еще тогда до этой наиболѣе гуманной формы освобожденія плѣнныхъ. Отсюда и пессимистическій выводъ автора, что опытъ послѣдней войны былъ для нея весьма неблагопріятенъ, ибо она отличается однимъ значительнымъ неудобствомъ, отдѣляя въ большинствѣ случаевъ участь офицеровъ отъ солдатъ. Но самъ же онъ выше оговариваатся, что принятіе этого договора объ освобожденіи — дѣло *вполнѣ добровольное* для всѣхъ сторонъ. Лица, освобожденныя такимъ способомъ, по его мнѣнію, обязаны не участвовать въ войнѣ противъ правительства, которому они дали честное слово, а равно противъ его союзниковъ, но имъ не воспрещается внутренняя военная служба: обученіе рекрутовъ, работы по укрѣпленію мѣстъ не осаждаемыхъ, содѣйствіе поддержанію внутренняго порядка, исполненіе дипломатическихъ порученій, даже активное участіе въ военной службѣ противъ врага, но не союзника освободившаго ихъ правительства.—Освобождаться на честное слово могутъ всѣ плѣнные безъ различія чина и званія. Договоръ объ этомъ имѣетъ не частно—правовой, но публичный характеръ, обязывая правительство тѣхъ лицъ, которыя его подписали. Поэтому, хотя бы государство по своимъ законамъ не дозволяло этихъ обязательствъ, оно можетъ наказывать виновныхъ въ принятіи ихъ, но не въ правѣ требовать отъ нихъ нарушенія разъ даннаго ими честнаго слова.

Отдѣлъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ оканчивается главою о военномъ занятіи. Нельзя назвать вѣрнымъ опредѣленіе этого понятія у автора. «Занятіе есть фактическое положеніе чисто временное, которое даетъ воюющему власть совершать дѣйствія полезныя цѣлямъ войны». А нѣсколько далѣе: «это есть *только фактъ*, но на столь важный, что ведетъ и къ извѣстнымъ юридическимъ послѣдствіямъ». Авторъ не уяснилъ себѣ *юридическаго* значенія и *международнаго* характера занятія. Поэтому онъ, высказываясь за то, чтобы суды въ занятой мѣстности продолжали свою дѣятельность, требуетъ, чтобы они постановляли свои приговоры во имя національнаго правительства. Формула — «во имя закона» представляется ему неудобопріемлемою, ибо, какъ замѣтилъ одинъ французскій публицистъ, Гераръ, приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія призвана не законодательная, а исполнительная власть и поэтому только отъ имени послѣдней (т.-е. правительства) должны говорить суды.

Мы находимъ этотъ аргументъ несостоятельнымъ: въ современномъ государствѣ надъ правительствомъ и судомъ возвышается законъ и судъ является его исключительнымъ органомъ [1]).

Рядомъ съ обыкновенными, національными судами во время занятія, авторъ считаетъ необходимыми и учрежденіе оккупантомъ судовъ военныхъ, долженствующихъ вѣдать всѣ преступленія и проступки, кѣмъ бы они ни были совершены, даже иностранцами противъ безопасности и дисциплины войска. Полнаго одобренія заслуживаетъ мысль автора о томъ, чтобы эти суды, въ свою очередь, относительно производства дѣлъ, были строго подчинены законамъ и чтобы лица къ нимъ привлеченныя пользовались всѣ равными способами защиты.

Переходя къ неприкосновенности всего собственно мирнаго населенія, Гель осуждаетъ не только привлеченіе его къ активному участію въ войнѣ, но даже и къ пассивному, т.-е. принужденіе его къ отправленію службы путеводителей и т. п. Мы знаемъ, говоритъ онъ, что по существующимъ обычаямъ это позволяется и воюющіе къ этому прибѣгаютъ, но мы надѣемся, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ цивилизаціи, если не исчезнутъ, то по крайней мѣрѣ, хотя въ европейскихъ войнахъ, станутъ болѣе рѣдкими, эти варварскіе пріемы. Всеобщая воинская повинность снабжаетъ въ наше время государства такимъ количествомъ рукъ, что имъ нечего прибѣгать къ содѣйствію непріятельскаго населенія, а войско хорошо знакомое съ географіею и статистикою обойдется и безъ иностранныхъ путеводителей. Не менѣе осуждаетъ онъ, если воюющій требуетъ, чтобы непріятельскіе граждане сопровождали его поѣзда, транспорты въ виду охраны ихъ отъ нападеній со стороны мѣстнаго населенія, какъ дѣлали это нѣмцы въ войну 1870—71 г.

Кромѣ картелей о размѣнѣ плѣнныхъ, конвенціи между воюющими могутъ касаться, по словамъ Геля, четырехъ различныхъ предметовъ: охранныхъ грамотъ, парламентеровъ, пріостановки враждебныхъ дѣйствій и перемирій и наконецъ капитуляцій. Разсмотрѣнію этихъ отдѣльныхъ категорій онъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о согласіи сторонъ, ихъ правоспособности и о дозволенности предмета обязательствъ.

---

[1]) Въ германскомъ Уст. Судоустр. 1877 г. читаемъ: Die richterliche Gewalt wird durch unabhängige, *nur dem Gesetze* unterworfene Gerichte ausgeübt. (Ст. 1).

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить странное и невѣрное мнѣніе автора будто причины недѣйствительности соглашенія, признанныя въ гражданскомъ правѣ (обманъ, заблужденіе, насиліе), вовсе не прилагаются къ военнымъ конвенціямъ, гдѣ каждый долженъ винить только себя самого въ случаѣ ошибки, опрометчивости или дозволенія врагу его перехитрить.

Говоря о послѣдствіяхъ перемирія, авторъ ставитъ на видъ различія существующія въ толкованіи этихъ послѣдствій между практикою и теоріею (Фіоре, Блюнчли, Кальво). Послѣдняя толкуетъ перемирія всегда въ строго-ограничительномъ смыслѣ. Весьма споренъ вопросъ о томъ, можетъ ли осаждаемый, во время перемирія, просить своего врага о дозволеніи снабдить себя продовольствіемъ? Функъ-Брентано и Сорель прямо заявляютъ, что осаждающій не обязанъ соглашаться на это. Но въ виду, при этомъ условіи, лишенія перемирія всякаго смысла для осажденнаго, Гель склоняется къ мнѣнію Кальво, примиряющее требованія человѣколюбія съ интерессами воюющаго и состоящее въ томъ что осажденному дозволяется снабдить себя продоволествіемъ не безъусловно, а лишь въ извѣстной пропорціи, расчитанной по день истеченія срока перемирія. Такое условіе было поставлено въ Тревизскомъ перемиріи при осадѣ Мантуи Французами въ 1801 г. Но Бисмаркъ отказалъ въ немъ Парижу въ 1870 г.

Присоединяемся также къ мысли автора о томъ, что вопреки Блюнчли, при нарушеніи перемирія одною стороною, другая не въ правѣ приступать къ враждебнымъ дѣйствіямъ немедленно, безъ извѣщенія о томъ противника. Кромѣ случая прямаго отраженія нападенія, Гель полагаетъ, что воюющій не только долженъ извѣщать непріятеля о прекращеніи перемирія, но и давать ему извѣстный срокъ до открытія новыхъ враждебныхъ дѣйствій.

Весьма интересна глава о капитуляціяхъ, въ которой резюмируются начала различныхъ договоровъ этого рода, заключенныхъ въ продолженіи войны 1870—71 г.

Авторъ сообщаетъ невѣроятный отрывокъ изъ одного оффиціальнаго извѣщенія къ арміи запертой въ Мецѣ въ видахъ побужденія ея къ сдачѣ. При самой же сдачѣ, для того чтобы солдаты съ отчаянія не поломали оружіе, среди ихъ стали распространять слухъ, что, при заключеніи мира, все это оружіе будетъ возвращено Франціи. Лишь сдачи Фальсбурга и Бельфора представляютъ почетные примѣры въ исторіи капитуляцій. Въ случаѣ безъусловной сдачи осажденнаго мѣста, авторъ справедливо напоминаетъ, что побѣдителю не припадлежитъ уже болѣе въ наши дни jus vitae ac necis надъ гарнизономъ. Послѣдній обращается въ плѣнъ и оказанная имъ доблесть заслуживаетъ не мщенія, а почетнаго признанія.

Гель осуждаетъ все болѣе укореняющуюся практику взимать съ побѣжденнаго, при заключеніи мира, громадныя военныя контрибуціи. Ихъ можно было бы оправдать еще юридически, если бы онѣ ограничивались вознагражденіемъ побѣдителю прямыхъ и непосредственныхъ убытковъ, нанесенныхъ ему войною. Но обыкновенно идутъ гораздо далѣе этого и требуютъ вознагражденія даже убытковъ косвенныхъ, причиненныхъ войною либо имуществу цѣлаго государства, либо состоянію его отдѣльныхъ гражданъ вслѣдствіе торговыхъ потерь, лишенія многихъ лицъ возможности самимъ добывать себѣ хлѣбъ и т. п. Опредѣленіе же этихъ убытковъ рѣшительно невозможно и все предоставляется тутъ личному произволу побѣдителя.

При переходѣ области отъ одного государства къ другому, авторъ высказывается противъ плебисцитовъ не только въ прямой формѣ, но даже и косвенной, посредствомъ народныхъ представителей и совершенно вскользь касается вопроса о единоличномъ выборѣ національности въ этихъ случаяхъ. По его мнѣнію нечего искать для завоеваній подобія права. «Завоеванія—это грубый фактъ, ничего не имѣющій общаго съ правомъ и не могущій его создать. Можно быть принужденнымъ ему подчиниться, но нельзя признать его за законный способъ пріобрѣтенія территоріи». Мнѣніе—слишкомъ радикальное и общее. Отмѣнить завоеваніе можно не иначе, какъ посредствомъ извѣстныхъ эквивалентовъ, о которыхъ говоритъ напр. Селосъ.

Разбираемое нами сочиненіе оканчивается приложеніемъ о нейтралитетѣ. Это интересный очеркъ по многочисленнымъ ссылкамъ на войну 1870—71 г. Авторъ принимаетъ два вида нейтралитета: фактическій и юридическій. Первый возникаетъ не изъ одной воли даннаго государства, но изъ трактатовъ гарантированныхъ третьими государствами (Бельгія, Швейцарія, Люксамбургъ); второй—есть добровольный нейтралитетъ, соблюдаемый въ виду опредѣленной войны.

Намъ кажется эта терминологія неудобною собственно потому, что оба вида нейтралитета обозначаютъ состоянія вполнѣ юридическія.

Упомянувъ о недозволенности нейтральнымъ оказывать воюющимъ матеріальную помощь, Гель, къ содѣйствію нравственному относитъ: мнѣнія печати, дѣйствія нейтральныхъ правительствъ въ видахъ уменьшенія бѣдствій войны и заключенія мира. Оставляя въ сторонѣ два послѣдніе пункты (по которымъ нейтральные сдѣлали въ 1870—71 г. очень мало), авторъ энергично требуетъ предоставленіе нейтральной прессѣ свободы выраженія ея мнѣній и симпатій. Конечно увлеченія, говоритъ онъ, и тутъ достойны сожалѣнія, но это вопросъ о народныхъ приличіяхъ. Онъ напоминаетъ, что когда Бисмаркъ жаловался въ 1870 г. на враждебное къ Германіи настроеніе печати въ Бельгіи, министръ послѣдней страны отвѣчалъ ему, что бельгійское правительство по закону не имѣетъ средствъ воздѣйствія на прессу. Нельзя не согласиться съ доводами Геля: «Если свобода слова и печати столь существенно необходима въ мирное время для политическаго и умственнаго развитія народовъ, то она еще важнѣе въ тяжелые часы этого грубаго и одуряющаго состязанія между ними, называемаго войною. Въ эти дни, когда мысль стремится стать столь же насильственною какъ и дѣйствія, когда съ одной стороны горечь отъ понесенныхъ пораженій, съ другой опьяненіе отъ одержанныхъ побѣдъ лишаютъ людей вѣрной оцѣнки предметовъ,—въ эти дни особенно важно *для поддержанія права, чтобы мысль могла, въ странахъ нейтральныхъ, высказываться съ полною свободою*».

Въ заключеніе авторъ вѣрно замѣчаетъ, что пока война не исчезнетъ, наиболѣе надежный путь къ утвержденію мира лежитъ въ ея цивилизованіи, т.-е. въ подчиненіи ея нормамъ права. Изъ сдѣланнаго нами разбора книги Геля достаточно ясно, кажется, выступаетъ ея живой, современный интересъ. Она особенно много дѣлаетъ чести автору, какъ человѣку военному и надо только желать, чтобы идеи, столь краснорѣчиво имъ излагаемыя и защищаемыя, все болѣе и глубже проникали въ ряды европейскихъ армій.

Moynier. La Croix-Rouge. Son passé et son avenir. 1882.

Хотя мы имѣемъ объ исторіи развитія идеи Женевской конвенціи и о судьбахъ самой конвенціи солидный трудъ Людера, но настоящая книга Муанье явилась какъ нельзя болѣе кстати. Между тѣмъ какъ сочиненіе Эрлангенскаго профессора есть самое полное, но и сухое и тяжелое изслѣдованіе, разсчитанное повидимому для спеціалистовъ, книга Муанье есть блестящая, живая и мастерски набросанная картина той дѣятельности, которую вызвала конвенція 22 августа 1864 г. Авторъ ея желалъ видимо какъ можно болѣе популяризировать идеи связанныя съ этою конвенціею, для которой онъ самъ такъ много потрудился, и эта цѣль удалась ему вполнѣ. Его книга по содержанію и красотѣ изложенія способна проникнуть въ самые разнообразные слои общества и вездѣ, конечно, встрѣтитъ она сочувственный пріемъ. Но она не только умно и хорошо написана: она всюду согрѣта высокою гуманностью, которая кладетъ на всѣ произведенія Женевскаго филантропа такую прелесть.

Болѣе чѣмъ кто либо по своему положенію и дѣятельности, въ качествѣ президента международнаго комитета Краснаго Креста со дня его основанія, Муанье былъ призванъ для такой работы. Онъ неоднократно служилъ своимъ блестящимъ перомъ дѣлу этого учрежденія и настоящая его книга есть какъ бы сводъ всего имъ сдѣланнаго и продуманнаго на этомъ поприщѣ. Но при этомъ однако, при большой свойственной ему скромности, личность автора нигдѣ не выступаетъ и не нарушаетъ столь художественнаго по своей объективности изложенія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся фактахъ и мысляхъ его сочиненія, но спѣшимъ добавить, что оно заслуживало бы быть переведеннымъ на всѣ европейскіе языки [1]).

Разбираемое нами сочиненіе представляетъ четыре отдѣла. Указавъ на *происхожденіе* Краснаго Креста, авторъ переходитъ къ его *органамъ*, которыхъ видитъ въ различныхъ обществахъ вспомоществованія и въ самой Женевской конвенціи. Затѣмъ онъ изучаетъ *приложеніе* ихъ къ дѣйствительной жизни въ періоды мира и въ эпохи войнъ, начиная съ 1864 г. и кончая русско-турецкою войною 1877—78 г. Двѣ особыя главы посвящены войнамъ международнымъ и внѣ европейскимъ. Послѣдній отдѣлъ касается *будущности* Краснаго Креста. Книгу оканчиваютъ *приложенія* содержащія: рѣшенія и желанія Женевской конвенціи 1863 г.; тексты обѣихъ конвенцій 1864 и (дополнительной) 1868 г.; списки, въ хронологическомъ порядкѣ, государствъ принявшихъ конвенцію 1864 г. и различныхъ національныхъ Обществъ вспомоществованія больнымъ и раненымъ; указатель періодическихъ изданій служащихъ дѣлу Краснаго Креста и проектъ памятника въ честь этого учрежденія. При небольшомъ объемѣ этой книги (285 стр.) невольно обращаетъ на себя вниманіе цѣльность и стройность ея системы.

---

[1]) Намъ извѣстенъ пока его англійскій переводъ *John Furley.* (London 1883).

О происхожденіи Краснаго Креста Муанье говоритъ немного 1). Онъ напоминаетъ, что днемъ его рожденія слѣдуетъ считать *9 февраля 1863 г.* день засѣданія «Женевскаго *Общества общественной пользы*», на которомъ обсуждались выводы за три мѣсяца до того вышедшаго сочиненія *Дюнана* Souvenir de Solférino 2). Излагая кратко рѣшенія подготовительной Женевской конвенціи 1863 г., онъ ставитъ на видъ, что, съ цѣлію улучшенія положенія раненыхъ и больныхъ воиновъ, конвенція обратилась къ двумъ чувствамъ въ людяхъ: къ любви и справедливости. Къ любви—въ томъ отношеніи, что побудила частную и общественную благотворительность придти на помощь къ этимъ несчастнымъ жертвамъ войны,—что составляетъ задачу Обществъ вспомоществованія. Но это дѣло любви было бы несовершенно, еслибы оно не получило, во имя справедливости, юридической охраны, которая выразилась въ самой конвенціи, знаменующей новую эру въ современномъ правѣ войны. Таковы два главные органа Краснаго Креста.

---

1) Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ онъ помѣстилъ въ своей „Etude sur la convention de Genève“ 1870, представляющей подробный комментарій Женев. конв., а равно любопытную записку о положеніи военноплѣнныхъ.

2) 1-е изд. 1862; 6-е 1873 г. переведено почти на всѣ европейскіе языки.

Муанье, въ послѣдующихъ страницахъ, разсматриваетъ отдѣльно ихъ *организацію* и *дѣятельность*. Прежде всего бросается въ глаза характерный фактъ, что съ 1863 г. каждая война вела къ распространенію учрежденій Краснаго Креста. Это служитъ лучшимъ практическимъ подтвержденіемъ его благотворности. Въ организаціи его заслуживаетъ вниманія роль предоставляемая въ его учрежденіяхъ женщинѣ. По своимъ нравственнымъ способностямъ—самоотверженію, терпѣнію, а равно чистоплотности—женщина обыкновенно далеко превосходитъ мужчину въ дѣлѣ ухаживанія за больными и она много содѣйствовала распространенію и облагороженію идеи Краснаго Креста.

Общества вспоможенія—и этого не слѣдуетъ забывать—прежде всего *національныя* учрежденія. Международны они только по общему, воодушевляющему ихъ духу и по цѣли, которая для всѣхъ нихъ одна: возбуждать состраданіе къ страждующему врагу и заботиться о раненыхъ, къ какой бы національности они не принадлежали. Но они національны по своей организаціи, будучи поставлены въ зависимость отъ военныхъ властей извѣстнаго государства и прежде всего работая на пользу его раненыхъ. Этотъ вопросъ объ установленіи должной гармоніи между названными Обществами и военными властями—одинъ изъ наиболѣе трудныхъ на практикѣ. Муанье приводитъ двѣ новѣйшія попытки его рѣшенія французскимъ законодательствомъ (декретъ Макъ-Магона 2 марта 1878) и германскимъ (санитарный ордонансъ 2 марта того же года) и дѣлаетъ такой общій выводъ: «занимающія насъ Общества должны въ извѣстной степени подчиняться военному порядку (se laisser militariser), ибо только подъ этимъ условіемъ военачальникъ согласится на ихъ содѣйствіе. Кромѣ того это даетъ ихъ членамъ благотворную дисциплину. Но, съ другой стороны, они должны энергично отстаивать свое право появляться съ помощью всюду, гдѣ оффиціальный персоналъ окажется недостаточнымъ, не исключая даже полей сраженія, ибо ради этого были они созданы среди общаго одобренія. Всякое стѣсненіе ихъ сферы дѣятельности можетъ ихъ поразить смертельно». Единицы Краснаго Креста по идеѣ должны совпадать съ военными единицами, т.-е. общества ему служащія, въ предѣлахъ территоріи конкретнаго государства, должны подчиняться руководительству центральнаго для этого государства комитета. Но этого мало: для доставленія дѣлу Краснаго Креста большаго единства и для поддержанія между его *національными* органами солидарности, необходимъ общій, *международный Комитетъ*, который и находится въ Женевѣ. Давъ первый толчекъ всему этому дѣлу, онъ продолжаетъ пользоваться чисто нравственнымъ авторитетомъ. Съ молчаливаго согласія существующихъ въ государствахъ обществъ, онъ стоитъ на стражѣ *общихъ для нихъ всѣхъ интересовъ* и даетъ, такъ сказать, exequatur вновь возникающимъ обществамъ, если они того пожелаютъ. Нельзя не пожалѣть, что полномочія его не были опредѣлены формально, хотя мы и согласны съ Муанье въ томъ, что общее уваженіе, которымъ онъ пользуется уже впродолженіе 20 лѣтъ, стоитъ формальной инвеституры. Берлинская конференція (1869) поручила ему издавать общій органъ Краснаго Креста [1]), а равно завѣдывать, во время войны, дѣломъ вспомоществованія со стороны нейтральныхъ воюющимъ.

Отъ Обществъ Муанье переходитъ къ самой конвенціи и прежде всего напоминаетъ, что хотя та и другая служатъ одному дѣлу, но они не тождественны; конвенція (1864) даже не упоминаетъ объ Обществахъ, которыя едва стали возникать въ годъ ея подписанія. Но даже правительства въ оффиціальныхъ документахъ принимали иногда безразлично одинъ изъ этихъ органовъ за другой.

Первоначально подписанная 9 государствами, конвенція 1864 г. въ настоящее время принята 32. А именно: всѣми государствами Европы, шестью американскими и однимъ азіятскимъ (Персіею;— Турцію авторъ относитъ къ Европѣ). И тутъ каждая новая война увеличивала число ея сторонниковъ. Послѣдними въ этомъ спискѣ стоятъ С. Штаты (присоединившіеся къ конвенціи лишь 1-го марта 1882 г.). Въ нѣкоторыхъ государствахъ принявшихъ конвенцію не существуетъ Общества Краснаго Креста таковы: Персія, Санъ-Сальвадоръ, Чили, Боливія и до послѣдней войны Турція. Въ С. Штатахъ напротивъ, до признанія правительствомъ конвенціи 1864 г., образовалось Общество вспоможенія, которое однако, не добившись этого акта отъ своего правительства, распалось. На этомъ основаніи Международный Комитетъ беретъ за правило не признавать Общество вспоможенія такой страны, правительство которой не присоединилось къ Женевской конвенціи.

---

[1]) Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge выходитъ съ тѣхъ поръ четыре раза въ годъ въ Женевѣ подъ редакціею Муанье.

Какъ извѣстно, идеи высказанныя въ послѣдней, имѣютъ свою и довольно древнюю исторію [1]), но которая нисколько не отнимаетъ у Женевской конвенціи ея оригинальности. До нея всѣ попытки, дѣлавшіяся для вспомоществованія раненымъ, были мѣстны, временны, безъ внутренней связи и организаціи. Онѣ не могли, вслѣдствіе этого, подѣйствовать преобразовательно на право войны. Женевская конвенція сразу поставила дѣло Краснаго Креста на широкую, *международную* почву, дала ему прочную *организацію* и привлекла *нейтральныхъ* къ содѣйствію воюющимъ въ уходѣ за жертвами войны. Дѣло ея, конечно, далеко еще отъ совершенства, но ея прошлое служитъ залогомъ ея успѣховъ въ будущемъ.

Съ самаго ея начала раздались противъ нея голоса изъ двухъ различныхъ лагерей: военные осуждаютъ ее за то, что она стѣсняетъ свободу военныхъ операцій. Филантропы жалуются на то, что она, напротивъ, недостаточно ограничиваетъ примѣненіе силы. Подобныя нападки не представляютъ ничего страннаго по отношенію къ акту, который по самой своей природѣ является компромиссомъ между требованіями войны и идеаломъ благотворенія, взаимно другъ друга исключающими. Какъ бы то ни было, но серьезная критика Женевскаго договора, опираясь на опытъ послѣднихъ войнъ, должна вести не къ его отрицанію, а къ исправленію, добавленію и къ дальнѣйшему развитію высказанныхъ въ немъ великихъ началъ.

Едва ли не интереснѣе еще глава о *практической дѣятельности* Краснаго Креста [2]). Авторъ основательно отдѣляетъ время мира отъ состоянія войны. Чтобы получить возможность съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовать на поляхъ брани, Общества вспоможенія должны неустанно работать въ мирное время, обучая санитаровъ, приготовляя санитарный матеріалъ и собирая средства. Иногда, увлекаемыя благородными мотивами, они (напр. Общества въ Россіи, Германіи, Греціи) выходили изъ рамокъ военной филантропіи и подавали помощь жертвамъ другихъ бѣдствій (эпидемій, наводненій, голода, землетрясеній, пожаровъ и т. п.). Но противъ такого увлеченія слѣдуетъ предостерегать. Дѣло Краснаго Креста само по себѣ такъ важно, что не желательно дробленія, а вслѣдствіе того и ослабленіе его силъ.

---

[1]) Она весьма подробно и по документамъ, какъ замѣчено, излагается у Людера, а также у Гурльта.

[2]) Эта глава мѣстами воспроизводитъ прежде изданную брошюру автора: Les dix premières années de la Croix-Rouge, 1873, которая даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о затрогиваемыхъ въ ней вопросахъ.

Первое появленіе Краснаго Креста на поляхъ сраженій произошло въ войну 1864 г. изъ за эльбскихъ княжествъ. Комитеты вспомоществованія не имѣли еще тогда никакой связи между собою, дѣйствовали разрозненно и поэтому достигнутые результаты были незначительны. Прусское Общество, кромѣ пожертвованій нѣкоторыхъ вещей, истратило на уходъ раненыхъ не болѣе 30,000 фр. и даже не носило знакъ Краснаго Креста, который впервые показался тогда на нарукавникахъ двухъ делегатовъ международнаго Комитета, посланныхъ для наблюденія за ранеными.

Война 1866 г. была первою, въ которой прилагалась конвенція 1864 г., но не вполнѣ еще, такъ какъ Австрія тогда не присоединялась еще къ ней. И въ то время, какъ ея военные врачи были вынуждены покидать иногда на произволъ судьбы своихъ раненыхъ согражданъ, Пруссія объявила, что, каково бы ни было поведеніе ея противника, она будетъ прилагать къ нему Женевскую конвенцію. И это слово она сдержала: ея врачи, ухаживая за ранеными врагами, попадались даже отъ этого въ плѣнъ. Послѣ пораженія подъ Садовой Австрія на собственномъ горькомъ опытѣ научилась цѣнить актъ 1864 г. А между тѣмъ частная благотворительность въ ней и тогда не дремала: въ пяти ея провинціяхъ было собрано въ пользу воиновъ болѣе 2 милл. франковъ и, благодаря ей, учреждено бюро для корреспонденцій, которое вело на 11 языкахъ переписку съ семействами солдатъ. Италія съ своей стороны сдѣлала немало для облегченія участи раненыхъ; независимо отъ 14 мѣстныхъ комитетовъ, въ Миланѣ дѣйствовало центральное бюро, которое добровольныхъ пожертвованій получило на сумму почти 200,000 фр. Но особенно отличилась Германія. Ея общества были хорошо организованы и, по отзыву Муанье, ни въ одной войнѣ дотолѣ частная благотворительность не совершила такихъ подвиговъ. Въ Берлинѣ образовался центральный комитетъ. Однѣ, собственно прусскія провинціи подписались тогда на 15 милл. фр. Съ своей стороны правительство прусское оказывало добровольнымъ санитарамъ всякое содѣйствіе, освобождая отъ платы ихъ сообщенія по почтѣ и телеграфу, безвозмездно перевозя ихъ и принадлежащія имъ вещи, не подвергая послѣднія таможенному осмотру и снарядивъ особаго чиновника, который надзиралъ за дѣятельностью этихъ многочисленныхъ комитетовъ и за распредѣленіемъ пожертвованій.

Наконецъ въ этой войнѣ мы видимъ впервые содѣйствіе воюющимъ со стороны *нейтральныхъ*, хотя не приводится данныхъ о степени этого пособія.

Главный искусъ, которому подверглась Женевская конвенція, была безспорно франко-германская война. Оба противника въ ней, принадлежа къ передовымъ народамъ Европы, уже нѣсколько лѣтъ присоедились къ конвенціи, которой ихъ правительства оказывали особое благоволеніе. Они имѣли, особенно Германія, организованныя Общества вспоможенія, которыя, по выраженію Муанье, противоставили теперь военному оружію—оружіе благотворительности и завязали съ самой войной отчаянную борьбу.

Въ виду всего этого опытъ войны 1870—71 г. особенно поучителенъ. Муанье въ живыхъ краскахъ представляетъ намъ дѣятельность учрежденій Краснаго Креста въ Германіи, во Франціи и у нейтральныхъ [1].

До невиданнаго дотолѣ совершенства дѣло ухода за ранеными достигло тогда въ Германіи. При объявленіи войны цѣлая сѣть комитетовъ, числомъ болѣе 2000, покрыла страну. Пожертвованія полились со всѣхъ концовъ и въ этомъ отношеніи не отстали нѣмцы живущіе даже въ иныхъ частяхъ свѣта: въ Индіи, въ Японіи, Австраліи и особенно въ С. Штатахъ. Одинъ центральный Комитетъ въ Германіи могъ располагать 70 милл. франковъ. «Примѣръ этой войны, говоритъ авторъ, разсѣялъ опасенія заявленныя еще въ 1863 г. о трудности добыть необходимыя средства. Даже послѣ столь продолжительной войны всѣ Общества обладали, по сведеніи своихъ счетовъ, извѣстными остатками». Но какъ не велика была дѣятельность ими проявленная (имъ приходилось даже хоронить убитыхъ), много нуждъ осталось неудовлетворенными. Когда ихъ члены, вслѣдствіе чего-либо, опаздывали на поля сраженій, раненые (какъ напр. въ Сульцѣ) оставались на нихъ три дня послѣ битвы подъ дождемъ и холодомъ. Чѣмъ глубже удалялись нѣмецкія войска въ непріятельскую страну, тѣмъ затруднительнѣе становилась доставка вещей по загроможденнымъ линіямъ. Для устраненія этихъ задержекъ Комитеты напали на счастливую мысль: посылать съ своими транспортами особыхъ чиновниковъ, которые наблюдали за безпрепятственною ихъ доставкою. О сложности санитарнаго дѣла можно уже судить по тому одному, что центральный складъ распадался на семь категорій предметовъ!

---

[1] Въ свое время онъ обнародовалъ по этому поводу особенную брошюру: „La convention de Genève pendant la guerre franco-allemande“ 1873, гдѣ читатель найдетъ много еще другихъ дополнительныхъ свѣдѣній.

Наиболѣе характерною чертою въ дѣятельности Краснаго Креста въ эту войну представляется устройство санитарныхъ и эвакуаціонныхъ поѣздовъ, имѣвшихъ цѣлію удалять больныхъ и раненыхъ съ мѣстъ сраженій въ такія, гдѣ имъ можно было доставлять хорошій уходъ. Это были настоящіе передвижные госпитали. Поѣзда доставляли такимъ образомъ до 900 чел. за одинъ разъ. На путяхъ устраивались освѣжительныя станціи, гдѣ серьезно больные могли найти пріютъ на болѣе продолжительный срокъ и гдѣ заботились не только объ ихъ тѣлѣ, но и душѣ: они тутъ находили духовныхъ лицъ, библіотеки и т. п. Мало того: были устроены лѣчебныя станціи, между которыми Баденъ-Баденъ получилъ характеръ вполнѣ международный: на его воды допускались безразлично нѣмецкіе и французскіе солдаты. Лицамъ, нуждавшимся въ болѣе тепломъ климатѣ, чѣмъ каковъ въ Германіи, давалась возможность переселяться на югъ. Наконецъ Красный Крестъ пришелъ на помощь тѣмъ нуждавшимся семьямъ, кормители которыхъ поступили въ ряды ландвера.

Несмотря на свое политическое объединеніе, Франція въ 1870 г. далеко не могла выступить съ столь благоустроенною организаціею санитарнаго дѣла, какъ Германія. У нея съ 1864 г. существовало Общество вспоможенія, но оно не обладало ни достаточнымъ числомъ лицъ, ни нужными вещами, ни средствами.

Центральный Комитетъ въ Парижѣ долженъ былъ все импровизировать среди страшныхъ постигшихъ тогда Францію военныхъ и политическихъ бѣдствій. Послѣдовавшее затѣмъ обложеніе Парижа отрѣзало его отъ сообщеній съ провинціею. Въ департаментахъ движеніе въ пользу Краснаго Креста было, вообще говоря, слабѣе чѣмъ въ Германіи и на югѣ слабѣе чѣмъ на сѣверѣ. При всемъ томъ однако отчетъ финансовой коммиссіи указываетъ на поступленія въ суммѣ 10½ милл. франковъ, включая сюда пожертвованія изъ-за границы, но не суммы полученныя провинціальными комитетами въ большихъ городахъ Франціи. Расходы же центральнаго Комитета достигли 7.741.000 фр. Это пошло на оказаніе помощи 110.000 человѣкъ, изъ которыхъ 25.000 состояли на попеченіи агентовъ Комитета, а 85.000 получали отъ послѣдняго лишь добавочное содержаніе. Но и въ этомъ разсчетѣ дѣятельность провинціальныхъ обществъ не принята въ соображеніе. Замѣтимъ еще, что, во время осады Парижа, Красный Крестъ, съ согласія прусскихъ властей, вывезъ изъ этого города не менѣе 10.000 больныхъ и раненыхъ. Онъ же доставилъ обратно во Францію до 9.000 раненыхъ плѣнныхъ изъ Германіи.

Между тѣмъ какъ Франція и Германія вели эту братоубійственную войну, нейтральные народы слились какъ бы въ одно цѣлое для оказанія помощи ея жертвамъ. Добровольная по существу, эта помощь нейтральныхъ никогда не проявляла такой энергіи и не достигала подобныхъ размѣровъ. Еще Берлинская конференція (1869) пыталась дать ей извѣстное единство и устройство и рекомендовала международному Комитету открывать въ случаѣ нужды, вблизи театровъ войнъ Бюро для корреспонденцій и справокъ всякаго рода. Вслѣдствіе этого возникло «Международное Агентство въ Базелѣ», которое дѣйствовало съ іюля 1870 г. до окончанія войны. Многія государства чрезъ его посредство препроводили воюющимъ свои пожертвованія. Считаютъ, что Агентство получило деньгами до 650.000 фр., да вещами не менѣе. Само собою разумѣется, что всѣ пожертвованія распредѣлялись между сторонами самымъ безпристрастнымъ образомъ. Поскольку вѣрили въ справедливость Агентства между прочимъ подтверждается тѣмъ любопытнымъ примѣромъ, что Берлинскій Комитетъ препроводилъ въ его кассу 30.000 фр.; Парижскій—20.000.

Агентство оказывало свое содѣйствіе только больнымъ и раненымъ и отклонило заступничество за плѣнныхъ, но здоровыхъ. Однако чрезъ его кассу прошла въ пользу ихъ сумма въ 534.000 фр., посланная имъ отъ ихъ родныхъ и знакомыхъ. Особенныя услуги оказало оно собирая свѣдѣнія о пропавшихъ солдатахъ и печатая ихъ списки, равно какъ и раненыхъ французовъ, попавшихъ въ Германію.

Пособія со стороны нейтральныхъ выражались въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Изъ 15 центральныхъ комитетовъ только три воздержались отъ содѣйствія воюющимъ: Копенгагенскій, Нью-Іоркскій и Константинопольскій, причемъ послѣдній едва ли существовалъ иначе, какъ номинально. Одна Англія дала деньгами 7½ милл. фр. Испанія и Португалія прислали свои вина. Италія открыла лѣчебную станцію въ Палланца на Лаго-Маджіоре. Швейцарія снабжала госпитали воюющихъ альпійскимъ льдомъ. Въ Швеціи собирали не только въ церквахъ, но въ кафе, и ресторанахъ. Всѣ слои общества дали свою лепту. Правительство даровало безплатный провозъ всѣмъ транспортамъ къ воюющимъ. Но особенно достойна упоминанія Голландія. Король пожертвовалъ 19.000 фр. Самыя отдаленныя ея колоніи не отстали отъ метрополіи: туземныя населенія и китайцы на островѣ Явы жертвовали, слѣдуя примѣру своихъ султановъ. Это было первое участіе язычниковъ въ дѣлѣ Краснаго Креста. Про Россію авторъ говоритъ, что она пожертвовала много деньгами и вещами и прислала своихъ оффиціальныхъ военныхъ врачей.

Что касается до самой конвенціи въ 1870 г., то, на первыхъ порахъ, можно было ожидать строгаго примѣненія ея воюющими, если принять въ соображеніе, что Наполеонъ III и Вильгельмъ лично много способствовали ея заключенію, и предъ самой войной объявили для себя обязательными, хотя въ видѣ опыта, дополнительныя къ ней статьи 1868 г. Какъ извѣстно, воюющіе часто и сильно упрекали другъ друга въ нарушеніяхъ ея. Помимо случайностей, на войнѣ всегда неизбѣжныхъ, Муанье объясняетъ это слѣдующими причинами:

1) Нѣкоторыя изъ ея статей въ буквальномъ смыслѣ оказались неисполнимыми. Напримѣръ, ст. 5 освобождающая отъ различныхъ поборовъ и повинностей тѣхъ мирныхъ жителей, которые придутъ на помощь раненымъ и особенно ст. 5 дополнительная, освобождающая отъ плѣна раненыхъ. Употребленіе международныхъ нарукавниковъ и знамени было не достаточно гарантировано на практикѣ отъ злоупотребленій.

2) Ожесточеніе между воюющими, часто доходившее съ обѣихъ сторонъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Почти полное незнакомство Французовъ съ конвенціею. Вслѣдствіе этого многія нарушенія ея послѣдними вовсе не происходили отъ ихъ злаго умысла, какъ предполагали въ началѣ Нѣмцы, отвѣчавшіе на это строгими репрессаліями.

3) Отсутствіе какой бы то ни было государственной или международной, но уголовной санкціи въ случаяхъ нарушенія конвенціи. Общества не могли сдѣлать многаго для ея охраны. Это— обязанность военачальниковъ. Центральный комитетъ въ Берлинѣ роздалъ войскамъ, въ моментъ ихъ выступленія, до 80.000 экземпляровъ конвенціи на франц. и нѣмец. языкахъ съ краткими поясненіями. Международный Комитетъ позволилъ себѣ даже обратиться прямо къ правительствамъ воюющихъ и напомнить имъ о нѣкоторыхъ обязанностяхъ, которыя они нарушали. Франц. правительству онъ выразилъ свои сожалѣнія по поводу незнакомства франц. войскъ съ конвенціею. Переданное въ Парижѣ за нѣсколько дней до событій 4 сент.—это заявленіе осталось безъ отвѣта. Германіи онъ поставилъ на видъ, что въ силу 5 дополн. ст. конв. раненые франц. плѣнные, по излѣченіи, должны быть отсылаемы во Францію. Нѣмецкое правительство въ свое оправданіе привело, что согласно съ самимъ текстомъ конвенціи, «обстоятельства не дозволяли ему поступать иначе». Однако лица, не способныя къ продолженію службы, стали иногда отсылаться, хотя это и не было возведено въ правило.

Не менѣе подробно излагается дѣятельность Краснаго Креста въ послѣднюю русско-турецкую войну 1877—78 г., причемъ авторъ останавливается на каждомъ изъ воюющихъ и затѣмъ переходитъ къ нейтральнымъ. Относительно Сербовъ, во время ихъ перваго похода (1876 г.), онъ отмѣчаетъ двѣ особенности: недопущеніе женщинъ къ прямому участію въ санитарномъ дѣлѣ и введеніе странствовавшихъ инспекторовъ, которые на мѣстахъ провѣряли дѣйствія Общества и заботились о раненыхъ [1]. Въ этой небольшой странѣ Центральный Комитетъ успѣлъ набрать 297,000 фр. (изъ нихъ 125,000 пожертвованы самими Сербами), а израсходовать 223,000. — Черногорія страдала отъ отсутствія собственныхъ врачей, по что можно было и ея Комитетъ сдѣлалъ въ пользу раненыхъ. Въ Румыніи Красный Крестъ проявилъ большую дѣятельность. Доходы его достигли 524,000 фр. и превысили расходы (461,000). При этомъ раненые пользовались хорошимъ уходомъ независимо отъ ихъ національности. Между 4676 лицами, бывшими на попеченіи Краснаго Креста, находилось 1042 Турка. Главный врачъ оттоманской арміи подъ Плевной, Османъ, засвидѣтельствовалъ о человѣколюбивомъ обращеніи Румыновъ съ его соотечественниками.

Но самую обширную и благотворную помощь раненымъ и больнымъ оказалъ Красный Крестъ въ Россіи [2]. Муанье прежде всего ставитъ на видъ, что оффиціальное устройство санитарнаго дѣла чрезвычайно усовершенствовалось въ Россіи со времени Крымской войны и что Общество вспоможенія къ 1877 г. существовало уже 10 лѣтъ, имѣло прочную организацію и пользовалось покровительствомъ Высочайшихъ Особъ. Особенно прославило оно себя устройствомъ санитарныхъ поѣздовъ, отличавшихся не только комфортомъ, но и роскошью. Число этихъ поѣздовъ дошло скоро до 16. Муанье описываетъ подробно устройство поѣзда Цесаревны. Гдѣ, какъ на югѣ отъ Дуная, желѣзный путь прекращался, прибѣгали къ перевозочнымъ средствамъ, предложеннымъ Завадовскимъ и Терещенко, а также къ бричкамъ на подобіе венгерскимъ. Пожертвованія Русскихъ въ эту войну лились рѣкою. Многочисленные склады были завалены вещами всякаго рода [1]). Одинъ Московскій впродолженіе 6 мѣс. отослалъ ихъ на сумму 643,000 руб. (2½ милл. фр.). Даже во дворцахъ были устроены дамами особыя мастерскія для изготовленія всего нужнаго для раненыхъ. Общество первоначальнаго образованія въ Петербургѣ доставило Комитету этого города 35,000 томовъ. Въ Кіевѣ возникло особое общество снабженія арміи хиной. Оно разослало до милліонъ дозъ на 20,000 р. (80,000 фр.). Въ цѣломъ русское Общество собрало въ эту войну до 9. 363.000 р. (около 37½ милл. фр.), причемъ однако его доходы превысили расходы на 114,000 р. Въ заключеніе Муанье съ уваженіемъ говоритъ объ услугахъ оказанныхъ нашимъ раненымъ Пироговымъ. По порученію покойной Императрицы онъ впродолженіе 6 мѣс. объѣхалъ всѣ санитарныя учрежденія, которыя дѣйствовали въ нашей европейской арміи, вездѣ подавая практическіе, благотворные совѣты.

---

[1] Муанье посвятилъ этой войнѣ Сербіи особую, небольшую брошюру: „Les destinées de la convention de Genève pendant la guerre de Serbie“. 1876.

[2] О значеніи Женев. конв. въ эту войну можно сравнить также соч. *Мартенса*: Восточная война и Брюссельская конференція. 1879; стр. 491, сл.

Нѣсколько страннымъ представляется намъ восторженный отзывъ автора о Турціи. «Существованіе въ ней Общества, сообразно съ началами Краснаго Креста, говоритъ онъ, составляетъ почти цѣлое событіе въ нравственной исторіи человѣчества. Большая брешь сдѣлана въ стѣнѣ отдѣляющей учениковъ Христа отъ послѣдователей Магомета въ тотъ день, когда тѣ и другіе добровольно соединились, чтобы работать надъ великимъ дѣломъ милосердія. *Смѣшанный* Комитетъ, который возникъ на берегахъ Босфора, былъ поддерживаемъ не только подданными султана безъ различія культа, но и мусульманами Индіи и христіанами Европы».

Какъ отрадно было бы такое явленіе, если бы оно сказалось не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности: дальнѣйшее изложеніе самого Муанье подтверждаетъ нашу мысль. Комитетъ, о которомъ онъ говоритъ, возникъ въ Константинополѣ серьезно лишь по заключеніи перваго мира съ Сербіею. Онъ называетъ его *смѣшаннымъ*, но интересно было бы знать сколько магометанъ входило въ его составъ? По свидѣтельству г. Мартенса одинъ англійскій комитетъ—(Stafford House Committee) сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти всю санитарную часть турецкой арміи [1].

---

[1] Авторъ не упоминаетъ о томъ, какъ много вещей, къ сожалѣнію, не достигло мѣста своего назначенія.

Само же турецкое правительство до такой степени мало интересовалось судьбою своихъ солдатъ, что почти не принимало никакихъ мѣръ для правильнаго за ними ухода [2]. Самъ Муанье сознается, что «врачи были рѣдки въ оттоманскихъ войскахъ и что Порта сначала очень неохотно допускала къ себѣ иностранныхъ медиковъ». Далѣе извѣстно, какъ обходились Турки съ военноплѣнными: они большею частію систематически избивали ихъ и даже изувѣчивали самымъ варварскимъ образомъ, не имѣя никакого уваженія къ мертвымъ [3].

Наконецъ дѣло вспомоществованія не могло стать на хорошую почву у народа, который проявилъ грубое незнаніе Женевской конвенціи и даже глумленіе надъ ней.

Хотя Турція присоединилась къ Женевскому акту еще въ 1865 г., но на провѣркѣ оказалось, что до конца августа 1877 г. у нея не существовало даже ни одного его перевода на турецкій языкъ [4]. Турецкіе полководцы считали себѣ все дозволеннымъ. Мало того: совершенно произвольно и одностороннимъ рѣшеніемъ Турція замѣнила на своихъ санитарныхъ учрежденіяхъ Красный Крестъ— Полумѣсяцемъ, на томъ будто бы основаніи, что Крестъ возбуждалъ фанатизмъ ея воиновъ. Неосновательность этой оговорки бросается каждому въ глаза, ибо въ то же время Турція обязалась уважать Крестъ въ христіанскихъ войскахъ [5]. Можно только дивиться тому, какъ согласилась Европа на эти выдумки! Позднѣе, конечно, она сама убѣдилась въ своемъ добровольномъ заблужденіи, ибо, по приглашенію Германіи, всѣ великія державы предписали своимъ представителямъ при Портѣ обратить ея серьезное вниманіе на поведеніе ея армій въ отношеніи раненыхъ и больныхъ непріятелей[1]).

---

[1] По словамъ Муанье онъ истратилъ 560,000 фр. и оказалъ пособіе 71,000 человѣкамъ.

[2] Назв. соч. стр. 563.

[3] *Мартенсъ*, Тамъ-же; стр. 520, 540 сл.

Муанье добавляетъ, что турецкое Общество получило пожертвованіями 1.648,000 фр. (собственно отъ Турокъ 285,000), при чемъ доходы превзошли расходы на 261,000 фр.

[4] *Мартенсъ*. Назв. соч. стр. 503.

[5] Впрочемъ это былъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ обмановъ, которыми такъ изобилуетъ вся исторія Турціи; самъ Муанье тутъ же добавляетъ, что турецкіе офицеры объявили Черногорцамъ, что они не могутъ и не хотятъ оказывать уваженіе Кресту гдѣ бы онъ ни показывался и въ цѣломъ оттоманская армія относилась къ нему недружелюбно.

Сравнительно съ 1870 г. дѣятельность нейтральныхъ въ эту войну на пользу воюющихъ носитъ несравненно болѣе ограниченные размѣры. Авторъ объясняетъ это слѣдующими причинами: въ началѣ война Сербіи и Черногоріи съ Турціею считалась многими какъ бы междуусобною; охладило нежеланіе Турціи признавать Красный Крестъ и наконецъ сами воюющіе по разнымъ причинамъ не выказали особаго желанія прибѣгнуть къ помощи нейтральныхъ. Можно еще добавить, что эта помощь во многихъ случаяхъ носила національный, односторонній характеръ, маскируя чуждыя ей политическія тенденціи. Было устроено, на подобіе Базельскаго, Агентство въ Тріестѣ, но оно собрало деньгами лишь 57,000 фр.! Сами воюющіе, пока были еще нейтральными, помогали своимъ позднѣйшимъ союзникамъ. Россія до войны 1877 г. послала много пособій въ Цетинье и Бѣлградъ. Румынія сначала предложила свои услуги обоимъ воюющимъ, но получила отъ Турціи весьма характерный отвѣтъ, что она не можетъ воспользоваться этими услугами, «ибо не принято никакихъ мѣръ для внушенія ея войскамъ уваженія къ Красному Кресту». Германія доставила нашимъ войскамъ нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ.

Отъ большихъ войнъ въ Европѣ авторъ переходитъ къ войнамъ междуусобнымъ и внѣ-европейскимъ.

Относительно первыхъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что Красный Крестъ вообще доселѣ погрѣшалъ излишнею къ нимъ безучастностью. Это происходило, быть можетъ, частію отъ того, что онъ не чувствовалъ себя достаточно защищеннымъ дѣйствующимъ правомъ войны, частію вслѣдствіе политическихъ соображеній, которымъ однако онъ долженъ былъ бы оставаться чуждъ. Изъ приводимыхъ Муанье примѣровъ характеренъ случай съ французской коммуной въ 1871 г. По виду присоединившись къ Женевской конвенціи, она позднѣе постановила закрытіе французскаго Общества вспоможенія, а за нарушеніе этого приказа высказала самыя строгія угрозы. Несмотря на все это, члены названнаго Общества продолжали храбро исполнять свой долгъ, даже по отношенію къ этимъ звѣрямъ.—Многіе Комитеты Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и особенно Германіи и Россіи оказали пособіе жертвамъ карлистской войны въ Испаніи въ 1874 г. Сербія помогала возстанцамъ въ Босніи и Герцеговинѣ (1875). Во время занятій этихъ областей Австріею (въ 1878 г.) и позднѣйшаго въ нихъ возстанія (въ 1881 г.) центральный Комитетъ въ Вѣнѣ посылалъ имъ пособія.

---

[1]) *Мартенсъ*, Тамъ же, стр. 528, 530 сл.

Признавая трудность установленія какихъ либо правилъ для дѣятельности Краснаго Креста собственно во время междуусобныхъ войнъ, Муанье выставляетъ однако слѣдующіе три правила:

1. Въ предѣлахъ своей страны Общества вспомоществованія обязаны помогать всѣмъ раненымъ комбатантамъ, которые впадутъ въ ихъ руки, независимо отъ ихъ политической партіи, одежды и даже національности (т.-е. будь они даже иностранцы).

2. По отношенію къ чужимъ странамъ эти Общества должны содѣйствовать сродственнымъ имъ [1]) по ихъ просьбѣ и притомъ безразлично, какъ въ войнѣ международной, такъ и междуусобной, воздерживаясь, конечно, отъ всякихъ сношеній съ мятежниками.

3. Общества не должны помогать въ междуусобныхъ войнахъ опустошающихъ такія страны, гдѣ учрежденія Краснаго Креста не получили еще признанія.

Красный Крестъ многихъ государствъ простиралъ свою дѣятельность даже въ другія части свѣта: русскій проявилъ себя въ Туркестанѣ (въ 1873 г. во время похода на Хиву и въ 1880 въ войнѣ противъ Ахалъ—Текинцевъ); голландскій на островѣ Борнео и въ войнѣ противъ Атчина. Мѣстные жители нидерландской Индіи въ послѣднемъ случаѣ отличались своею благотворительностію и даже германскій центральный комитетъ послалъ Голландіи 25,000 фр. Въ многочисленныхъ экспедиціяхъ Англіи внѣ

---

[1]) Les Sociétés soeurs, у автора. Мы предпочли бы вовсе зачеркнуть слово „сродственный“ ибо это какъ бы ограничиваетъ сферу вспомоществованія. *Всѣ* рѣшительно общества этого рода между собою сродственны.

Европы нельзя сказать, чтобы ея Красный Крестъ отличился особою дѣятельностью. Во время ея войны съ Боэрами въ Трансваалѣ (1880—81 г.) одинъ голландскій комитетъ, быть можетъ и по племенному родству Голландцевъ съ Боэрами, оказалъ имъ дѣятельную помощь, собравъ для нихъ однѣми деньгами 115,000 фр. Даже Комитетъ въ Батавіи прислалъ 21,000 фр.

Послѣдняя война упоминаемая авторомъ—это война Чили съ Перу и Боливіею (1879—81). Въ одномъ Перу существовало Общество вспоможенія, которое и сдѣлало что могло въ Каллао.

Отмѣтимъ еще, относительно Женевской конвенціи, что англичане въ войнѣ съ Боэрами объявили, что они будутъ ее соблюдать и Боэры, въ свою очередь, строго держались ея предписаній. Голландцы хотѣли сдѣлать то же съ султаномъ Атчина, но послѣдній приказалъ убить ихъ посланнаго. Въ 1874 г. Японія едва не вступила въ войну съ Китаемъ и въ виду этой возможности издала своимъ войскамъ такія инструкціи, которыя, по словамъ Муанье, были бы достойны филантроповъ Запада. Наконецъ Карлистская война въ Испаніи (1864 г.) была единственная доселѣ междуусобная война, въ которой конвенція соблюдалась обѣими сторонами.

Въ заключеніе своего историческаго очерка Муанье ставитъ на видъ, что конвенція для принявшаго ее государства обязательна и *помимо условія взаимности*. Это, говоритъ онъ, не двусторонній договоръ, въ которомъ контрагенты дѣлаютъ другъ другу взаимныя уступки. Скорѣе она представляется намъ декларацією, въ которой стороны признаютъ извѣстныя высшія нормы добровольно для себя обязательными и повелительный характеръ которыхъ абсолютенъ.

Послѣдняя глава изучаемаго нами сочиненія касается, какъ мы сказали, *будущности* Краснаго Креста. На прочныхъ ли основаніяхъ покоются его учрежденія и можно ли съ теченіемъ времени ожидать все бо̀льшаго ихъ развитія?

Эти учрежденія стали бы излишними при наступленіи двоякаго рода событій: если бы оффиціальныя санитарныя учрежденія въ войскахъ достигли такого совершенства, что удовлетворяли бы всѣмъ нуждамъ и еслибы прекратились сами войны. Недостаточность оффиціальныхъ учрежденій въ санитарномъ дѣлѣ есть, по опыту всѣхъ послѣднихъ войнъ, неустранимое зло и Общества вспоможенія призваны не конкуррировать съ ними, а помогать имъ и дополнять ихъ. Что же касается до исчезновенія войны, то автору кажется смѣлостью утверждать будто это невозможно. Онъ не раздѣляетъ воззрѣнія гр. Мольтке (высказаннаго въ письмѣ къ Блюнчли), что «война одинъ изъ элементовъ міроваго порядка установленнаго Богомъ «Смотрѣть такъ на войну, значитъ приписывать Провидѣнію свойства несоединимыя съ Его существомъ. Война есть скорѣе случайность, бѣдствіе возникающее отъ человѣка, который, хотя медленно, но постепенно стремится къ освобожденію отъ него. Народы перестанутъ прибѣгать къ самосуду съ бо̀льшимъ развитіемъ международнаго права и съ *установленіемъ* для охраны послѣдняго *юридическихъ органовъ*.

Но пока это великая реформа отъ насъ еще далека и Красный Крестъ черпаетъ себѣ въ наше время все новыя силы, благодаря особенно двумъ обстоятельствамъ: общей воинской повинности, которая все крѣпче дѣлаетъ связь между арміею и *всѣми* слоями населенія, и все усиливающейся демократизаціи общества. Эти причины только усилятъ его популярность и привлекутъ къ нему все бо̀льшее число новыхъ членовъ.

Мимоходомъ Муанье останавливается и на противникахъ Женевской конвенціи, особенно на тѣхъ военныхъ теоретикахъ, которые, будучи филантропами по своему, утверждаютъ, что войну слѣдуетъ вести рѣшительно, т.-е. безъ пощады. Авторъ справедливо возражаетъ имъ, что исторія не подтверждаетъ ихъ мысли, будто самыя истребительныя войны были и наиболѣе кратки. Женевская конвенція въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожалуй, стѣснитъ полководца, но она никогда не помѣшаетъ ему одержать побѣду. Иначе правительства не спѣшили бы присоединяться къ ней чаще всего именно до или во время войны. Авторъ полагаетъ даже, и нельзя не раздѣлять его воззрѣнія, что со временемъ учрежденія Краснаго Креста своею благотворною сѣтью обнимутъ всю землю. Но развитіе его не можетъ идти односторонне: возникновеніе въ извѣстной странѣ его Общества непремѣнно требуетъ и присоединенія правительства этой страны къ самой конвенціи.

Едва ли не самое интересное для насъ въ книгѣ Муанье его мысли объ улучшеніяхъ требуемыхъ дѣломъ Краснаго Креста.

Начиная съ Обществъ вспоможенія, онъ сознается, что многія изъ нихъ не на высотѣ своей задачи: преслѣдуя однѣ цѣли, они иногда пренебрегаютъ другими для нихъ не менѣе жизненными. Вообще они, нося характеръ мѣстный, національный, нуждались бы въ *установленіи общей между ними связи* и *организаціи*, чѣмъ лучше всего подтвердилась бы ихъ коллективная солидарность и самое ихъ дѣло получило бы бо̀льшее единство и большую прочность. Правда существуетъ общій для нихъ органъ печати: «Bulletin international», но этого недостаточно. Слѣдовало бы, не касаясь ихъ автономіи, создать такое центральное учрежденіе, которое, обладая опредѣленною компетенціею, обсуждало бы вопросы о допущеніи новыхъ Обществъ въ союзъ старыхъ, о способахъ взаимнаго между ними содѣйствія и т. п. До нѣкоторой степени такое учрежденіе можно, пожалуй видѣть въ *Международномъ Комитетѣ въ Женевѣ.* Положивъ, какъ извѣстно, основаніе дѣлу Краснаго Креста, онъ содѣйствовалъ созванію дипломатическихъ конференцій 1864—68 г. и игралъ роль то инициатора, то посредника между Обществами вспоможенія различныхъ воюющихъ. Во всѣхъ войнахъ съ 1864 г. онъ стоялъ на стражѣ великихъ началъ Женевской конвенціи. Но онъ не имѣетъ никакого оффиціальнаго характера и положенія. Авторитетъ его, хотя громадный, но чисто нравственный. Муанье, не высказываясь категорично, видимо склоняется къ мысли, чтобы этотъ Комитетъ, не подвергаясь никакимъ измѣненіямъ, былъ признанъ тѣмъ центральнымъ органомъ, о которомъ мы говорили выше. Ни одно національное Общество не можетъ его замѣнить. Въ случаѣ войны государства, на территоріи котораго оно находится, оно потеряетъ свой нейтралитетъ. Женевскій же Комитетъ, находясь въ странѣ столь центральной и замиренной какъ Швейцарія, будто созданъ для того, чтобы служить связующимъ звеномъ между всѣми національными Обществами. Предоставить ли послѣднимъ право назначать своихъ делегатовъ въ его составъ? Это, говоритъ Муанье, быть можетъ было бы логичнѣе, но вѣроятно встрѣтило бы на практикѣ много препятствій и едва ли бы подобный преобразованный Комитетъ оказался бы въ трудныхъ обстоятельствахъ болѣе и усерднымъ чѣмъ нынѣ существующій.

Раздѣляя въ цѣломъ эти мысли уважаемаго автора, мы полагаемъ, что, пока онъ стоитъ во главѣ Краснаго Креста, никакія измѣненія въ устройствѣ международнаго комитета не нужны, но, со временемъ, когда Общества получатъ желаемыя имъ *объединеніе* и *устройство*, будетъ необходимо, чтобы этотъ Комитетъ, пребывая въ Швейцаріи (именно въ Женевѣ), получилъ *вполнѣ международную организацію* и *опредѣленныя полномочія* для *однообразнаго завѣдыванія всѣми учрежденіями Краснаго Креста, гдѣ бы они ни находились.* Въ наше время все большее число международныхъ дѣлъ въ интересахъ всѣхъ получаютъ международную организацію (почтовое, телеграфное, охрана промышленной собственности, правъ авторовъ и т. д.) и нѣтъ основанія отказать въ таковой и дѣлу международнаго вспомоществованія раненымъ и больнымъ воинамъ.

На основаніи опытовъ послѣднихъ войнъ Женевская конвенція, по мнѣнію Муанье, должна быть *не отмѣнена*, а *измѣнена.* Текстъ ея мѣстами грѣшитъ своимъ содержаніемъ, мѣстами своими пробѣлами. Его нужно поэтому и *исправить* и *дополнить.* Но авторъ не пускается въ большія на этотъ счетъ подробности, а предлагаетъ только: 1) многія положенія конвенціи должны получить болѣе ясную и точную редакцію. Надо статьи ея привести въ болѣе стройную систему и, смягчивъ нѣкоторыя второстепенныя правила, не касаться въ цѣломъ ея существа. 2) Общества вспоможенія давно заслужили упоминанія въ самой конвенціи и полученія отъ нея формальной охраны. 3) Распространеніе ея началъ и на морскія войны. 4) Подчиненіе болѣе строгому контролю, право ношенія отличительныхъ знаковъ конвенціи. Предоставленіе выдачи нарукавниковъ военнымъ властямъ не есть еще достаточная гарантія. 5) *Особенно необходимо заботиться о поднятіи нравственнаго воспитанія войскъ* [1]. *Въ ихъ обученіи знакомство съ правомъ войны должно занять видное мѣсто.* Невѣжество, господствующее на этотъ счетъ даже среди такъ называемыхъ образованныхъ классовъ, иногда просто невѣроятно. 6) Установленіе за нарушеніе конвенціи уголовной санкціи. Но и этого недостаточно: пока воюющіе не будутъ въ дѣлѣ преслѣдованія этихъ нарушеній между собою солидарны, виновные всегда могутъ легко расчитывать на безнаказанность. На этомъ основаніи Муанье предлагаетъ введеніе какъ бы *суда чести* (jury d'honneur) призваннаго произносить, въ случаѣ споровъ, свое мнѣніе только о *фактахъ*. Его рѣшенія имѣли бы значеніе нравственной санкціи и въ большинствѣ случаевъ вѣроятно предупреждали бы репрессаліи, давая удовлетвореніе обиженному. Наибольшая трудность заключается въ томъ, какъ констатировать спорные факты? Это могло бы быть поручено только нейтральнымъ. Задача ихъ конечно была бы не легка, но уже одно присутствіе въ лагеряхъ иностранныхъ третейскихъ судей (d'arbitres étrangers), облеченныхъ оффиціальнымъ полномочіемъ произвело бы извѣстное давленіе на воюющихъ и предохранило бы ихъ отъ многихъ крайностей. Такой контроль оффиціозно, пожалуй, уже существуетъ въ лицѣ представителей печати, но было бы несравненно лучше замѣнить это *подобіе юрисдикціи настоящими органами права*.

---

[1] Слова вдвойнѣ справедливыя въ нашъ вѣкъ всеобщаго одичанія народныхъ массъ. Государства относятся къ этому по большей части съ непростительнымъ безучастіемъ.

Мы нарочно привели цѣликомъ эти глубоко-вѣрныя мысли автора. Мы находимъ только, что отъ его посылокъ еще логичнѣе придти не къ суду чести, а къ настоящему *международному суду*, за который авторъ и высказался въ 1872 г. ¹).

Въ заключеніе Муанье говоритъ что своею книгою онъ хотѣлъ проложить дорогу другимъ писателямъ о Красномъ Крестѣ, которые, освободивъ сообщаемый имъ матеріалъ отъ дидактической формы, съумѣли бы представить его читателямъ слогомъ болѣе привлекательнымъ и яркимъ. Намъ кажется, что и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, книга великаго гражданина Женевы есть образецъ достойный подраженія. Она заслуживаетъ, чтобы ее прочли и продумали съ одного конца до другаго. Нашу передачу ея главныхъ мыслей мы не можемъ кончить иначе, какъ заключительными словами самого автора:

---

¹) Этотъ проектъ мы подробно изложили и обсудили въ нашемъ сочиненіи: „О международномъ судѣ", стр. 436—448. Можно спорить развѣ о тѣхъ или иныхъ *практическихъ* сторонахъ дѣла, но противъ такого суда ничего нельзя возразить во имя *принциповъ* международнаго права.

„Красный Крестъ есть плодъ христіанства. По мѣрѣ того, какъ нравственность Евангелія проникала болѣе глубоко въ сердца народовъ, она дѣлала ихъ болѣе склонными къ принесенію жертвъ. Она же, послѣ вѣковъ противодѣйствія, научила ихъ понимать то, что есть вѣнецъ добродѣтели—проявлять любовь къ врагамъ. Матеріальныя улучшенія, вызванныя въ санитарномъ дѣлѣ Краснымъ Крестомъ, мало значатъ сравнительно съ его нравственнымъ подвигомъ. Онъ есть одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій того духа братства, который повидимому въ планахъ Божіихъ призванъ переродить человѣчество и который беретъ свое начало отъ правды и отъ любви. Проломъ, сдѣланный имъ въ стѣнѣ эгоизма народовъ, не исправимъ и послѣдствія этой побѣды безконечны. Понемногу всѣ общественныя отношенія, такъ часто проникнутыя враждою и ненавистью, почувствуютъ на себѣ воздѣйствіе этой новой крови, которая влита въ жилы цивилизованнаго человѣчества».

БИБЛИОТЕКА
Ассоциации
Научно-Исслед. Институтов
при Ф. О. Н. М. Г. У.
№ Инв.
№ Сист
Шифр

2007059273